

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

УИЛЬЯМ ГИБСОН

Граф Ноль. Мона Лиза овердрайв

«НЕЙРОМАНТ» И ДВА ЕГО ПРОДОЛЖЕНИЯ —
НЕ О КОМПЬЮТЕРАХ.
УИЛЬЯМ ГИБСОН

18+

Киберпространство

Уильям Гибсон

**Граф Ноль. Мона Лиза
овердрайв (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1986, 1988

Гибсон У. Ф.

Граф Ноль. Мона Лиза овердрайв (сборник) / У. Ф. Гибсон —
«Азбука-Аттикус», 1986, 1988 — (Киберпространство)

«Граф Ноль» и «Мона Лиза овердрайв» – продолжения открывшего трилогию «Киберпространство» романа «Нейромант»; этот классический дебют жанрового революционера, которому оказались тесны рамки любого жанра, собрал все главные фантастические награды («Хьюго», «Небьюла», премия имени Филипа Дика) и стал международным бестселлером. Трилогия определила лицо современной литературы на десятилетия вперед и явилась краеугольным камнем киберпанка – стиля и культурного феномена. Будущее здесь – это мир высоких технологий и биоинженерии, глобальных компьютерных сетей и всемогущих транснациональных корпораций, мир жестокий и беспощадный. Здесь японская мафия исповедует идеалы древнего самурайского кодекса, виртуальный мир населен персонажами вудуистского пантеона, а девушка, умеющая входить в киберпространство без компьютера, становится для своего поколения богиней... Переводы публикуются в новой редакции.

© Гибсон У. Ф., 1986, 1988

© Азбука-Аттикус, 1986, 1988

Содержание

Граф Ноль	6
1	6
2	13
3	18
4	20
5	25
6	27
7	36
8	42
9	44
10	50
11	53
12	60
13	62
14	70
15	79
16	85
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Уильям Гибсон

Граф Ноль. Мона Лиза овердрайв

William Gibson COUNT ZERO

All rights reserved

William Gibson MONA LISA OVERDRIVE

Copyright © 1986 by William Gibson

© А. Комаринец, перевод, 2015

© А. Гузман, перевод, 2015

© А. Чертков, статья, 2015

© В. Еклерис, иллюстрация, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Граф Ноль

Моей Д. посвящается

*Ouiero hacer contigo
lo que la primavera
hace con los cerezos.*

Неруда¹

COUNT ZERO INTERRUPT (ПРЕРЫВАНИЕ НА СЧЕТ НОЛЬ) —
Чтобы прервать работу программы, сбросьте счетчик до нуля.

1

Отлично налаженный механизм²

«Собаку-хлопушку», предварительно натасканную на его феромоны и цвет волос, Тернер посадили на хвост в Нью-Дели. Она достала его на улице под названием Чандни-Чоук³, проползла на брюхе к арендованному им «БМВ» сквозь лес коричневых голых ног и колес велорикш. «Собака» была начинена килограммом кристаллического гексогена, перемешанного с тротиловой стружкой.

Тернер не видел ее приближения. Последнее, что он помнит об Индии, — розовая штукатурка дворца под названием «Отель Кхуш-Ойл».

Поскольку у него был хороший агент, у него был хороший контракт. Поскольку у него был хороший контракт, то буквально час спустя после взрыва он уже был в Сингапуре. По крайней мере, большей своей частью. Хирургу-голландцу нравилось шутить, что некий процент Тернера не вырвался из «Палам Интернэшнл»⁴ первым рейсом и был вынужден провести ночь в ангаре в резервуаре жизнеобеспечения.

Голландцу и его бригаде потребовалось три месяца, чтобы собрать Тернера заново. Они клонировали для него квадратный метр кожи, вырастив ее на пластинах коллагена и полисахаридах из акулиных хрящей. Глаза и гениталии купили на свободном рынке. Глаза оказались зелеными.

Большую часть этих трех месяцев Тернер провел в сгенерированном базовой памятью симстим-конструкте — в идеализированном детстве в Новой Англии предыдущего столетия. Визиты голландца представляли серыми предрассветными снами, кошмарами, тускневшими, когда светлело небо за окном спальни на втором этаже, где по ночам пахло фиалками. Тринадцатилетний Тернер читал Конан Дойля при свете шестидесятиваттной лампочки под бумажным абажуром с изображениями белоснежных парусников, мастурбировал, вдыхая запах чистых хлопковых простыней, и думал о девчонках-чирлидершах. Голландец же по-хозяйски

¹ Хочу сотворить с тобою то, что весна сотворяет с дикой вишней в лесу (*исп.*). Перевод П. Грушко.

² «Smooth Running Gun» — из песни Вуди Гатри «East Texas Red» («I always seen East Texas Red sporting his smooth running gun» — «Рыжий из Восточного Техаса никогда не расставался со своим безотказным стволом»), написанной в 1945 г.

³ Чандни-Чоук — торговая улица в Дели, крупнейший рынок Индии, открытый в середине XVII в.

⁴ Свой роман, вышедший в 1986 г. (журнальная публикация — с января по март, книга — в марте), Гибсон писал еще до того, как делийский аэропорт Палам был переименован в Международный аэропорт имени Индиры Ганди (май 1986 г.).

распахивал дверку в тылу его мозга и задавал всякие разные вопросы; но утром мать звала его завтракать овсянкой и яичницей с беконом, за которыми следовал неизменный кофе с молоком и сахаром.

Однажды утром Тернер проснулся в чужой постели, у окна стоял голландец, заслоняя собой тропическую зелень и резавший глаза солнечный свет.

– Можете отправляться домой, Тернер. Мы с вами закончили. Вы теперь как новенький.

Он был как новенький. А толку? Кто ж его знает. Забрав то, что передал ему на прощание голландец, он вылетел из Сингапура. Домом ему стал «Хайятт» в ближайшем аэропорту. И в следующем за ним.

И в следующем. И в бог знает каком еще.

Он все летел и летел. Его кредитный чип – черный зеркальный прямоугольник с золотым обрезом. Люди за стойками, только завидев чип, улыбались, кивали. Распахивались и захлопывались за ним двери. Колеса отрывались от железобетона, тут же появлялась выпивка, стол всегда был накрыт.

В Хитроу огромный ломоть памяти, отколовшийся от пустой чаши неба над аэропортом, рухнул ему на плечи. Не замедляя хода, Тернер сблевал в синюю пластмассовую урну. Оказавшись у стойки в конце коридора, он поменял билет.

На рейс в Мексику.

И проснулся под клацанье стальных корзинок по кафелю, мокрый шорох щеток... Теплое женское тело под боком.

Комната – как высокая пещера. Голый белый пластик четко отражает звук; где-то вдали, перекрывая болтовню служанок в утреннем дворе, бьется прибой. Под пальцами – мятые простыни, шершавый лен, смягченный бесчисленными стирками.

Он вспомнил солнечный свет сквозь стену из тонированного стекла. Пуэрто-Вальярта, бар в аэропорту. Двадцать метров от самолета пришлось пройти пешком, зажмурив глаза от солнца. Вспомнил дохлую летучую мышь, раскатанную в сухой лист по бетону взлетной полосы.

Вспомнил автобус, карабкающийся по горной дороге: вонь от двигателя внутреннего сгорания, ветровое стекло, оклеенное по краю почтовыми открытками с розовыми и голубыми голограммами святых. Поднимающегося уступами ландшафта он не замечал, увлеченный шариком из розового люцита, в сердцевине которого нервно танцевала ртуть. Шар чуть крупнее бейсбольного мяча увенчивал стальной рычаг переключения скоростей. В дутой полости сферы, до половины наполненной шариками ртути, скорчился паук. Ртуть подпрыгивала и перекачивалась, когда водитель лихо заворачивал автобус по серпантину, качалась и подрагивала на прямых отрезках дороги. Набалдашник был самоделкой, нелепой и зловещей; он был здесь, чтобы сказать: «Добро пожаловать в Мексику».

Среди десятка-полутора выданных голландцем микрософтов был один, который позволил бы Тернеру сравнительно бегло говорить по-испански. Но в Вальярте он, нащупав выступ за левым ухом, вместо софта вставил заглушку от пыли, спрятав разъем и коннектор за квадратиком микропоры телесного цвета. У пассажира на одном из задних кресел автобуса было радио. В звенящие поп-мотивы периодически врывался голос диктора, чтобы продекламировать, как литанию, цепочки десятизначных чисел – «сегодняшние победители в национальной лотерее!».

Женщина рядом с ним шевельнулась во сне.

Тернер приподнялся на локте, чтобы взглянуть на нее. Лицо незнакомое, но не из тех, к каким приучила его кочевая гостиничная жизнь. Он ожидал увидеть банальную красотку,

порождение дешевой пластической хирургии и безжалостного дарвинизма моды, архетип, сварганенный из сотен популярных экранных лиц за последние пять лет.

Что-то от Среднего Запада в линии нижней челюсти, что-то архаичное и очень американское. Бедро прикрыто складками голубой простыни. Сквозь деревянные жалюзи косо падает солнечный свет, расчерчивая ее длинные ноги золотыми диагоналями. Лица, рядом с которыми он просыпался в гостиницах мира, были как украшение на автомобильном капоте самого Господа. Спящие женские лица, одинаковые и одинокие, обнаженные, устремленные в пустоту. Но это лицо было иным. Почему-то оно уже соотносилось с неким смыслом. Смыслом и именем.

Он сел, спустив ноги с кровати. Подошвы зарегистрировали на холодной плитке дробь песчинок с пляжа. Стоял слабый всепроникающий запах инсектицидов. Голый, с болезненно пульсирующей головой, Тернер встал. Заставил ноги передвигаться. Пошел, толкнул одну из двух дверей, обнаружил за ней белый кафель, снова белую штукатурку, грушу хромированной головки душа, свисающую с железной трубы, покрытой пятнами ржавчины. Из кранов над раковиной сочилась одинаковые струйки теплой, как кровь, воды. Возле пластикового стаканчика лежали антикварные наручные часы, механический «ролекс» на светлом кожаном ремешке.

В забранных ставнями окнах ванной отсутствовали стекла, зато их затягивала мелкая сетка из зеленой пластмассы. Выглянув в щелку между деревянными планками, Тернер поморщился от резкого жаркого солнца, увидел пересохший фонтан, выложенный плиткой в цветок, и ржавый остов «фольксвагена» модели «рэббит».

Эллисон. Вот как ее зовут.

На ней были поношенные шорты цвета хаки и его белая футболка. Ноги – дочерна загорелые. Запястье обвивал ремешок из свиной кожи, на ремешке – механический «ролекс» в тусклом корпусе из нержавеющей стали. Они отправились погулять вдоль изгиба пляжа по направлению к Барре-де-Навидад, держась линии прибоя с узкой полоской плотного мокрого песка.

У них уже была общая история: он помнил ее этим утром у стойки в маленьком, с железной крышей меркадо. Помнил, как она обеими руками держала огромную глиняную кружку с дымящимся кофе. А он, тортилей подбирая сальсу и яичницу с потрескавшейся белой тарелки, смотрел, как мухи кружат в пальцах солнечного света, пробивающегося сквозь лоскутное одеяло тени, накинутое пальмовыми листьями и рифлеными стенами кафе. Невнятный разговор о ее работе в адвокатской конторе в Лос-Анджелесе, о том, как она живет одна в каком-то из ветхих понтонных городков, стоящих на приколе за Редондо. Он, кажется, сказал, что занимается кадрами. Так или иначе, когда-то занимался.

– Может, подыщу себе какую-нибудь другую работу...

Но разговор казался вторичным по сравнению с тем, что возникло между ними. Вот над их головами, паря в бризе, зависла птица-фрегат, скользнула в сторону, развернулась и исчезла. Оба вздрогнули от такой свободы, от бездумного птичьего скольжения. Эллисон сжала его руку.

По пляжу, приближаясь к ним, вышагивала синяя фигура – военный полицейский направлялся в город, сияющие черные сапоги казались нереальными на фоне пастельных красок пляжа. Когда полицейский с темным и неподвижным лицом под зеркальными очками проходил мимо, Тернер заметил лазерный карабин «стайнер-оптик» с прицелом «фабрик-насьональ». Синяя гимнастерка была безупречно отглажена, стрелки брюк жестки и остры, как лезвие ножа.

Большую часть своей взрослой жизни Тернер, хотя никогда и не носил мундира, был солдатом. Солдатом удачи. Наемником. Его работодатели – огромные корпорации, втайне воюющие между собой за контроль над мировой экономикой. Его специализация – топ-менеджеры

и ведущие ученые. Транснационалы, на которых он работал, никогда не признают существование людей, подобных Тернеру...

– Прошлой ночью ты оприходовал почти всю бутылку «Эррадуры», – сказала женщина.

Тернер кивнул. Ее рука в его ладони была сухой и теплой. Он смотрел, как Эллисон ставит ногу на песок, как раздвигаются при этом пальцы. Розовый лак на ногтях совсем облупился.

Накатили буруны с прозрачной, как зеленое стекло, кромкой.

На загорелой коже Эллисон мелкими бусинами осела водяная пыль.

После того первого дня вместе жизнь вошла в простую колею. Они завтракали в меркадо за бетонной стойкой, вытертой до гладкости полированного мрамора. Утро проводили купаясь, пока солнце не загоняло их назад в защищенную ставнями прохладу гостиницы, где они занимались любовью под медленно кружащими лопастями деревянного вентилятора, потом спали. Под вечер отправлялись обследовать путаницу узких улочек позади авениды или уходили к холмам. Обедали на верандах ресторанов с видом на пляж и пили вино в патио белых гостиниц. В волнах прибоя качался лунный свет.

И постепенно, без слов, она научила его новому виду страсти. Он привык к тому, чтобы его обслуживали, к безликому сервису умелых профессионалок. Теперь же, в белой пещере комнаты, он стоял на коленях на плитке пола. Опуская голову, ласкал ее языком; тихоокеанская соль смешивалась с ее собственной влагой, внутренняя поверхность бедер, прижатая к его щекам, была прохладной. Покачивая ладонями ее бедра, он сжимал их, поднимал как чашу, плотно прижимаясь губами, пока язык его искал локус, точку, частоту, которая приведет ее к дому. Потом с усмешкой забирался сверху, входил и искал собственную дорогу к дому же.

А иногда, после, он говорил – и долгие разворачивающиеся спирали расплывчатого рассказа вплетались в шум моря. Эллисон говорила очень немного, но он научился ценить то малое, что она говорила. И всегда она обнимала его. И слушала.

Прошла неделя, за ней другая. В их последний день вместе Тернер проснулся в той же прохладной комнате, увидел Эллисон рядом. За завтраком ему почудилось, что он уловил в ней перемену, какую-то непривычную напряженность.

Они загорали, плавали, и в знакомой постели он забыл о смутном привкусе беспокойства.

Под вечер Эллисон предложила пойти погулять по пляжу к Барре, как они ходили в то первое утро.

Тернер извлек из разъема за ухом заглушку и вставил «занозу» микрософта. Структура испанского языка опустилась сквозь него, как стеклянная башня, невидимые ворота распахнулись в настоящее и будущее, в условное и предпрошедшее. Оставив ее в комнате, он пересек авениду и вошел на рынок. Купил соломенную корзинку, несколько банок холодного пива «Карта бланка», сэндвичи и фрукты. По дороге назад взял у торговца на авениде новую пару солнечных очков.

Его загар был теперь коричневым и ровным. Угловатые заплаты, оставшиеся после пересадки ткани, исчезли, а Эллисон научила его единству тела. По утрам, встречая в зеркале в ванной взгляд зеленых глаз, он наконец уверовал в то, что они его собственные. Да и голландец перестал тревожить его сны дурацкими шутками и сухим кашлем. И все же временами ему снилась Индия, страна, которую он едва успел узнать. Индия, разлетевшаяся вдребезги яркими осколками: улица Чандни-Чоук, запах пыли и жареных лепешек.

Стены полуразвалившегося отеля стояли на четверти пути к Барре, если идти вдоль дуги залива. Прибой здесь был сильнее, и каждая волна разбивалась маленьким взрывом.

Сейчас Эллисон тянула его к этому отелю. В уголках ее глаз появилось что-то новое, какая-то натянутость. Чайки разлетелись врассыпную, когда они рука об руку вышли на пляж,

чтобы заглянуть в тень за пустым дверным проемом. Песок под фундаментом просел, и фасад обвалился, оставив перекрытия этажей свисать огромными полотнищами на погнувшихся ржавых сухожилиях. На каждом перекрытии пол был выстлан другим узором разноцветной плитки.

«ГОСТИНИЦА „PLAYA DEL M.“» – заглавные буквы были выложены будто рукой ребенка – морскими ракушками, вдавленными в бетонную арку.

– Мар⁵, – сказал он, заканчивая слово, хотя и вынул уже микрософт.

– Все кончено, – сказала она, входя в тень арки.

– Что кончено?

Он вошел следом; плетеная корзинка терлась о бедро. Песок здесь был холодным, сухим и рассыпался под ногами.

– Кончено. С этим местом покончено. Здесь нет ни времени, ни будущего.

Он недоуменно уставился на нее, потом перевел взгляд туда, где у стыка двух осыпающихся стен переплелись ржавые кроватные пружины.

– Мочой пахнет, – сказал он. – Пошли купаться.

Море смыло озноб, но между ними теперь повисла какая-то отстраненность. Они сидели на одеяле из комнаты Тернера и молча ели. Тень от развалин медленно удлинялась. Ветер играл выгоревшими на солнце волосами Эллисон.

– Глядя на тебя, я думаю о лошадях, – сказал он наконец.

– Ну, – проговорила она, будто из глубин усталости, – они только тридцать лет как вымерли.

– Нет, – сказал он, – их волосы. Волосы у них на шеях, когда лошади бегут.

– Гривы, – сказала она, на глазах у нее выступили слезы. – Сволочи. – Эллисон сделала глубокий вдох. Отбросила на песок пустую банку из-под «Карта бланка». – Они, я – какая разница? – Ее руки снова обняли его плечи. – Ну давай же, Тернер. Давай.

И когда она ложилась на спину, утягивая его за собой, он заметил что-то – кораблик, превращенный расстоянием в белую черточку дефиса, – там, где вода соприкасалась с небом. Садясь на одеяле, чтобы натянуть обрезанные джинсы, Тернер увидел яхту. Теперь суденышко было гораздо ближе, грациозная запятая белой палубы легко скользила по воде. Глубокой воде. Судя по силе прибоя, пляж, очевидно, обрывался здесь почти вертикально. Вот почему чередой гостиниц кончалась там, где она кончалась, в нескольких километрах от этого места, и вот почему руины не устояли. Волны подточили фундамент.

– Дай мне корзинку.

Она застегивала пуговицы блузки. Эту блузку он купил ей в одной из усталых лавчонок на авениде. Мексиканский хлопок цвета электрик, плохо обработанный. Одежда, которую они брали в местных магазинах, редко протягивала дольше одного-двух дней.

– Я сказал, дай мне корзинку.

Дала. Он покопался среди остатков их ужина, под пластиковым пакетом с ломтиками ананаса, вымоченными в лимонной цедре и присыпанными кайенским перцем, нашел бинокль. Вытащил. Пара компактных боевых окуляров шесть на тридцать. Щелчком поднял вверх внутреннюю крышку с объективов и, приладив дужки, стал изучать обтекаемые иероглифы логотипа «Хосаки». Желтая надувная шляпка обогнула корму и вырулила к пляжу.

– Тернер, я...

– Вставай, – сказал он, затапливая одеяло и ее полотенце в корзинку.

Вынул последнюю, уже теплую банку «Карта бланка», положил ее рядом с биноклем. Встал и, рывком поднимая Эллисон на ноги, насильно всунул ей в руки корзинку.

⁵ Playa del mar (исп.) – морской пляж.

– Возможно, я ошибаюсь, – сказал Тернер. – Но если нет, то уноси ноги, беги что есть сил. Свернешь к тем, дальним пальмам. – Он указал куда-то в сторону. – В гостиницу не возвращайся. Садись на автобус до Мансанильо или Вальярты. Поезжай домой.

До него уже доносилось мурлыканье мотора.

Из глаз ее потекли слезы, но беззвучно. Эллисон крунулась на пятках и побежала мимо развалин, вцепившись в корзинку, спотыкаясь на разъезжающемся песке. И ни разу не обернулась.

Тернер снова уставился на яхту. Надувная шлюпка уже прыгала по волнам прибоя. Яхта называлась «Цусима», и в последний раз он видел ее в Хиросимском заливе. Но тогда он стоял на ее палубе и смотрел на красные ворота синтоистского храма в Ицукусиме.

Зачем бинокль, если и так ясно, что пассажиром шлюпки окажется Конрой, старший над ниндзями «Хосаки». Скрестив по-турецки ноги, Тернер сел на остывающий песок и открыл свою последнюю банку мексиканского пива.

Тернер не отрываясь глядел вдаль на череду белых гостиниц, руки неподвижно лежали на тиковых перилах «Цусимы». За гостиницами горели три голограммы городка – «Banamex», «Aeropaves» и шестиметровая Богородица местного собора.

Конрой стоял рядом.

– Срочная работа, – сказал наконец Конрой. – Сам знаешь, как это бывает.

Голос Конроя был плоским и безжизненным, будто в подражание дешевому аудиочипу. Лицо – широкое и белое, мертвенно-белое. Черные круги, мешки под глазами и грива выбеленных, зачесанных назад волос. На Конрое была черная рубашка поло и черные брюки.

– Пошли внутрь, – поворачиваясь, сказал он.

Тернер безучастно последовал за ним, пригнувшись, чтобы войти в дверь каюты. Белые ширмы, светлая сосновая обшивка – строгий шик токийских корпораций.

Конрой уселся на низкий прямоугольный пуф из синевато-серой искусственной замши. Тернер остался стоять, руки расслабленно висят по бокам; между ним и Конроем – стол. Конрой взял со стола серебряный, с насечками, ингалятор.

– Дохнешь усилитель холина?

– Нет.

Вставив ингалятор в ноздрю, Конрой затаился.

– Хочешь суси? – Он отставил ингалятор на стол. – С час назад мы поймали пару окуней.

Тернер не шевельнулся, по-прежнему в упор глядя на Конроя.

– Кристофер Митчелл, – негромко произнес Конрой. – «Маас-Биолабс». Руководитель их гибридомного⁶ проекта. Он переходит в «Хосаку».

– Никогда о нем не слышал.

– Так я тебе и поверил. Хочешь выпить?

Тернер покачал головой.

– Кремний – уже вчерашний день, Тернер. Митчелл – это тот самый, кто заставил работать биочипы, а «Маас» сидит на всех базовых патентах. Ну да кому я рассказываю. Митчелл – спец по моноклональным антителам. Он хочет выбраться. Ты и я, Тернер, мы с тобой должны его вытащить.

– Я думал, я в отставке, Конрой. Мне неплохо отдыхалось.

– Именно это и сказал консилиум психиатров в Токио. Ну то есть ты же пообтерся уже немного, а? Она психолог-практик, на жалованье у «Хосаки».

На бедре Тернера задержался мускул.

⁶ Гибридома – гибридная клеточная линия, производящая моноклональные антитела. В 1984 г. за открытие принципа получения моноклональных антител Мильштейн, Кёлер и Йерне получили Нобелевскую премию по медицине.

– Они говорят, ты готов, Тернер. После Нью-Дели они немного волновались, так что хотели лишний раз перепроверить. Заодно и какая-никакая терапия – никогда же не повредит, верно?

2

Марли

Для собеседования она надела лучший свой жакет, но в Брюсселе шел дождь, а денег на такси у нее не было. От станции «Евротранса» пришлось идти пешком.

Ладонь в кармане выходного жакета – от «Салли Стэнли», но уже год как ношенного – белым узлом скрутилась вокруг скомканного факса. Факс ей больше не нужен, адрес она запомнила, но, похоже, ей никак не выпустить бумажку, как не победить транс, который держит ее в своих тисках. Ну вот она все смотрит и смотрит в витрину дорогого магазина мужской одежды. Взгляд Марли попеременно застывает то на солидной фланелевой рубашке, то на отражении собственных темных глаз.

Нет сомнений, одни лишь эти глаза будут стоить ей работы. Даже мокрые волосы не в счет – теперь она жалела, что не позволила Андреа их подстричь. Ведь глаза выставляли напоказ всем, кто потрудится в них заглянуть, боль и вялость, и уж это точно не укроется от герра Йозефа Вирека, наименее вероятного из возможных нанимателей.

Когда доставили факс, Марли настаивала на том, чтобы отнестись к нему как к дурной шутке – мол, просто еще один докучливый звонок. А докучали ей предостаточно, спасибо журналистам. Звонков было столько, что Андреа пришлось заказать специальную программу для телефона в своей квартире. Программа не пропускала входящие звонки с номеров, которые не были занесены в постоянную память телефона. Потому-то, уверяла Андреа, и прислали факс. Как еще с ней могли связаться?

Но Марли лишь качала головой, глубже закутываясь в старый махровый халат Андреа. С чего это вдруг Вирек, невероятно богатый коллекционер и меценат, пожелает нанять опозоренную бывшую кураторшу крохотной парижской галереи.

Тогда приходил черед Андреа качать головой в раздражении на эту новую, «опозоренную» Марли Крушкову, которая целыми днями теперь не выходила из квартиры и порой не обнаруживала в себе сил даже чтобы одеться. Попытка продать в Париже одну-единственную подделку едва ли кому-то в новинку, что бы там ни воображала себе Марли, говорила Андреа. Не будь пресса так озабочена тем, чтобы выставить мерзкого Гнасса старым дураком, каковым он в сущности и является, продолжала она, эта история не попала бы даже в сводки новостей. Просто Гнасс был достаточно богат и буянил достаточно регулярно, чтобы сойти за скандал недели. Андреа улыбнулась:

– Не будь ты так привлекательна, о тебе бы вообще никто не вспомнил.

Марли покачала головой.

– И подделка-то пришла от Алена. Ты сама ни в чем не виновата. Забыла, что ли?

Ничего не ответив, Марли ушла в ванную, все так же кутаясь в потертый халат.

За желанием подруги утешить, хоть как-то помочь, Марли уже начинала чувствовать раздражение человека, вынужденного делить очень небольшое помещение с несчастным и не вносящим своей лепты в хозяйство гостем.

И Андреа еще пришлось одолжить ей денег на билет «Евротранса».

Мучительным усилием воли Марли вырвалась из замкнутого круга невеселых мыслей и слилась с плотным, но степенным потоком серьезных бельгийских покупателей.

Девушка в ярких брючках в обтяжку и огромной дубленой куртке, явно с плеча своего приятеля, слегка задела ее на бегу и, шаркнув ножкой, улыбнулась вместо извинения. У следующего перекрестка Марли заметила витрину с одеждой того стиля, который сама предпочитала в студенческие годы. Одежда выглядела невероятно молодежной.

В белом спрятанном кулачке – факс.

Галерея Дюпре – рю о'Бёр, дом 14, Брюссель.

Йозеф Вирек.

Секретарша в холодной серой приемной галереи Дюпре вполне могла здесь и вырасти – очаровательное и, скорее всего, ядовитое растение, пустившее корни за плитой из полированного мрамора с утопленной в него эмалированной клавиатурой. Она подняла на приближающуюся Марли лучистые глаза. Марли тут же вообразила: щелчок фотозатвора – и вот портрет замарашки уже несется прочь в какой-нибудь дальний закоулок империи Йозефа Вирека.

– Марли Крушкова, – сказала она, борясь с желанием извлечь плотный комок факса и жалко разглядить его на холодном, безупречном мраморе. – К герру Виреку.

– Герр Вирек, к сожалению, не сможет быть сегодня в Брюсселе, фройляйн Крушкова.

Глядя, как шевелятся идеально очерченные губы, Марли испытывала одновременно боль от такого ответа и острый укол удовлетворения, с которым научилась принимать разочарование.

– Понимаю.

– Однако он решил провести собеседование посредством сенсорной связи. Будьте добры пройти в третью дверь налево...

Комната была белой и голой. Справа и слева по стенам висели картины без рам: листы чего-то похожего на вымокший под дождем картон, испещренные различной формы дырками. *Katatonenkunst*⁷. Консервативно. Такие работы продают обычно безликому комитету по закупке, присланному советом директоров какого-нибудь голландского коммерческого банка.

Она села на низкую, обитую кожей банкетку и наконец позволила себе выпустить из руки факс. Она была одна в комнате, но предположила, что за ней каким-то образом наблюдают.

– Фройляйн Крушкова. – Молодой человек в темно-зеленом рабочем халате техника стоял в дверном проеме напротив той двери, через которую вошла она. – Через минуту, пожалуйста, пересекайте комнату и войдите в эту дверь. Прошу вас взяться за ручку плотно и не спеша, чтобы обеспечить максимальный контакт металла с кожей вашей ладони. Затем осторожно переступите через порог. Пространственная дезориентация должна быть минимальной.

– Прошу прощения... – Марли моргнула.

– Сенсорная связь, – сказал техник и удалился. Дверь за ним бесшумно закрылась.

Марли встала, подергала размокшие лацканы жакета в надежде придать им форму, коснулась волос, но передумала и, глубоко вздохнув, шагнула к двери. Фраза секретаря подготовила ее только к тому виду сенсорной связи, о котором она знала, – симстим-сигналу, переправляемому через «Белл-Европу». Она думала, ей придется надеть шлем с впаянными дерматродами, а Вирек воспользуется пассивным зрителем как живой видеокамерой.

Но размеры состояния Вирека позволяли нечто качественно иное.

Когда ее пальцы сомкнулись на медной дверной ручке, та словно бы конвульсивно выгнулась, в первую секунду контакта проскользив по тактильному спектру текстуры и температуры тканей.

Потом ручка вновь стала металлической... железяка, выкрашенная зеленой краской... чугун, уходящий вниз и вдаль, к линии горизонта... превратилась в старые перила, за которые Марли теперь ошарашенно цеплялась.

В лицо ей бросило несколько капель дождя.

Запах дождя и влажной земли.

Калейдоскоп мелких деталей, собственные воспоминания о пьяном пикнике студентов факультета искусств накладываются на совершенную иллюзию Вирека.

⁷ Искусство кататоников (нем.). Термин, предложенный австрийским художником-абстракционистом Арнульфом Райнером (р. 1929), в 1960-е гг. близким к радикальному движению венского акционизма.

Ни с чем не спутаешь эту раскинувшуюся сейчас под ней панораму Барселоны с ее окутанными дымкой вычурными шпилями собора Святого Семейства. Борясь с головокружением, Марли схватилась за перила и второй рукой. Она же знает это место. Она – в парке Гуэля, прямой сказочной стране, созданной архитектором Антонио Гауди на голом склоне сразу за центром города. Слева от нее, так и не соскользнув по скату расколовшегося валуна, застыла гигантская ящерица. Безумный узор прожилок на обливной керамике кожи. Струйки воды из улыбки-фонтана орошали клумбу поникших цветов.

– Вы растеряны. Прощу прощения.

Йозеф Вирек расположился на одной из волнисто-змеевидных парковых скамеек террасой ниже Марли, его широкие плечи прятались под мягкой крылаткой.

Черты этого лица были смутно знакомы Марли всю ее жизнь. Теперь ей почему-то вспомнилась фотография, на которой коллекционер позировал рядом с английским королем. Вирек улыбнулся. Крупная голова великолепной формы, высокий лоб под щеткой жестких темно-седых волос. Ноздри неизменно раздуты, как будто он вечно принохивается к неведомым ветрам искусства и коммерции. Взгляд бледно-голубых глаз, очень больших за стеклами круглых, без оправы, очков, за прошедшие десятилетия ставших как бы визитной карточкой его империи, оказался неожиданно мягким.

– Пожалуйста. – Узкая рука хлопнула по беспорядочной мозаике из глиняных черепков. – Вы должны простить меня за то, что я так полагаюсь на технику. Вот уже более десяти лет я пребываю в резервуаре жизнеобеспечения в каком-то кошмарном промышленном пригороде Стокгольма. А может, и преисподней. Я не слишком здоровый человек, Марли. Присаживайтесь рядом.

Сделав глубокий вдох, Марли спустилась по каменным ступеням и зашагала по булыжнику.

– Герр Вирек, – запинаясь, начала она, – я была на вашей лекции в Мюнхене, два года назад. Критика Фесслера и его *autistisches Theater*⁸. Вы тогда казались здоровым...

– Фесслер? – Вирек сморщил загорелый лоб. – Вы видели двойника. А может, голову. От моего имени, Марли, творится многое. Различные части моего состояния со временем приобрели автономность; порой они даже борются друг с другом. Так сказать, бунт на финансовых окраинах. Однако по ряду причин, настолько сложных, что как бы уже из области оккультного, факт моей болезни никогда не оглашался.

Присев рядом с ним на скамейку, Марли устала на грязный булыжник между стоптанными каблуками своих черных парижских ботинок. Увидела осколок бледного камешка, ржавую скрепку, пыльный трупик не то пчелы, не то трутня...

– Это... эта модель поразительно детальна...

– Да, – отозвался Вирек, – новые «маасовские» биочипы. Имейте в виду, – продолжал он, – что мое знание вашей частной жизни почти столь же детально. В некотором смысле я знаю о вас чуть ли не больше, чем вы сами.

– Да?

Гораздо проще, как она обнаружила, было сосредоточиться на городе, выискивая вехи, запомнившиеся за дюжину студенческих каникул. Вон там, именно там, должна быть пешеходная улица Рамбла: цветы и попугаи, таверны с темным пивом и жареными кальмарами.

– Да. Я знаю, это любовник убедил вас, будто вы отыскиали потерянный оригинал Корнелла...⁹

Марли зажмурила глаза.

⁸ Аутистического театра (нем.).

⁹ Корнелл, Джозеф (1903–1972) – американский художник и скульптор, мастер ассамбляжа – коллажа из «найденных предметов». Прославился после коллективной выставки «Искусство ассамбляжа» в Нью-Йоркском музее современного искусства (1961), где его ящичкам, напоминающим детские «секреты», был посвящен отдельный зал.

– Он заказал подделку, наняв двух талантливых студентов Академии художеств и известного историка, который испытывал определенные личные затруднения... Он заплатил им деньгами, которые снял со счета вашей же галереи, о чем вы, без сомнения, уже и сами догадались. Вы плачете...

Марли кивнула. Холодный указательный палец постучал по ее запястью.

– Я купил Гнасса. Я откупился от полиции. Пресса же не стоила того, чтобы ее покупать; она редко этого стоит. А теперь ваша, быть может, несколько скандальная репутация может сыграть вам на руку.

– Герр Вирек, я...

– Одну минуту. Пако! Подойди ко мне, дитя.

Открыв глаза, Марли увидела мальчика лет, наверное, шести, облаченного в темный пиджачок и штанишки до колен, светлые носки, высокие шнурованные ботинки. Каштановые волосы мягким крылом падали ему на лоб. Мальчик что-то держал в руках, какой-то ящичек или шкатулку.

– Гауди начал создавать этот парк в одна тысяча девятисотом году, – сказал Вирек. – Пако носит костюм того периода. Подойди сюда, мой мальчик. Покажи нам свое чудо.

– Сеньор, – пролепетал Пако и, с поклоном шагнув вперед, предъявил то, что держал в руках.

Марли могла только смотреть. Простой деревянный ящичек, стекло на месте передней стенки. Предметы...

– Корнелл, – выдохнула она, позабыв о своих слезах. – Корнелл? – повернулась она к Виреку.

– Конечно же нет. Видите – в обломок кости вставлен биомонитор «Браун»? Перед вами – шедевр нашего современника.

– Так, значит, есть еще? Есть и другие шкатулки?

– Я нашел их семь. В течение последних трех лет. Видите ли, «Коллекция Вирека» – это нечто вроде черной дыры. Неестественный удельный вес моего состояния безудержно притягивает редчайшие творения человеческого духа. Процесс, по сути своей, автономный, и в обычных обстоятельствах я не проявляю к нему особого интереса...

Но Марли погрузилась в шкатулку, в пробуждаемое ею ощущение невероятного расстояния, потери и томления по чему-то неведомому и недостижимому. Шкатулка казалась и мрачной, и нежной, и почему-то детской. Она заключала в себе семь предметов.

Тонкая флейта из полый кости – конечно же, созданной для полета, конечно же, из крыла какой-то большой птицы. Три архаичные микросхемы – как крохотные лабиринты золотых нитей. Гладкий белый шар обожженной глины. Почерневший от времени обрывок кружева. Сегмент длиной в палец... вероятно, кость из человеческого запястья, серовато-белая, с выступающим над ней кремниевым стержнем какого-то маленького прибора, головка которого некогда была утоплена в кожу, но лицевая панелька спеклась, обгорела.

Шкатулка казалась целой вселенной, поэмой, застывшей на дальнем рубеже человеческого опыта.

– *Gracias*, Пако.

Шкатулка и мальчик исчезли.

Марли охнула.

– Ах да, прошу прощения. Я забыл, что подобные переходы для вас слишком резки. Теперь, однако, мы должны обсудить ваше задание...

– Герр Вирек, – прервала его Марли, – что такое Пако?

– Подпрограмма.

– Понимаю.

– Я нанял вас для того, чтобы вы нашли создателя этой шкатулки.

– Но, герр Вирек, с вашими ресурсами...

– К которым теперь относитесь и вы, дитя мое. Или вы не хотите получить работу? Когда история о том, как Гнассу всучили поддельного Корнелла, попала в поле моего зрения, я понял, насколько вы можете быть полезны мне в этом деле. – Он пожал плечами. – Поверьте, я обладаю определенным талантом добиваться желаемого результата.

– Конечно, герр Вирек! Я хочу работать!

– Прекрасно. Вам будет выплачиваться понедельный оклад. Вам будет также предоставлен доступ к определенным кредитным линиям, хотя если вам потребуется приобрести, скажем, недвижимое имущество...

– Недвижимость?

– Или корпорацию, или космическое судно, – в этом случае вы обратитесь ко мне за опосредованным подтверждением ваших полномочий. Которое вы, с почти полной уверенностью можно утверждать, получите. А в остальном я предоставляю вам полную свободу. Однако предлагаю вам действовать на том уровне, который для вас привычен. Иначе вы рискуете потерять чутье, а интуиция в подобном случае имеет решающее значение. – Еще раз для нее вспыхнула знаменитая на весь мир улыбка.

Марли сделала глубокий вдох:

– Герр Вирек, что, если я не справлюсь? Сколько у меня времени на то, чтобы найти этого художника?

– Остаток жизни, – последовало в ответ.

– Простите меня, – к ужасу своему, услышала Марли собственный голос, – но, насколько я понимаю, вы сказали, что живете в... в резервуаре?

– Да, Марли. И из этой довольно ограниченной временной перспективы я советовал бы вам стремиться ежечасно жить в собственной плоти. Не в прошлом, если вы понимаете, о чем я. Говорю как человек, не способный более выносить это простое состояние, поскольку клетки моего тела донкихотски предпочли отправиться каждая своим путем. Полагаю, кому-нибудь более счастливому или менее богатому позволили бы в конце концов умереть или закодировали бы его сознание в память какого-нибудь компьютера. Но я, похоже, скован византийским хитросплетением механизмов и обстоятельств, что, по самым приблизительным прикидкам, требует примерно одной десятой части моего годового дохода. И наверное, превращает меня в самого дорогостоящего инвалида мира. Я был тронут вашими сердечными делами, Марли, и завидую той упорядоченной плоти, в которой они происходят.

Взглянув – на мгновение, не более – прямо в эти мягкие голубые глаза, Марли вдруг с инстинктивной уверенностью простого млекопитающего осознала, что исключительно богатые люди давно переступили ту черту, которая отделяет человека от чего-то иного...

Крыло ночи накрыло небо Барселоны, как судорога бескрайней, медленно смыкающейся диафрагмы, и Вирек с парком Гуэля исчезли, а Марли обнаружила, что вновь сидит на низкой кожаной банкетке и смотрит на рваные листы грязного картона.

3

Бобби влип, как вильсон

Простая это штука – смерть. Теперь-то он понял: она просто приходит. Чуть оскользнешься – и она уже здесь, что-то холодное, без запаха, вздувается изо всех четырех углов этой дурацкой комнаты – гостиной его матери в Барритауне.

«Вот ведь дерьмо, – думал он. – Дважды-в-День животики надорвет от смеха: впервые вышел на дело – и тут же влип, как вильсон».

Единственным звуком в комнате был слабый ровный гул – это вибрируют его зубы. Обратная связь ультразвуковым параличом разъедает нервную систему. Он глядит на свою руку, дрожащую в нескольких сантиметрах над красной пластмассовой кнопкой, которая могла бы разорвать убивающий его коннект.

Вот дерьмо.

Он пришел домой – и сразу за дело. Загнал кассетку с только что арендованным у Дважды-в-День ледорубом и подключился. Набрал код базы, которую Дважды-в-День для него и наметил; первая в жизни Бобби реальная цель. Вроде так это все и делается: хочешь сделать – и делаешь. Эта маленькая дека «Оно-Сэндай» была у него не более месяца, но он уже знал, что хочет стать кем-то большим, нежели мелкий барритаунский хотдоггер. Бобби Ньюмарк, он же Счет Ноль – или Граф Ноль, кому как больше нравится¹⁰, – но теперь все кончено. Кино никогда не кончается так, чтобы на первой же сцене. В кино всегда вбегает девушка ковбоя или, скажем, напарник, срывает дерматроды и бьет по вот этому маленькому красному «СТОП».

Но Бобби сейчас один; его центральная нервная система подавлена защитной программой базы данных за три тысячи километров от Барритауна, и он это знает. И какая-то магическая химия посреди зловещей, обволакивающей тьмы позволяет ему ощутить всю бесконечную желанность этой комнаты с ее ковром цвета ковра и занавесками цвета занавесок, с продавленной софой из темперлона, с угловатым хромированным стеллажом, на котором стоят компоненты старенького, шестилетней давности, развлекательного модуля «Хитачи».

Он ведь так тщательно задергивал занавески, готовясь к своему первому рейду, а теперь, как это ни странно, все равно видит сквозь них. Видит, как вздымается бетонная волна барритауновских кондо, чтобы разбиться о темные башни Новостроек. Волна щетинится тончайшим ворсом простых и спутниковых антенн, с натянутыми между ними бельевыми веревками. Мать любила разоряться по этому поводу: у нее была собственная сушилка. Он вспомнил побелевшие костяшки ее пальцев на крашенных под бронзу перилах балкона, сухие морщинки на сгибе кисти. Вспомнил, как несли с Большой Площадки мертвого парня на металлических носилках... труп завернут в пластик одного цвета с полицейской машиной. Упал и разбил голову. Упал. Голова садовая. Вильсон.

Сердце остановилось. Бобби показалось, что оно вдруг просто упало на бок и отбросило копыта, как какой-нибудь зверек в мультфильме.

Шестнадцать секунд смерти Бобби Ньюмарка. Его хотдоггерской смерти.

И тут *вклинилось* что-то. Ощущение запредельных пространств. Что-то огромное пришло из-за самого дальнего предела – мира, чувств, всего, что можно познать или вообразить. И это нечто коснулось его.

... ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ? ПОЧЕМУ ОНИ ДЕЛАЮТ ЭТО С ТОБОЙ?

Девчоночий голос, каштановые волосы, темные глаза...

¹⁰ Игра слов: английское «count» имеет целый ряд значений, в том числе «счет» и «граф».

: УБИВАЕТ МЕНЯ, УБИВАЕТ МЕНЯ, УБЕРИ ЭТО, УБЕРИ.

Темные глаза, пустынные звезды, девичьи волосы...

::: НО ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ТРЮК, РАЗВЕ НЕ ВИДИШЬ? ТЕБЕ ТОЛЬКО КАЖЕТСЯ, ЧТО ТЕБЯ ПОЙМАЛИ. СМОТРИ: ВОТ Я ВЛИВАЮСЬ, И НЕТ НИКАКОЙ ПЕТЛИ.

И сердце перекатилось, встало на место и своими мультяшными ножками отфутболило наверх недавний обед. Спазмом отрубленной лягушачьей лапки его выбросило из кресла, падение сорвало со лба троды. Голова Бобби врубилась в угол «Хитачи», мочевого пузыря опорожнился, и кто-то все твердил «матьматьмать» в пыльный запах ковра. Девчоночий голос пропал, никаких пустынных звезд, короткой вспышкой – ощущение холодного ветра и подточенного водой камня...

Тут голова его взорвалась. Он увидел это очень ясно, откуда-то из далекого далека. Как взрыв фосфорной гранаты.

Белый

Свет.

4

Вахту принял

Черная «хонда» зависла в двадцати метрах над восьмиугольной палубой заброшенной нефтяной платформы. Светало, и Тернер различил поблекшие контуры трилистников химической опасности, маркирующих посадочную площадку.

– У вас тут биозараза, Конрой?

– Только та, к какой ты давно привык.

Фигура в красном комбинезоне, размахивая посадочными жезлами, подавала сигналы пилоту «хонды». Когда они садились, вихрь от пропеллеров сбросил в море обрывки упаковки, засорявшие кое-где палубу. Конрой хлопнул по застежке пристежных ремней и перегнулся через Тернера, чтобы открыть люк. Откинулась крышка, их оглушил рев моторов. Конрой толкнул Тернера в плечо и требовательно поднял несколько раз руку ладонью вверх, потом указал на пилота.

Тернер выбрался наружу и прыгнул; над головой, сливаясь в расплывчатый диск, оглушительно ревел несущий винт. Через пару секунд рядом в полуприседе возник Конрой. По крабьи, на полусогнутых, как обычно перемещаются на вертолетных площадках, они миновали поблекшие знаки-трилистники. На поднятом «хондой» ветру штанины полоскались у коленей. Тернер нес неприметный серый чемодан, отлитый из баллистического пластика, – свой единственный багаж. Кто-то в гостинице успел упаковать его вещи, и на «Цусиме» его уже ждал чемодан. Внезапное изменение в звуке моторов сказало ему, что «хонда» поднимается. С погашенными огнями она, завывая, ушла назад к побережью. В наступившей тишине стали слышны крики чаек, шорох и хлюпанье тихоокеанских волн.

– Здесь когда-то пытались создать убежище данных, – сказал Конрой. – Нейтральные воды. В те времена никто еще не жил на орбите, так что какое-то время это имело смысл... – Он направился к ржавому лесу балок, поддерживавших надстройку платформы. – «Хосака» предложила свой сценарий: мы привозим Митчелла сюда, чистим, грузим на «Цусиму» – и на всех парах в старушку Японию. Я сказал им: об этом дерьме и думать забудьте. В «Маасе» тоже не дураки сидят и, если прознают чего, могут навалиться на эту посудину всем чем угодно. Я сказал им: исследовательский центр, который вы сбавали в Мехико, – это самое оно, верно? Все-таки там у «Мааса» руки хоть немного связаны, в самом центре долбаной столицы...

Из тени выступила какая-то фигура, лицо ее было обезображено выпученными линзами оптического прибора. Фигура приветливо помахала им тупыми дулами многоствольного игольника системы Лэнсинга.

– Биозараза, – сказал Конрой, когда они протискивались мимо. – Тут пригни голову. И поосторожнее, ступеньки скользкие.

На платформе пахло ржавчиной, морем и заброшенностью. Окон тут не было. Обесцветившиеся стены испещрены расплзающимися язвами ржавчины. Через каждые несколько метров с балок над головой свисали флюоресцентные фонари на батарейках, отбрасывая жутковатый зеленый свет, одновременно резкий и ноюще неровный. В центральном помещении – дюжина фигур за работой. Расслабленная точность движений хороших техов. Профессионалы, подумал Тернер: взглядами обмениваются редко, да и разговоров почти не слышно. Было холодно, очень холодно, и Конрой выдал ему огромную, усеянную клапанами и молниями парку.

Бородач в летной куртке с барашковым воротником закреплял серебристой лентой на погнутой переборке бухту оптоволоконного кабеля. Конрой застрял где-то сзади, заспорив

шепотом с негритянкой в такой же, как на Тернере, парке. Подняв от работы глаза, бородатый тех увидел Тернера.

– Блин, – протянул он, все еще стоя на коленях, – я и сам сообразил, что дело будет важное, но к тому же, похоже, еще и жаркое.

Он встал и машинальным движением вытер руки о джинсы. Как и остальные техи, он был в хирургических перчатках из микропоры.

– Ты Тернер. – Он усмехнулся, бросил быстрый взгляд в сторону Конроя и вытащил из кармана куртки черную пластмассовую фляжку. – Хочешь для сугрева? Ты же меня знаешь. Я работал в Марракеше, когда парень из «Ай-Би-Эм» перешел в «Мицу-Джи». Это я тогда подсоединял взрывчатку в автобусе, который вы с французом загнали в вестибюль гостиницы.

Тернер взял фляжку и, щелкнув крышкой, приложился. Бурбон. Жидкость провалилась вглубь, в желудке остро зашипало, по телу растеклось тепло.

– Спасибо. – Он вернул фляжку, и тех убрал ее в карман.

– Оуки, – сказал он. – Меня зовут Оуки. Вспоминаешь?

– Конечно, – солгал Тернер. – Марракеш.

– А это «Уайлд тёрки», – сказал Оуки. – Из дьюти-фри на пересадке в Схипхале. Твой напарник, – снова взгляд в сторону Конроя, – он не дает расслабиться, а? Я хочу сказать, не так, как в Марракеше, да?

Тернер кивнул.

– Если что понадобится, – сказал Оуки, – дай мне знать.

– Что, например?

– Еще выпить, или у меня есть перуанский кокс, ну, знаешь, самый что ни на есть желтый. – Оуки снова ухмыльнулся.

– Спасибо, – отозвался Тернер, видя, что Конрой поворачивается к ним.

Оуки тоже это увидел и быстро присел, отрывая новый кусок серебристой ленты.

– Кто это был? – спросил Конрой, проводя Тернера через узкий дверной проем с прогнившими черными изоляционными прокладками вдоль косяков.

Конрой повернул колесо открывающего дверь механизма; колесо недавно смазали.

– Его зовут Оуки, – рассеянно ответил Тернер, оглядывая новое помещение, поменьше.

Два фонаря, складные столы, стулья – все новенькое. На столах – какие-то приборы под черными пылезащитными колпаками из пластика.

– Твой друг?

– Нет, – ответил Тернер. – Работал как-то на меня. – Подойдя к ближайшему столу, он откинул один из колпаков. – Что это?

Немаркированная консоль производила впечатление полусырого фабричного прототипа.

– Киберпространственная дека «Маас-Неотек».

Тернер поднял брови:

– Ваша?

– У нас таких две. Вторая – уже на площадке. Получили от «Хосаки». Судя по всему, это самая быстрая штукавина в матрице, а «Хосака» даже не может демонтировать чипы, чтобы скопировать. Совершенно иная технология.

– Это подарок от Митчелла?

– Молчат. Но уже то, что деки вообще выпустили из рук, просто чтобы у наших жокеев был какой-то задел по скорости, показывает, насколько им нужен этот мужик.

– Кто за консолью, Конрой?

– Джейлин Слайд. Это с ней я только что говорил. – Он мотнул головой в сторону двери. – А на площадке – парнишка из Лос-Анджелеса, звать Рамирес.

– Они хороши? – Тернер вернул на место колпак.

– Да уж хотелось бы надеяться, учитывая, во сколько они нам обошлись. Джейлин за последние два года стала круче тучи, а Рамирес – ее ученик и вроде как дублер. Да блин, – Конрой пожал плечами, – ты же знаешь этих ковбоев. Психи долбанные...

– Где ты их взял? И уж если на то пошло, как ты нашел Оуки?

Конрой улыбнулся:

– Через твоего агента.

Тернер уставился было на Конроя, потом кивнул. Повернувшись, он приподнял край следующего колпака. Чемоданчики из пластмассы и стиролона, аккуратно, но плотно расставленные по холодному металлу стола. Он коснулся синего пластмассового прямоугольника с выдавленной серебристой монограммой на крышке – «S amp;W».

– Твой агент, – сказал Конрой, когда Тернер щелкнул замком.

Револьвер покоился в литом ложе из бледно-голубого пластика; массивный барабан, короткий толстый ствол, некрасивое утолщение под ним.

– «Смит-и-вессон», тактический, калибр десять миллиметров, с ксеноновым подствольным фонарем, – добавил Конрой. – Как он сказал, это то, что тебе нужно.

Тернер взял в руку пушку и большим пальцем надавил клавишу проверки батарейки в фонаре. На орехового дерева рукояти дважды мигнул красный огонек. Тернер погладил барабан, затем вывернул его себе на ладонь.

– Патроны?

– На столе. Заряжаются вручную, головки разрывные.

Тернер отыскал прозрачный тубус из пластика янтарного цвета, открыл его левой рукой и извлек патрон.

– Почему для этого дела выбрали меня, Конрой?

Он осмотрел патрон, потом осторожно вставил его в одно из шести барабанных гнезд.

– Не знаю, – ответил Конрой. – Решили, наверное, едва только пришла весточка от Митчелла, что тебе рано еще на покой...

Тернер щелчком вогнал барабан на место и резко его крутанул.

– Я сказал: почему для этого дела выбрали меня, Конрой? – Обеими руками он поднял револьвер. Вытянул руки, целясь в лицо Конрою. – Когда смотришь в дуло такой пушке, иногда можно, если свет падает удачно, разглядеть, есть ли в стволе пуля. – (Конрой качнул головой, совсем чуть-чуть.) – Или, может быть, увидеть ее в каком-нибудь другом гнезде...

– Нет, – очень мягко отозвался Конрой, – не выйдет.

– А что, если психиатры наврали, Конрой? Что тогда?

– Нет, – повторил Конрой; лицо его оставалось совершенно пустым. – Они не наврали, и ты этого не сделаешь.

Тернер спустил курок. Ударник щелкнул в пустое гнездо. Конрой раз моргнул, открыл рот, закрыл, глядя, как Тернер опускает «смит-и-вессон». Одинокая капля пота скатилась от корней волос и потерялась в брови.

– Ну? – спросил Тернер, держа револьвер у бедра.

Конрой пожал плечами.

– Не ерунди, – сказал он.

– Я настолько им нужен?

Конрой кивнул:

– Это твое шоу, Тернер.

– Где Митчелл? – Тернер снова вывернул барабан и начал заряжать остальные гнезда.

– В Аризоне. Километрах в пятидесяти от границы с Сонорой, в исследовательском центре на вершине плато. «Маас-Биолабс, Северная Америка». Им там принадлежит все до самой границы, а само плато – «яблочко» в центре зоны, захватываемой с четырех спутников наблюдения. Мышь не проскочит.

– И как, по их мнению, мы туда попадем?

– Никак. Митчелл выбирается сам по себе. Мы ждем его, подбираем и доставляем «Хосаке» в целости и сохранности.

Зацепив указательным пальцем расстегнутый воротник черной рубашки, Конрой вытащил сперва нейлоновый шнур, потом маленький, черный, нейлоновый же конверт с застежкой на липучке. Осторожно открыв его, он извлек какой-то предмет, который протянул на открытой ладони Тернеру.

– Взгляни. Вот что он нам прислал.

Положив пушку на ближайший стол, Тернер взял у Конроя штуковину, напоминавшую серый распухший микрософт. Один конец – цоколь стандартного нейровхода, а другой – странное округлое образование, не похожее ни на что виденное Тернером ранее.

– Что это?

– Биософт. Джейлин его уже подключала, на ее взгляд, это продукт вывода с какого-то ИскИна. Что-то вроде досье на Митчелла, с припиленным в конец сообщением для «Хосаки». Лучше включись сам, если хочешь быстро войти в курс дела...

Тернер поднял взгляд от серого предмета:

– Ну и как Джейлин ее попытка?

– Она сказала, что, прежде чем вставлять его, лучше прилечь. Ей, похоже, не сильно понравилось.

В машинных снах таится особое головокружение. Тернер прилег в импровизированной спальне на девственно-чистый пласт зеленого темперлона и включился в досье. Начало – медленное, у Тернера хватило времени закрыть глаза.

Десять секунд спустя его глаза распахнулись. Он вцепился в зеленый темперлон, борясь с подступающей тошнотой. Снова закрыл глаза... Опять наплыв... мерцающий, нелинейный поток фактов и сенсорных данных, что-то вроде повествования, но смонтированного совершенно сюрреалистически. Это отдаленно напоминало американские горки, когда вагончик наугад застывает то в одной, то в другой фазе – сознание то меркнет, то резко проясняется, – а между фазами стремительные перемещения, невероятная частота колебаний, где высота, план и ракурс съемки меняются с каждым биением пустоты. Разве что перемещения эти по природе своей не имели ничего общего с физической ориентацией, а являлись скорее молниеносными сменами в парадигме и системах символов. Эта информация никогда не предназначалась для ввода человеку.

Открыв глаза, Тернер вытащил серый софт из разъема, сжал в липкой от пота ладони. Это было как проснуться от кошмара. Не того, от которого с криком подскакиваешь в постели и в котором импульсивные страхи обретают простые ужасающие формы, а другого, бесконечно более тревожащего нескончаемого сна, где все совершенно и до ужаса обыденно, и все же совершенно *неправильно*...

Подобная *интимность* вызывала отвращение и ужас. Тернер старался побороть волны резкой трансференции, напрягая всю силу воли, чтобы подавить чувство, в чем-то сходное с любовью, с одержимой собственнической нежностью, какую начинает испытывать наблюдатель к объекту продолжительного наблюдения. Он понимал, что дни или часы спустя на поверхность его сознания могут теперь всплыть мельчайшие детали научной биографии Митчелла, или это будет имя любовницы, запах ее тяжелых рыжих волос в солнечном свете сквозь...

Он рывком сел, пластиковые подметки туфель ударились о ржавую палубу. На нем все еще была парка, и лежащий в боковом кармане «смит-и-вессон» больно ударил по бедру.

Это пройдет. Психодосье Митчелла развеется, как испаряется после каждого пользования «лексиконом» испанская грамматика. Он испытал на себе воздействие досье службы без-

опасности «Мааса», скомпилированное разумным компьютером, – не более того. Тернер убрал биософт в черный конвертик, разгладил большим пальцем липучку и надел на шею шнурок.

Только тут он осознал шорох волн, плещущихся о бока буровой платформы.

– Эй, босс, – сказал кто-то из-за коричневого армейского одеяла, которое загоразивало вход в спальный отсек. – Конрой говорит, пора инспектировать войска. А потом вы с ним двигаете дальше. – Из-за одеяла выдвинулось бородатое лицо Оуки. – Иначе я ведь не стал бы вас будить, так?

– Я не спал, – отрезал Тернер и встал, задумчиво массируя двумя пальцами кожу вокруг вживленного разъема.

– Хреново, – посетовал Оуки. – У меня есть дермы, которые вырубают ну просто подчистую. Один час тютелька в тютельку, потом вдарить классным стимулятором, растормошит и мертвого. Без дураков...

Тернер покачал головой:

– Отведи меня к Конрою.

5 Работа

Марли сняла комнату в маленькой гостинице, где повсюду стояли зеленые растения в тяжелых медных кадках, а коридоры напоминали шахматную доску из вытертого мрамора. Лифт походил на украшенную завитушками позолоченную клетку с панелями розового дерева, от которых пахло лимонным маслом и маленькими сигарами.

Ее номер оказался на пятом этаже. Единственное высокое окно, из тех, что действительно можно было открыть, выходило на авеню. Когда ушел улыбающийся коридорный, Марли рухнула в кресло, чья плюшевая обивка приятно контрастировала с приглушенными красками бельгийского ковра. В последний раз расстегнув молнии, она скинула старые парижские сапоги, потом посмотрела на дюжину глянцевого пакетов, которые коридорный разложил на кровати. Завтра, подумала Марли, завтра она купит чемоданы. И зубную щетку.

– У меня шок, – сказала она сумкам на кровати. – Нужно быть осторожнее. Все теперь кажется нереальным.

Опустив глаза, она увидела дырки на колготках, от пальцев бежали тоненькие стрелки. Марли покачала головой. Ее новая сумочка, которая сейчас лежала на белом мраморном столике у кровати, была черной, сшитой из воловьей кожи, выделанной толсто и мягко, как фламандское масло. Сумочка стоила больше, чем Марли должна была Андреа за квартиру, впрочем, то же относилось и к стоимости одной ночи в гостинице. В сумочке лежали паспорт и кредитный чип, который ей выдали в галерее Дюпре. Счет на ее имя был открыт в орбитальном отделении «Недерландс алгемеен банк».

Марли прошла в ванную комнату, поиграла гладкими бронзовыми рычагами огромной белой ванны. Из японского фильтрационного устройства зашипела горячая ионизированная вода. Гостиница предлагала на выбор пакетики солей для ванн, тюбики кремов и ароматизированного масла. Марли выдавила тюбик масла в наполняющуюся ванну и начала раздеваться, испытав боль потери, когда бросила на пол «Салли Стэнли». Если не считать последнего часа, оставшийся с прошлого сезона жакет был любимой и, пожалуй, самой дорогой вещью Марли за всю ее жизнь. Теперь он стал чем-то, что предстояло унести уборщицам. Возможно, он найдет себе дорогу на какой-нибудь блошинный рынок, одно из тех мест, где она сама в студенческие годы охотилась за стильными вещами по дешевке...

Ванная наполнилась ароматным паром, зеркала затуманились, побежали струйками влаги, искажающими отражение. Неужели все так просто? Неужели это тонкий золотой кредитный чип Вирека вытащил ее из убожества последних недель прямо в эту гостиницу, где слегка царапают кожу пухлые белые полотенца? Марли сознавала, что испытывает своего рода головокружение, будто балансирует на краю некой пропасти. Господи, насколько же и вправду всемогущи деньги, если их много, по-настоящему много! Только Вирекам мира сего, размышляла Марли, дано это знать, но вполне вероятно, что осознавать это они функционально не способны. Интересоваться об этом у Вирека – все равно что допрашивать рыбу в надежде побольше узнать о воде. *Да, моя дорогая, она мокрая; да, дитя мое, она, конечно же, теплая, надушенная, шершаво-полотенчатая.*

Марли ступила в ванну, легла.

Завтра она сделает прическу. Уже в Париже.

Прежде чем Марли вспомнила о специальной программе, телефон Андреа прозвонил шестнадцать раз. Программа, наверное, все еще подключена, а номера этой маленькой, довольно дорогой брюссельской гостиницы, конечно же, в списке нет. Привстав, она положила трубку радиотелефона на мраморную столешницу, и телефон тут же негромко загудел.

– Посылка с курьером из галереи Дюпре.

Когда коридорный – на этот раз более молодой, смуглый, вероятно испанец, – ушел, она подошла с пакетом к окну, повертела в руках. Какой-то предмет, завернутый в единый лист темно-серой бумаги ручной выделки. Лист был свернут и подогнут тем самым загадочным японским способом, ни клея, ни бечевки, но Марли знала, что, стоит раскрыть посылку, ей уже никогда не завернуть ее обратно. В уголке рельефно выступали название и адрес галереи, а имя Марли и название ее гостиницы были выведены от руки через весь центр посылки изящным курсивом.

Развернув бумагу, она обнаружила, что держит в руках новенький голопроектор «Браун» и плоский конверт из прозрачного пластика. В конверте оказались семь пронумерованных пластинок голофишей. За миниатюрным чугунным балконом заходило солнце, окрашивая золотом Старый город. До Марли доносились автомобильные гудки и крики детей. Она закрыла окно и вернулась к письменному столу. «Браун» оказался обтекаемым черным параллелепипедом, работал проектор от солнечных батарей. Марли проверила напряжение и, достав из конверта первую голофишу, вставила ее в прорезь.

Над «Брауном» расцвела шкатулка, которую она видела у Вирека в смоделированном парке Гуэля, засияв кристальным разрешением самых лучших музейных голограмм. Золото микросхем и кость, мертвое кружево и тусклый белый шарик, слепленный из глины. Марли покачала головой. Как удалось этому неизвестному – кто бы он ни был – расположить эти обломки, этот хлам так, что он брал за душу, вонзался в нее, как рыболовный крючок? Но потом она кивнула. Этого можно добиться, она-то знает; много лет назад такое делал человек по имени Корнелл, тот тоже создавал шкатулки.

Потом она перевела взгляд влево, туда, где по полированной поверхности стола распласталась элегантная серая бумага. Эту гостиницу, устав ходить по магазинам, она выбрала по чистой случайности. Она ни единой душе не говорила, где она, и, уж конечно, никому в галерею Дюпре.

6

Барритаун

Он пробыл без сознания часов восемь – если верить таймеру на материнском «Хитаچی». Очнувшись, уставился на пыльную панель, чувствуя, как впивается в ногу какой-то острый угол. «Оно-Сэндай». Он перекатился на бок. Затхлый запах блевотины.

Потом долго стоял под душем прямо в одежде, не уверенный, а как он, собственно говоря, туда попал. Крутил краны, тер лицо. На ощупь оно казалось резиновой маской.

– Что-то стряслось.

Что-то скверное, огромное – он не был уверен, что именно.

На кафельном полу в душе постепенно росла горка мокрой одежды. Наконец он выключил воду, подошел к раковине и, отбросив с глаз мокрые волосы, всмотрелся в лицо в зеркале. Бобби Ньюмарк, никаких проблем...

– Нет, Бобби, проблема. У нас проблема...

С полотенцем на плечах, оставляя мокрые следы, он прошлепал через узкий коридор в свою крохотную треугольную спальню в задней части кондо. Как только он переступил порог, с готовностью зажегся голографический порномодуль. Полдюжины девушек заулыбались, с очевидной радостью встречая хозяина. Они стояли будто за стенами комнаты, в дымчатой перспективе мучнисто-голубого пространства, их белозубые улыбки и упругие молодые тела казались неоновыми-яркими. Двое придвинулись ближе и стали ласкать сами себя.

– Хватит, – приказал Бобби.

Проекционный модуль послушно отключился; сказочные девицы исчезли. Раньше модуль принадлежал старшему брату Линга Уоррена; прически и одежда устарели и выглядели довольно нелепо. С девицами можно было поболтать и заставить их делать всякое друг с другом и с самими собой. Бобби вспомнил, как в тринадцать лет был влюблен в Брэнди, брюнетку в синих прорезиненных штанишках. Теперь он ценил проекцию в основном за иллюзию пространства, которую она приносила в импровизированную спальню.

– Что-то, черт побери, стряслось, – повторил он, натягивая черные джинсы и почти чистую рубашку. Он покачал головой. – Что? Что, мать вашу?

Сбой на линии? Какая-то случайная неисправность внутри самой «Ядерной комиссии»? А может, база, в которую он попытался вломиться, как раз в этот момент упала или кто-то атаковал ее из другого сектора матрицы... Но оставалось еще ощущение от *встречи*, встречи с кем-то, кто... Сам того не осознавая, Бобби вытянул правую руку, умоляюще раскрыл ладонь.

– Блин! – выдохнул он.

Пальцы сжались в кулак. И вдруг все вернулось: сперва ощущение чего-то большого, поистине огромного, что тянется к нему через киберпространство, а потом смутный девичий облик. Стройная, каштановые волосы, затаилась где-то в странной яркой темноте, полной ветра и звезд. Но когда его разум сосредоточился на этих образах, они ускользнули.

Сообразив, что голоден, Бобби сунул ноги в сандалии и направился назад, в сторону кухни, вытирая по дороге голову влажным полотенцем. Проходя через гостиную, он заметил, что с ковра на него уставился горящий глаз индикатора «ВКЛЮЧЕНО» на «Оно-Сэндай». Застыв на месте, Бобби с шумом втянул воздух через стиснутые зубы. Дека все еще подключена. Может ли она до сих пор быть на связи с базой, которую он пытался взломать? Могут ли на базе определить, выжил он или нет? Он понятия не имел. Одно Бобби знал наверняка: у них есть его номер и адрес. Он же не подумал о реле и автоматических обманках, которые помешали бы им запустить обратный поиск.

У них есть его адрес.

Забыв о голоде, Бобби метнулся в ванную и начал копаться в сырой одежде, пока не нашел кредитный чип.

У него было двести десять новых иен, припрятанных в полый пластмассовой ручке универсальной, со сменными жалами, отвертки. Надежно запрятав отвертку и кредитный чип в карман джинсов, он натянул пару самых старых и самых тяжелых своих ботинок, потом выгреб из-под кровати грязную одежду. Нашел черную парусиновую ветровку, по меньшей мере с десятком карманов, один из них, огромный и длинный, тянулся сзади вдоль поясицы – что-то вроде встроенного рюкзака. Под подушкой лежал японский гравитационный нож с оранжевой рукоятью – оружие отправилось в карман на левом рукаве куртки, поближе к обшлагоу.

Когда он уходил, вспыхнули сказочные принцессы:

– Бобби, Бобби-и-и-и, вернись, поиграем...

В гостиной он вырвал коннектор «Оно-Сэндай» из торца «Хитачи», свернул оптоволоконный провод и засунул его в карман. То же самое произошло с набором тродов, за ними в карман-рюкзак проскользнул «Оно-Сэндай».

Занавески все еще были задернуты. Бобби почувствовал прилив нового, радостного возбуждения. Он уходит. Должен уйти. Он успел позабыть трогательную нежность к этому месту, порожденную прикосновением смерти. Осторожно раздвинув шторы, Бобби выглянул в образовавшуюся щель размером с ноготь большого пальца.

Вечерело. Через несколько часов на темных громадах Новостроек замигают первые огни. Большая Площадка уходила вдаль, как бетонное море. На противоположном его берегу вставали Новостройки – гигантские прямоугольные строения, кое-где смягченные случайными наслоениями подвесных оранжерейных террас, рыбообразных резервуаров, систем солнечного отопления и вездесущих антенных блюдец. Дважды-в-День сейчас, наверное, там, спит в своем мире, который Бобби никогда не видел, в мире самодостаточного здания-улья. Дважды-в-День спускался в Барритаун обделывать свои делишки, в основном с тамошники хотдоггерами, а потом взбирался обратно наверх. Бобби всегда казалось, что наверху хорошо – сколько всего происходило на балконах по ночам! Среди красных пятен костров стайками обезьянок в одном белье крутились ребятишки, такие маленькие, что их едва было видно. Иногда ветер менялся, и на Большую Площадку сносило кухонные запахи, а иногда было видно, как из какой-нибудь потайной страны высоко-высоко на крыше отчаливает дельтаплан. И всегда – сплав сотен ритмов из тысяч динамиков, волны музыки, которая пульсирует и растворяется в порывах ветра.

Дважды-в-День никогда не говорил о том, какая жизнь там, где живет он. Дважды-в-День говорил о деле или, если желал вести светскую беседу, о женщинах. То, что Дважды-в-День говорил о женщинах, сильнее всего и заставляло Бобби мечтать вырваться из Барритауна, но он прекрасно понимал, что бизнес – его единственный билет отсюда. Правда, теперь дилер ему был нужен совсем по другой причине – происходящее оказалось ему, Бобби, совершенно не по зубам.

Может, Дважды-в-День скажет ему, что происходит. Предполагалось же, что ничего опасного не будет. Дважды-в-День сам выбрал для Бобби эту базу, потом дал напрокат софт, необходимый для того, чтобы прорваться внутрь. И Дважды-в-День был готов перепродать все, что удалось бы оттуда вытащить. Так что толкач должен знать. Во всяком случае, хоть *что-то*.

– У меня нет даже номера твоего телефона, мужик, – сказал Бобби, обращаясь к Новостройкам и отпуская штору.

Может, нужно оставить что-то для матери? Записку?

– Уношу ноги, – сказал он комнате у себя за спиной, – и куда *подальше*. – И вот он уже за дверь и бежит по коридору, направляясь к лестнице. – *Навсегда*, – добавил он, пинком распахивая входную дверь.

Большая Площадка выглядела вполне безопасно, если не считать одинокого полууголого торчка, погруженного в яростный спор с Господом Богом. Бобби обошел торчка по широкой дуге – тот кричал, подпрыгивал и рубил воздух ударами карате. Голые ноги полоумного были покрыты засохшей кровью вперемешку с пылью, на голове у него топорщились остатки того, что было, вероятно, прической долика.

Большая Площадка – нейтральная территория, по крайней мере теоретически, и долики с год назад заключили – правда, достаточно непрочный – союз с готиками. У Бобби были довольно прочные связи среди готиков, хотя он и сохранял за собой статус независимого. Барритаун – рискованное место для того, чтобы быть независимым. Во всяком случае, думал Бобби, пока стихала за спиной гневная тарабарщина торчка, банды создают хоть какую-то структуру. Если ты готик, а тебя покоцали фоннаты – в этом есть хоть какой-то смысл. Может, основная причина и совершенно идиотская, зато есть правила. А независимым достается и от местных обдолбанных маньяков, и от хищных одиночек, рыскающих по окраинам Ржавого Пояса¹¹ до самого Нью-Йорка. Вспомнить хоть Сборщика Пенисов прошлым летом, этот тип таскал свою добычу в кармане в пластиковом мешке...

Сколько Бобби себя помнил, он пытался отыскать способ выбраться из этого ландшафта, – или, во всяком случае, теперь ему так казалось. Теперь, когда он шел в клуб и по спине ему была спрятанная во внутреннем кармане киберпространственная дека. Как будто и она тоже подгоняла его выбраться.

– Давай же, Дважды-в-День, – сказал он расплывчатым силуэтам Новостроек, – спускай сюда свою жопу и окажись у Леона, когда я туда дойду, ладно?

Дважды-в-День у Леона не было.

Никого там не было, если не считать самого Леона, который копался полуразогнутой скрепкой во внутренностях настенного экрана.

– Чего бы тебе не взять молоток и не шарашить по этой хреновине, пока не заработает? – спросил Бобби. – Толку было бы примерно столько же.

Леон поднял глаза. Лет ему, вероятно, было под сорок, но точнее не скажешь. Леон, казалось, вообще не принадлежал ни к какой расе или же представлял отдельную расу сам по себе. Множество гипертрофированных лицевых костей, жуткие глаза и грива выющихся, поглощающих свет черных волос. Его подвальный пиратский клуб последние два года был постоянной составляющей жизни Бобби.

Теперь вот Леон тускло уставился на него своими кошмарными глазами. Хитиново-серые зрачки подернуты прозрачным оливковым налетом. Глаза Леона неизменно наводили Бобби на мысль об устрицах и о лаке для ногтей. Две вещи, о которых не слишком приятно думать в сочетании с глазами. Цветом они походили на материал для обивки табуретов в барах.

– Я только хотел сказать, что так, просто в нее тыкая, эту хрень не наладишь, – чувствуя себя не в своей тарелке, добавил Бобби.

Медленно покачав головой, Леон вернулся к своим изысканиям. Люди платили за то, чтобы попасть в клуб, поскольку его владелец промышлял пиратскими фильмами и симстима-записями с кабеля, гоня многое такое, что барритаунцы иначе не могли себе позволить. В задней комнате заключались сделки и можно было внести «пожертвования» на спиртное, в основном чистый самогон из Огайо, разбавленный каким-то синтетическим апельсиновым напитком, который Леон добывал в промышленных количествах.

– Гм, скажи, Леон, – снова начал Бобби, – ты в последнее время не видел Дважды-в-День?

¹¹ *Ржавый Пояс* – районы депрессивной экономики на индустриальном северо-востоке США, ранее известном как Стальной Пояс. Прозвище в ходу с 1980-х гг.

Кошмарные глазки снова глянули вверх и смотрели на Бобби, казалось, целую-целую вечность.

– Нет.

– Может, прошлым вечером?

– Нет.

– А позавчерашним?

– Нет.

– Вот как? Ладно. Спасибо.

Нет смысла приставать к Леону. Если на то пошло, есть множество причин этого не делать. Бобби оглядел просторное полутемное помещение, симстим-модули и неосвещенные киноэкраны. Клуб представлял собой череду одинаковых комнаток в подвале наполовину пустующего блочного комплекса, отданного под однокомнатные квартиры и текстильные мини-цеха. Отличная звукоизоляция: снаружи музыки вообще не слышно. Сколько раз по ночам, когда в голове грохотали рок и «колеса», он вываливался от Леона на улицу будто в магический вакуум тишины, от которой гудело в ушах всю дорогу через Большую Площадку.

Теперь у него оставался еще час до того, как станут прибывать первые готики. Дилеры – в основном черные с Новостроек или белые из города либо с какой-нибудь окраины – не покажутся до тех пор, пока здесь не будет приличной грядки готиков, которую можно окучивать. Ничто так не портит репутацию дилера, как торчать в клубе и ждать у моря погоды – это же значит, что ты ни хрена ловить не умеешь. Ни один по-настоящему крутой дилер не станет ошиваться у Леона просто так, за-ради удовольствия. Не то что хотдогтерский сброд со своими дешевыми деками, собирающийся у Леона по выходным посмотреть японскую киношку о ледорубах.

Но ведь Дважды-в-День не из таких, говорил Бобби самому себе, поднимаясь по бетонным ступеням, Дважды-в-День знает, к чему стремиться. Подальше от Новостроек, подальше от Барритауна, подальше от Леонова клуба. В Город. В Париж или даже, может быть, Тибу. «Оно-Сэндэй» бил по пояснице. Бобби вспомнил, что кассета с ледорубом Дважды-в-День так и осталась внутри. Бобби ни с кем не хотелось объясняться по этому поводу. Он прошел мимо киоска новостей. За пластиковым окошком по зеркальному желобу полз желтый ньюсфакс нью-йоркского издания «Асахи Симбун» – в Африке рухнуло какое-то правительство, русские делают что-то на Марсе...

Было то время суток, когда все видится очень отчетливо, когда явственно проступает любая мелочь на другой стороне улицы. Свежая зелень, только-только начинающая пробиваться на темных ветвях чахнувших в дырах асфальта деревьях. И вспышка стальной пряжки на сапоге девушки в дальнем конце квартала видна так ясно, как будто смотришь сквозь особую воду, которая обостряет зрение, даже если уже почти темно. Он повернулся и стал смотреть вверх на Новостройки. Целые этажи там были вечно темными: то ли заброшены, то ли окна там зачернены. Интересно, что там происходит? Возможно, он когда-нибудь спросит об этом у Дважды-в-День.

Бобби поглядел время на часах с эмблемой «Кока-колы» в газетном киоске. Мать уже, наверное, вернулась из Бостона, должна была вернуться, иначе пропустит серию любимого «мыла». Да уж, вернулась – с новой дыркой в голове. Она и без того чокнутая. Разъем, который она вживила себе еще до его рождения, вполне нормально работал, но она вот уже несколько лет ныла о помехах, плохом разрешении и сенсорных перегрузках, так что скопила наконец кредита, чтобы поехать в Бостон и заменить разъем. Дешевка, а не клиника, даже не нужно заранее договариваться об операции. Входишь, они раз – и вбивают тебе в голову железку с кремнием... Да уж, знает он мамашу... Вот она входит в гостиную с завернутой в косынку бутылкой под мышкой и, даже не сняв плаща, идет к «Хитачи», чтобы подключиться и мылить себе мозги добрых шесть часов кряду. Взгляд у нее становится расфокусированным, и време-

нами, если серия особо захватывающая, она пускает слюни. Примерно каждые двадцать минут она вспоминает деликатно, по-дамски пригубить из бутылки.

Она всегда была такой, сколько он ее помнил. Постепенно соскальзывала глубже и глубже в иные, синтетические жизни, в мир многосерийных симстим-фантазий, о которых Бобби приходилось выслушивать всю свою жизнь. Он до сих пор не мог отделаться от жутковатого ощущения, что некоторые персонажи, о которых она так много говорила, – это его родственники, богатые и прекрасные тетушки и дядюшки, которые могли бы однажды и объявиться, не будь он таким маленьким засранцем. Может быть, думал он теперь, в каком-то смысле так оно и есть. Она подрубалась к этой фигне в течение всей беременности – сама ему об этом рассказывала, – так что свернувшийся там, у нее внутри, будущий Бобби Ньюмарк впитал в себя тысячи и тысячи часов «Важных мира сего» и «Атланты». Но об этом он не любил думать – о том, что лежал, свернувшись, в животе Марши Ньюмарк. От этого он потел и к горлу подступала тошнота.

Мама Марша. Только в последний год или около того Бобби начал достаточно хорошо понимать окружающий мир (как он теперь это сознавал), чтобы спросить себя, как же ей удастся жить такой жизнью – если это можно, конечно, назвать жизнью, – между ее бутылкой и призраками из разъема? Время от времени, когда она была в подходящем настроении и после нужного числа глотков, она еще пыталась рассказывать байки о его отце. С четырехлетнего возраста Бобби знал, что все это дерьмо собачье, поскольку детали раз от разу менялись, но с годами он даже начал находить в этих историях определенное удовольствие.

В нескольких кварталах к западу от клуба Леона нашелся разгрузочный тупик, отделенный от улицы мусорным контейнером, на шербатых и погнутых стенках которого поблескивала свежая синяя краска. Над тупичком косо висела одинокая галогенная трубка. Бобби отыскал удобный бетонный выступ и сел, стараясь не прижать к стене «Оно-Сэндай». Иногда приходится просто ждать. Это было одним из правил, которым научил его Дважды-в-День.

Контейнер был до краев завален мешаниной самых разнообразных промышленных отходов. Барритаун не обошелся без своей доли «серых», полулегальных производителей, той самой «теневой экономики», о которой так любят трепаться физиономии в новостях. Бобби никогда не обращал внимания на эти рожи. Бизнес. Все это бизнес – ни больше ни меньше.

Вокруг галогенной трубки мельтешили по кривым орбитам мотыльки. Пустым взглядом Бобби смотрел, как трое малышей, самое большее лет десяти, штурмовали синюю стену контейнера при помощи грязно-белой нейлоновой веревки с привязанной к ней самодельной «кошкой», которая, вполне вероятно, раньше была частью одежной вешалки. Когда в самую гущу мусорного пластика перевалил последний, веревка быстро утянулась вверх. Мусор тут же начал шуршать и поскрипывать.

Совсем как я, подумал Бобби, я тоже раньше возился в таком же дерьме, заваливая комнату трендец диким хламом. Однажды сестра Линга Уоррена нашла в таком контейнере чью-то почти целую руку, рука была завернута в зеленый пластик, стянутый резинками.

Когда у Мама Марши случались на час-другой приступы религиозности, она заявлялась в комнату Бобби, выметала весь его лучший хлам и наклепывала над кроватью какие-нибудь жуткие самоклеющиеся голограммы. Может, Иисуса, может, Хаббарда, может, Деву Марию. Когда на нее находило, ей это, в общем, было без разницы. Обычно это основательно выводило Бобби из себя, пока не настал тот день, когда он настолько вырос, что пришел в гостиную с молотком в руках и занес его над «Хитами»: попробуй, мол, только еще раз тронуть мои вещи, и я прикончу твоих друзей, мама, всех до одного. Она никогда больше не пробовала. Но клеющиеся голограммы все же как-то на Бобби подействовали, поскольку религия стала для него чем-то, что он, как ему казалось, рассмотрел и отложил в сторону. Он пришел к выводу, что есть люди, которые по природе своей нуждаются в этом дерьме. Вероятно, такие были всегда – но сам он не из них, а значит, ему оно и не нужно.

Над стенкой контейнера показалась мордочка одного из малышей, вот он запрыгнул на край и, сощурившись, оглядел прилегающую территорию, потом снова скрылся из виду. Послышался глухой скрежет. Белые ручонки перекинули через стенку побитую жестяную канистру и стали спускать ее на веревке вниз. Хорошая добыча, подумал Бобби, такое можно толкнуть торговцу металлом и даже чего-то выручить. Канистра легла на тротуар примерно в метре от ботинок Бобби. Коснувшись асфальта, она случайно повернулась, показав ему шести-рогий символ биологической опасности.

– Эй, мать вашу! – выдохнул он, рефлекторно отдергивая ногу.

Один из малышей соскользнул вниз по веревке и выровнял канистру. За ним спустились оставшиеся двое. Тут Бобби увидел, что они еще младше, чем он думал.

– Эй, – сказал он, – а вы знаете, что это может оказаться настоящая дрянь? Подхватите рак и все такое прочее.

– Полижи собаке жопу, пока кровь не потечет, – посоветовал ему тот, что спустился первым, пока остальные отцепляли «кошку» и сворачивали веревку; потом ребятишки потащили канистру за угол контейнера и скрылись из виду.

Он дал себе еще полтора часа. Достаточно времени: у Леона уже начинало бурлить.

По меньшей мере двадцать готиков картинно позировали в основной комнате – этакое стадо детенышей динозавров: вздрагивают и подпрыгивают гребни залаченных волос. Большинство приближалось к готическому идеалу: высокие, сухощавые, мускулистые, но с оттенком мрачной неудовлетворенности – молодые атлеты на ранних стадиях чахоточного увядания. Кладбищенская бледность была обязательной, а волосы готиков были по определению черными. Бобби знал, что тех немногих, кто не смог исказить свое тело так, чтобы вписаться в канон субкультуры, лучше избегать: невысокий готик – неприятности, толстый готик – убийство.

Сейчас он смотрел, как они извиваются и поблескивают у Леона единым составным существом, скользкой трехмерной головоломкой с рваной поверхностью из черной кожи и стальных шипов. Почти идентичные лица, черты которых смоделированы сообразно древним архетипам, позаимствованным из видеоклассики. Бобби выбрал ну вылитого Джеймса Дина¹², чей гребень покачивался, как брачный танец ночной ящерицы.

– Брат, – начал Бобби, будучи не совсем уверенным, встречал ли он этого парня раньше.

– Брателлю, – лениво отозвался дин, его левая щека была оттянута смоляной жвачкой. – Это Счет, беби. – Как бы в сторону, своей девушке: – Прерывание на Счет Ноль. – Длинная бледная рука со свежими струпьями на тыле запястья погладила округлый задок под черной юбкой. – Счет, это моя мочалка.

Готическая девица поглядела на Бобби с умеренным интересом, но безо всякой вспышки человеческого узнавания, как будто перед ней возникла реклама продукта, о котором она слышала, но вовсе не собиралась покупать.

Бобби оглядел толпу. Множество пустых лиц, но ни одного знакомого. И никакого Дважды-в-День.

– Слушай, – Бобби доверительно понизил голос, – это, знаешь, в общем-то, не так уж срочно, но я ищу одного близкого друга, делового друга... – (Готик на это глубокомысленно качнул гребнем.) – Проходит как Дважды-в-День... – Бобби помедлил; готик отрешенно жевал свою смолу; девица явно скучала, ей было беспокойно. – Толкач, – добавил он, поднимая брови, – черный толкач.

– Дважды-в-День, – промычал готик. – Конечно. Дважды-в-День. Правильно, беби?

¹² Джеймс Дин (1931–1955) – американский актер, воплотивший архетип юного бунтаря. Все три фильма, сделавшие его популярным, – «К востоку от рая», «Бунтарь без идеала», «Гигант» – вышли в год его смерти в автомобильной аварии.

Девушка вскинула голову и отвела взгляд.

– Ты его знаешь?

– Конечно.

– Он сегодня здесь?

– Нет, – бессмысленно улыбнулся готик.

Бобби открыл было рот, закрыл его и заставил себя кивнуть.

– Спасибо, брат.

– Для брата – все что угодно, – механически отозвался готик.

Еще час, и все на том же самом месте. Слишком много белого, меловой готической белизны. Накрашенные плоские глаза девиц, каблуки сапог, как эбеновые иглы. Бобби старался держаться подальше от комнаты с симстимами, где Леон гонял трендец свихнутую пленку о долбежке в джунглях, швырявшую зрителя то в одно, то в другое животное, ни сна ни продыху в кронах, и голова кругом. Бобби уже так проголодался, что голова казалась легкой и будто расширялась изнутри – или, может, это был остаточный эффект того, что случилось с ним в матрице? Но теперь ему все с большим трудом удавалось сосредоточиться, и мысли уплывали в самых неожиданных направлениях. Например: кто же умудрился залезть на эти кишасные змеями деревья, чтобы приспособить, ну, скажем, вот этих вот крыс для стим-съемки?

Готики, однако, на это клевали. Идентификация с древесными крысами – в полный рост. Можно поздравить Леона с новым хитом.

Совсем рядом, слева от него, но на значительном расстоянии от симстима, стояли две девушки с Новостроек. Их причудливая экипировка резко контрастировала с монохромностью готиков. Длинные черные фраки открывали узкие красные жилетки из шелковистой парчи, полы огромных белых рубашек свисали значительно ниже колен. Темные лица были затенены широкими полями федор¹³, проколотых и увешанных фрагментами антикварных побрякушек: булавок, коронок, шпилек, даже механических часиков – и все золотое. Бобби тайком наблюдал за ними. Одежда говорила о том, что у них есть деньги, – но и о том, что найдется кому позаботиться, дабы любой, кто позарится на эти побрякушки, не сносил головы. Дважды-в-День как-то раз спустился с Новостроек в наряде из льдисто-голубого вельвета с алмазными пряжками у колен, как будто у него не было времени переодеться. Бобби тогда вел себя так, как будто толкач одет в обычную свою коричневую кожу. Он давно решил, что в делах главное – космополитический подход.

Он попытался представить себе, что подходит к этим дамочкам, этак небрежно и плавно, подходит, представляется с поклоном и говорит: «Дорогие мои, я уверен, вы знаете моего доброго знакомого, мистера Дважды-в-День». Но обе они были старше его, выше ростом и держались с пугающим достоинством. Скорее всего, они просто рассмеются, но почему-то вот этого Бобби совсем не хотелось.

А хотелось ему сейчас, и даже очень, чего-нибудь съесть. Бобби пощупал сквозь грубую ткань джинсов кредитный чип. Пожалуй, стоит перейти улицу и купить сэндвич... Тут он вспомнил, почему он здесь, и внезапно ему показалось, что пользоваться чипом было бы не очень разумно. Если его сорвавшийся рейд засекли, у них уже есть номер его чипа; а если он использует чип, то засветится в киберпространстве. Любой, кто охотится за ним в матрице, увидит чип в решетке Барритауна, как мигание фар дальнего света на темном футбольном поле. У него есть наличные, но за еду ими не заплатишь. Иметь их при себе – в этом нет ничего незаконного; просто никто никогда не делал с деньгами ничего легального. Придется найти готика с чипом, купить за новые иены кредит – скорее всего, с грабительской скидкой, потом заставить готика заплатить за еду. И чем, скажите на милость, брать сдачу?

¹³ Мягкая фетровая шляпа с широкими полями.

«Может, ты просто себя накручиваешь», – сказал он самому себе. Он же не знает наверняка, проследил ли кто-нибудь его обратный путь, да и база, которую он пытался взломать, была вполне добропорядочной. Во всяком случае, ей полагалось быть таковой. Вот почему Дважды-в-День велел ему не беспокоиться насчет черного льда. Кто станет ограждать смертельными программами обратной связи портал, сдающий в прокат мягкое порно? План в том и заключался, что Бобби умыкнет пару часов цифрового кино, самого свежего, которое еще не просочилось на пиратский рынок. Из-за такой добычи не убивают...

Но кто-то же попытался. И случилось что-то еще. Что-то совсем иное. Он снова потащился вверх по лестнице, прочь из клуба. Бобби прекрасно понимал, что существует много всякого, чего он о матрице не знает, но никогда ему еще не доводилось слышать ни о чем настолько диком... Есть, конечно, истории о духах и привидениях... есть полоумные хотдоггеры; он сам слышал, как парочка таких клялась, что они видели в киберпространстве черт знает что. Правда, он тогда подумал про себя, что эти вильсоны просто подключились под кайфом. Словить глюк в матрице можно с той же легкостью, как и в любом другом месте...

А вдруг именно это и произошло? Голос был просто частью умирания, обнуления мозговых процессов – какой-нибудь безумный фортель, выкинутый мозгом, чтобы облегчить тебе смерть, плюс сбой в источнике питания там на базе или, может, частичное затемнение в их секторе решетки, так что лед ослабил хватку как раз на его нервной системе.

Может быть. Но он ведь ничего толком не знает. Ни черта не знает. Не так давно его начало грызть собственное невежество, стало казаться серьезным препятствием на том пути, какой он для себя наметил. Он не особенно задумывался об этом раньше, но он же и вправду ничего... ну, в общем, ни о чем не знает. По правде говоря, пока он не начал топтать деку, ему казалось, он знает все, что нужно. Прямо как готики. Вот почему они отсюда никуда не денутся и будут сгорать на «пыли» или насмерть меситься с фоннатами, и естественный отбор оставит в результате какой-то процент, который непонятным образом превратится в следующую волну барритаунцев, рожающих детей и покупающих кондо, чтобы все шло по новой.

Он – как ребенок, который вырос возле океана, воспринимая его как нечто само собой разумеющееся, как небо над головой, но ничего не зная ни о течениях, ни о маршрутах перевозок, ни о прихотях погоды. Деками он пользовался еще в школе, считай игрушечными. Тебя, как на ракете, выносило в беспредельный космос, который не был космосом, – в немыслимо сложную консенсуальную галлюцинацию человечества – в матрицу киберпространства. Киберпространства, где огромные корпоративные базы пылают, как неоновые сверхновые, данные в которых нагромождены так плотно, что, если ты пытаешься разглядеть нечто большее, нежели простейший силуэт, у тебя начинает раскалываться голова.

Но с тех пор, как взялся за деку всерьез, кое-что он стал понимать. Ну просто до смешного мало он знает о том, как все это работает. И не только в матрице. Каким-то образом это понимание выплеснулось через край, и он начал задумываться, задумываться и задавать вопросы. Какой механизм управляет Барритауном? Что поддерживает на плаву мать? Почему готики и фоннаты с такой энергией пытаются перебить друг друга? Или почему Дважды-в-День чернокожий и живет где-то в Новостройках и что это меняет?

Идя к выходу, Бобби не переставал искать дилера. Белые лица, снова белые лица. В животе урчало. Бобби подумал о свежей упаковке пшеничных отбивных. Дома, в морозильнике – поджарить бы их с соей и разорвать пакет с вафлями из криля...

Проходя мимо киоска, он снова сверился с кока-кольными часами. Марша уже, конечно, дома, погружена в лабиринт хитросплетений «Важных мира сего», в жизнь героини сериала, которую делит с ней, благодаря разъему, вот уже более двадцати лет. Ньюсфакс «Асахи Симбун» все прокручивался в своем окошечке, и Бобби подошел поближе как раз в тот момент, когда выскочило первое сообщение о взрыве в блоке «А» на третьем уровне «Ковина-Конкорс-Кортс», Барритаун, Нью-Джерси...

Потом сообщение пропало, убежало вниз, а вместо него вылез репортаж об официальных похоронах кливлендского босса якудза. Традиции незыблемы. У всех в руках черные зонты.

А он всю свою жизнь прожил на третьем уровне блока «А».

Над городом нависло огромное нечто, нависло, чтобы раздавить в лепешку Маршу Нью-марк и ее «Хитачи». Но, конечно же, взорвать хотели не ее – его.

– Да, кто-то не теряет времени даром, – услышал он собственный голос.

– Эй! Братан! Счет! Ты что, обдолбался, брат? Эй! Ты куда?

Глаза двух динов вылезли из орбит, провожая взглядами его паническое бегство.

7

Город в пустыне

Конрой резко крутанул руль влево, заставив синий «фоккер» свернуть с выветренной ленты довоенного шоссе, и сбросил скорость. Петушинный хвост бледной пыли, тянувшийся за ними от Нидлеса, начал оседать. Затормозив, ховер опустился на свою воздушную подушку.

– Вот и место сбора, Тернер.

– Что тут стряслось? Что прикончило этот город?

Прямоугольник бетонной площадки убегал к неровным стенам полуразвалившихся выгоревших зданий.

– Экономика, – отозвался Конрой, – еще до войны. Его так и не достроили. В десяти минутах езды к западу – разметка на целые кварталы, под мостовые и фундаменты. И никаких домов, ничего.

– Сколько человек в команде?

– Девять, не считая тебя. Плюс медики.

– Какие еще медики?

– Из «Хосаки». «Маас» занимается биотехнологиями, так? Кто знает, чем они могли начинить нашего мальчика? Так что «Хосака» собрала небольшой, но профессиональный нейрохирургический бокс, обслуживают его три спеца. Двое – люди компании, а третья, кореянка, собаку съела на подпольной медицине. Трейлер хирургов в том длинном бараке. – Он указал влево. – Там сохранилась часть крыши.

– Как его сюда затащили?

– Привезли из Тусона внутри бензовоза. Изобразили аварию. Выволокли из цистерны, закатили внутрь. Для этого понадобились все имеющиеся руки. Ушло минуты три, наверное.

– «Маас»? – спросил Тернер.

– Конечно. – Конрой заглушил моторы. – Незбежный риск, – произнес он во внезапно наступившей тишине. – Может, они его и проморгали. Наш парень – шофер бензовоза – все время ругался по радиc с тусонским диспетчером, что этот сраный теплообменник у него в печенках уже сидит и сколько, мол, понадобится времени, чтобы его наладить. Уверен, они это слышали. Знаешь способ получше?

– Нет. Поскольку клиент желает, чтобы эта махина стояла тут. Но мы торчим посреди зоны покрытия их спутников.

– Сердце мое, – фыркнул Конрой, – а может, мы просто остановились потрахаться. Привал по дороге в Тусон, да? Здесь как раз такое место. Знаешь ли, тут люди останавливаются, чтобы пописать. – Он сверился с черным хронометром «порше». – Я должен быть там через час, обратный вертолет на побережье уже, наверно, ждет.

– На платформу?

– Нет. За твоим чертовым истребителем. Решил сам с ним разобраться.

– Хорошо.

– Я, правда, выбрал бы экранолет «Дорнье». Оставил бы его ждать чуть дальше по дороге, пока не увидим, что Митчелл на подходе. Экранолет подкатывает, когда медики уже почистили Митчелла. Мы забрасываем его внутрь и летим к границе Соноры...

– На дозвуке, – сказал Тернер. – Не выйдет. Ты отправляешься в Калифорнию покупать истребитель с вертикальным взлетом. Наш мальчик вылетит отсюда на многоцелевом боевом самолете, который еще даже не успел устареть.

– У тебя есть пилот на примете?

– Я. – Тернер постучал по разьему за ухом. – Там управление полностью интерактивное. Тебе продадут софт для интерфейса, а я подключусь напрямую.

- Не знал, что ты умеешь управлять самолетом.
- Не умею. Но до Мехико можно и без летного опыта.

– Ты все тот же рискованный парень, а, Тернер? Знаешь, ходят слухи, что тебе там, в Нью-Дели, взрывом член оторвало? – С холодной и делано невинной ухмылкой Конрой повернулся, чтобы взглянуть в лицо Тернеру.

Тернер выкопал из-за сиденья парку, достал револьвер и коробку с патронами. Он уже начал было заталкивать парку назад, но Конрой сказал:

- Возьми с собой. По ночам тут адский холод.

Тернер потянулся к замку, Конрой уже снова запускал моторы. Поднявшийся на несколько сантиметров хOVER слегка качнулся, когда Тернер резко откинул дверцу кабины и выбрался наружу. Слепящее солнце и горячий бархат воздуха. Вынув из кармана синей спецовки мексиканские противосолнечные очки, Тернер надел их. На нем были белые теннисные туфли и тропический армейский костюм. Коробка патронов пошла в один из боковых карманов штанов. Револьвер он оставил в правой руке, парка свернута под локтем левой.

– Иди к длинной постройке! – крикнул Конрой, перекрывая шум моторов. – Там тебя ждут.

Тернер прыгнул вниз – в доменный жар и сияние пустынного полдня, а Конрой, развернув «фоккер», вывел его назад на трассу. Тернер смотрел, как хOVER набирает скорость, уходя на восток, его уменьшающийся силуэт перекашивало дрожащим маревом поднимающегося от асфальта жара.

Когда «фоккер» скрылся из виду, стало совсем тихо. Никакого движения. Тернер повернулся к развалинам. Меж двух валунов метнулось что-то маленькое и серое.

На расстоянии метров восьмидесяти от трассы начинались зазубренные стены. Утрамбованной площадке перед ними когда-то предстояло стать автостоянкой.

Пять шагов вперед... Тернер остановился. Внезапно он услышал море, грохот прибоя, мягкие взрывы, с которыми опадали волны. Пушка в руке – слишком большая, слишком реальная, металл уже греется на солнце.

Нет моря, сказал он самому себе, никакого моря, ничего здесь не слышно. Он пошел дальше, теннисные туфли скользили по рассыпям битого оконного стекла, сдобренного бурыми и зелеными кругляшами бутылочных осколков. Ржавые диски, бывшие когда-то бутылочными пробками, сплюснутые прямоугольники – трупы алюминиевых банок. Над низкими островками кустов роились насекомые.

Прошло. Кончено. Есть это место. Нет времени.

Он опять остановился, подавшись вперед, будто выискивая то, что помогло бы ему назвать нечто неуклонно в нем нараставшее. Какая-то пустота...

Этот город мертв вдвойне. Отель на мексиканском пляже все-таки был когда-то живым, хотя бы один сезон...

За автостоянкой – залитый солнцем выгоревший блок, дешевый и бездушный. Выжидательный.

Они сидели на корточках в узкой полоске тени от серой стены. Трое. Еще до того, как их увидеть, Тернер почувствовал запах кофе, закопченный котелок ненадежно балансировал на крохотном примусе. Конечно, запах предназначался ему – это значило, что его ждут. Иначе развалины оказались бы пусты, а потом он умер бы – каким-то образом, очень тихо и почти естественно.

Двое мужчин и женщина. Потрескавшиеся ковбойские сапоги. Грубый хлопок одежды настолько засален, что, наверное, даже не пропускает воду. Мужчины бородаты, нестриженные волосы стянуты сзади сыромятными шнурками в выгоревшие на солнце пучки. Волосы женщины разделены на прямой пробор и убраны с обветренного, в шрамах, лица. К стене при-

слонен древний мотоцикл «БМВ» – хромировка в пятнах грязи и ржавчины, облупившаяся краска замазана пятнами пульверизаторной эмали бежево-серого пустынного камуфляжа.

Он отпустил рукоять «смит-и-вессона», дав револьверу прокрутиться на спусковой скобе вокруг указательного пальца, ствол в результате уставился назад и вверх.

– Тернер, – сказал, поднимаясь, один из мужчин, во рту у него сверкнул дешевый металл. – Я Сатклифф. – Легкий акцент, австралийский, что ли.

– Передовая команда? – Он поглядел на остальных.

– Передовая. – Запустив большой и указательный палец в рот, Сатклифф извлек пожелтевший протез со стальными коронками. Его собственные зубы были белыми и совершенно ровными. – Ты вывез Шове из «Ай-Би-Эм» в «Мицу», – сказал он, – и еще, говорят, вытащил Семенова из Томска.

– Это вопрос?

– Я работал в службе безопасности «Ай-Би-Эм» в Марракеше, когда ты взорвал гостиницу.

Тернер встретился с ним взглядом. Глаза у Сатклиффа были голубые, спокойные и очень яркие.

– Это осложняет дело?

– Ничуть, – усмехнулся Сатклифф. – Просто хочу сказать, что видел тебя в деле. – Он щелчком поставил протез на место. – Линч. – Кивок в сторону второго мужчины. – И Уэббер. – В сторону женщины.

– Какой тут расклад? – спросил Тернер, задвигаясь глубже в клочок тени. Он присел на корточки, все еще не выпуская из рук револьвера.

– Мы приехали три дня назад, – начала Уэббер, – на двух байках. Подстроили так, чтобы у одного из них сломался кардан, на случай, если нам понадобится предлог, чтобы разбить здесь лагерь. Население здесь редкое, временное: кочующие байкеры и сектанты. Линч прошел шесть километров на восток с катушкой оптоволоконного кабеля и подключился к телефону...

– Частному?

– Платному, – ответил за нее Линч.

– Мы отправили тестовый пакет, – продолжала женщина. – Если бы не сработало, ты бы уже знал.

Тернер кивнул.

– Входящий трафик?

– Ничего. В самый раз для большого спектакля, что бы это ни было. – Она вопросительно подняла брови.

– Побег.

– Что довольно очевидно, – снова вмешался Сатклифф, устраиваясь рядом с Уэббер спиной к стене. – Хотя общий тон операции заставляет предположить, что нам, шестеркам, не положено знать, кого мы извлекаем. Так, мистер Тернер? Или мы услышим об этом только в новостях?

Тернер его проигнорировал.

– Продолжай, Уэббер.

– После того как мы разобрались на местности и протянули кабель, по одному-двое просочились остальные. Последний проинструктировал нас относительно консервной банки с япошками.

– Грубая работа, – вставил Сатклифф. – Не стоило так высовываться.

– Думаешь, мы засветились? – спросил Тернер.

Сатклифф пожал плечами:

– Может, засветились, может, и нет. Перебросили мы ее довольно быстро. Хорошо еще, тут оказалась какая-никакая крыша, было где спрятать.

– Как насчет пассажиров?

– Они выходят только ночью, – сказала Уэббер. – И знают, что мы убьем их, если они попытаются отойти дальше чем на пять метров от трейлера.

Тернер взглянул на Сатклиффа.

– Приказ Конроя, – ответил тот.

– С настоящего момента все приказы Конроя недействительны, – сказал Тернер, – за исключением этого. Что они за люди?

– Медики, – сказал Линч, – подпольные врачи.

– Именно так, – отозвался Тернер. – А что остальные члены команды?

– Мы натянули пару навесов из маскировочного брезента. Спят посменно. Тут не хватает воды, и мы не можем особо рисковать с готовкой. – Сатклифф потянулся за кофейником. – Часовые на местах, и мы периодически проверяем кабель, нет ли где обрыва. – Он плеснул кофе в красную пластмассовую кружку, которая выглядела так, как будто ее жевала собака. – Так когда наш выход, мистер Тернер?

– Мне надо взглянуть на вашу жестянку с ручными медиками. И осмотреть командный пункт. Вы ничего не сказали о командном пункте.

– Все устроено, – сказал Линч.

– Прекрасно. Вот, – Тернер передал Уэббер револьвер, – попробуй сообразить для него какую-нибудь кобуру, хорошо? А теперь Линч покажет мне этих медиков.

– Он так и думал, что это будешь ты, – сказал Линч, без усилий взбираясь по низкому гравийному откосу; Тернер шел следом. – У тебя та еще слава. – Молодой человек оглянулся на Тернера, тряхнув челкой грязных, выгоревших на солнце волос.

– Даже слишком, – ответил Тернер. – Сколько бы ее ни было, всегда чуть слишком. Ты раньше с ним работал? Скажем, в Марракеше?

Линч боком протиснулся сквозь расселину в стене шлакоблока, Тернер едва не наступал ему на пятки. Пустынные растения пахли дегтем; если их задеть, они норовили прилипнуть или вцепиться колючкой. Через пустой прямоугольный проем, предназначенный под окно, на Тернера глянули розовые вершины гор; тут Линч заскользил вниз по склону.

– Конечно, я работал на него раньше, – сказал он, остановившись у подножия оползня. Древний на вид кожаный ремень висел у него по-ковбойски на бедрах, тяжелая пряжка – почерневший серебряный череп в центре креста из тусклых пирамидальных шипов. – Марракеш – это было еще до меня.

– И на Конни тоже, Линч?

– То есть?

– На Конроя. Ты работал на него раньше? Или, если быть точным, ты сейчас работаешь на него?

Тернер медленно и неуклонно съезжал по гравию; камешки крошились и выскальзывали из-под подметок теннисных туфель – ненадежная опора. Тернеру был виден изящный маленький игольник в кобуре под парусиновой жилеткой Линча.

Линч облизнул сухие губы:

– Это Сатов контакт. Сам я с Конроем не встречался.

– У Конроя есть одна проблема, Линч. Он не способен делегировать ответственность. Любит с самого начала посадить в команду своего человека, кого-то, кто сторожил бы сторожей. Всегда. Это ты, Линч?

Линч мотнул головой – абсолютный минимум движений, требующийся, чтобы выразить отрицание. Тернер стоял вплотную, чувствуя за деготной вонью пустынных растений запах его пота.

– Конрой провалил на этом два извлечения, я свидетель, – тяжело проговорил Тернер. – Ящерицы и битое стекло, а, Линч? Как по-твоему, хочешь тебе здесь умереть? – Он занес перед лицом Линча сжатый кулак и медленно вытянул указательный палец, указывая прямо вверх. – Мы, считай, у них на прицеле. Стоит подсадке Конроя хотя бы пикнуть, и они тут же сядут нам на хвост.

– Если уже не сели.

– Верно.

– Сат – вот кто тебе нужен, – выдавил Линч. – Это не я, и вряд ли это Уэббер. – Сломанные, с черными ободками ногти рассеянно поскребли в бороде. – А теперь: ты привел меня сюда только для этой беседы или все еще хочешь поглядеть на нашу жестянку с япошками?

– Пойдем поглядим.

Линч. Это был Линч.

Когда-то в Мексике, много-много лет назад, Тернер зафрахтовал переносной прогулочный модуль французского производства на солнечных батареях. Семиметровый корпус модуля походил на бескрылую муху в панцире из полированной стали. Глаза – две одинаковые полусферы из затемненного фоточувствительного пластика; Тернер сидел за ними, а двухвинтовой русский грузовой вертолет летел вдоль берега, сжимая в челюстях модуль и едва-едва не задевая им кроны самых высоких пальм. На пятачке удаленного пляжа с черным песком Тернер провел три дня в комфортном уединении узкой, обитой тиком кабины, готовя еду в микроволновке и бережливо, но регулярно обливаясь холодной пресной водой. Прямоугольные клумбы солнечных батарей вращались, следуя за солнцем, и он научился определять время по их положению.

Переносной нейрохирургический бокс «Хосаки» напоминал безглазую версию того французского модуля, может, метра на два длиннее, и покрашен он был в тускло-коричневый цвет. К нижней части обшивки недавно через равные интервалы приварили уголки перфорированного металла, а под ними на обычной пружинной подвеске установили с десяток толстых, глубоко рифленых мотоциклетных шин из красной резины.

– Они спят, – сказал Линч. – Эта штука покачивается, когда внутри кто-то ходит, так что это всегда видно. Когда придет время, мы снимем колеса, но пока нам хотелось бы иметь возможность следить за ними.

Тернер медленно обошел коричневый фургон, заметив черный глянцевый сливной шланг, уходивший в маленький прямоугольный резервуар по соседству.

– Прошлой ночью как раз опорожняли, господа прости. – Линч покачал головой. – У них там есть еда, сколько-то воды.

Тернер приложил ухо к обшивке.

– Звуконепроницаема, – пояснил Линч.

Тернер поднял взгляд к стальной крыше над головой. Сверху хирургический бокс был экранирован добрым десятком метров ржавеющей крыши. Единый лист железа, к тому же горячий сейчас настолько, что можно поджарить на нем яичницу. Тернер задумчиво кивнул. Этот горячий прямоугольник – постоянная деталь на инфракрасном сканере «маасовских» спутников.

– Летучие мыши, – сказала Уэббер, протягивая ему «смит-и-вессон» в наплечной кобуре из черного нейлона.

Сумерки были полны звуков, исходивших как будто откуда-то изнутри: металлическое кваканье и цоканье жуков, крики невидимых птиц. Тернер засунул револьвер, а потом и кобуру в карман парки.

– Хочешь поссать, – добавила она, – пройди вверх мимо того куста, но смотри, кругом колючки.

– Ты откуда?

– Из Нью-Мексико, – ответила женщина.

В угасающем свете ее лицо казалось вырезанным из дерева. Она повернулась и зашагала прочь, к стыку стен, приютившему брезентовые навесы. Тернер различил там силуэты Сатклиффа и какого-то молодого цветного. Они что-то ели из пакетов матовой фольги. Похоже, это – Рамирес, компьютерный жокей, партнер Джейлин Слайд. Из Лос-Анджелеса.

Тернер взглянул вверх в чашу неба – бескрайнюю, как звездная карта. Странно, почему отсюда оно кажется таким огромным, подумалось ему, а с орбиты – это просто бесформенная бездна, где масштаб теряет всякое значение. Тернер знал, что и сегодня ему не уснуть, что Большая Медведица вихрем закружится для него, а потом канет за горизонт, утянув за собою хвост.

Его ударила тошнотворная и дезориентирующая волна – в мозг вдруг непрошено хлынули образы из досье с биософта.

8

Париж

Андреа жила в Картье-де-Терн, где ее старинный дом вместе со всеми прочими ждал нашествия неумных городских реставраторов с пескоструйными машинами. В подъезде было темно, только биофлюоресцентные полосы «Фудзи электрик» едва тлели над ветхой стенкой маленьких деревянных ячеек; у некоторых даже еще сохранились на месте дверцы с прорезями. Марли знала, что когда-то почтальоны ежедневно проталкивали в эти щели квитанции и письма. Что-то очень романтическое было в самой этой идее, однако ячейки с их желтеющими визитными карточками, оповещавшими о роде занятий давно исчезнувших жильцов, почему-то всегда действовали на нее угнетающе. По стенам коридора змеились разбухшие кабели и оптоволоконные провода, каждая связка – потенциальный кошмар для какого-нибудь бедняги-монтера. В дальнем конце коридора через открытую дверь с панелями из линзового стекла виднелся заброшенный внутренний двор, где от сырости влажно блестел булыжник.

Когда Марли вошла в парадное, консьерж сидел во внутреннем дворике на белом пластмассовом ящике, в былые времена служившем упаковкой для бутылок воды «Эвиан». Консьерж звено за звеном терпеливо смазывал черную цепь от старого велосипеда. Когда Марли стала взбираться по первому лестничному пролету, он поднял на нее глаза, но не проявил особого интереса.

Мраморные ступени давно потеряли былой блеск, покрывшись шершавыми выбоинами от ног бесчисленных поколений жильцов. Квартира Андреа находилась на четвертом этаже. Две комнаты, кухня и ванная. Марли приехала сюда, в последний раз заперев свою галерею, когда стало больше невозможно спать в импровизированной спальне – маленькой комнатке за складом, которую она делила с Аленом. Теперь этот дом вновь грозил ввергнуть ее в замкнутый круг депрессии, но ощущение новой одежды и опрятный стук каблучков по мрамору удерживали от этого. На Марли была просторная кожаная куртка несколькими тонами светлее сумочки, шерстяная юбка и шелковая блузка от «Пари Исэтан». Сегодня утром она постриглась в предместье Сен-Оноре у бирманки с немецким лазерным карандашом – дорогая стрижка, утонченная, без излишней консервативности.

Марли коснулась круглой пластины, привинченной в центре двери Андреа. Услышала, как та тихонько пискнула, считывая линии и завитки отпечатков пальцев.

– Андреа, это я, – сказала она в крохотный микрофон.

Последовала череда щелчков и позвякиваний – это подруга открывала дверь.

И вот Андреа стоит на пороге – в лужице воды и старом махровом халате. С полминуты француженка восхищенно рассматривала новую прическу Марли, потом улыбнулась:

– Так ты получила эту свою работу или просто ограбила банк?

Переступив порог, Марли поцеловала подругу в мокрую щеку.

– Судя по ощущениям, немного и того и другого, – рассмеялась она.

– Кофе, – сказала Андреа, – свари нам кофе. Со сливками. Мне нужно еще сполоснуть волосы. А твоя прическа просто чудо... – Она исчезла в ванной, и до Марли донесся плеск воды по фаянсу.

– Я привезла тебе подарок! – крикнула ей вслед Марли, но Андреа не расслышала.

Пройдя в кухню, Марли налила воды в чайник, зажгла плиту от старомодной электрозажигалки и начала рыться на заставленных всякой всячиной полках в поисках кофе.

– Пожалуй, да, – говорила за кофе Андреа, – теперь понимаю. – Она рассматривала голограмму шкатулки, которую Марли впервые увидела в вилковском конструкте парка Гауди. – Это в твоём стиле. – Она тронула клавишу, и «брауновская» иллюзия исчезла; за единственным

окном комнаты небо, будто причудливой гравировкой, было разукрашено венчиками перистых облаков. – Что до меня, это слишком угрюмо, слишком серьезно. Как и те работы, что ты выставляла в своей галерее. Но значить это может только одно: герр Вирек не ошибся в выборе; ты ему решишь эту загадку. А при том, сколько он платит, я бы на твоём месте не торопилась.

Андреа щеголяла в подарке Марли – дорогой, восхитительно проработанной мужской блузе из серой фламандской фланели. Андреа просто обожала такой стиль, и её радость при виде блузы была очевидной. Фланель почти под цвет её глаз идеально оттеняла пепельные волосы.

– Он просто ужасен, этот Вирек. Мне кажется... – Марли запнулась.

– Охотно верю, – отозвалась Андреа, прихлебывая кофе. – А ты что, ждала, что денежный мешок окажется приятным или хотя бы нормальным типом?

– В какой-то момент мне почудилось, что он не совсем человек. Я очень отчетливо это почувствовала.

– А он и не человек, Марли. Ты разговаривала с проекцией, спецэффектом...

– И тем не менее... – Она беспомощно повела рукой и тут же почувствовала досаду на саму себя.

– И тем не менее он очень, очень богат и платит тебе кучу денег, чтобы ты сделала то, на что, вероятно, никто больше и не способен. – Улыбнувшись, Андреа расправила тщательно заглаженный угольно-черный манжет. – У тебя ведь не такой уж богатый выбор, правда?

– Знаю. Пожалуй, это меня и тревожит.

– Ну-у, – протянула Андреа, – я думала, что смогу ненадолго оттянуть этот разговор, но у меня есть еще кое-что, что может тебя встревожить. Если «встревожить» здесь подходящее выражение.

– Да?

– Я подумала было, может, вообще не стоит тебе об этом говорить, но уверена, что рано или поздно он все равно до тебя доберется. На деньги у него редкое чутье.

Марли осторожно поставила пустую чашку на заваленный журналами столик из индийского тростника.

– У него очень острый нюх на такие вещи.

– Когда?

– Вчера. Началось, думаю, примерно через час после того, как должно было состояться твое собеседование с Вирексом. Он позвонил мне на работу. Он оставил записку здесь, у консьержа. Если я отключу программу, – она кивнула на телефон, – уверена, он позвонит в течение получаса.

Вспомнился взгляд консьержа, позвякивание велосипедной цепи.

– Он сказал, что хочет поговорить, – продолжала Андреа. – Только поговорить. Ты хочешь поговорить с ним, Марли?

– Нет, – ответила она голосом маленькой девочки, высоким и ломким. А потом: – Он оставил номер?

Вздыхнув, Андреа медленно покачала головой, потом сказала:

– Да, конечно оставил.

9

Вверху, в Новостройках

Тьму наполняли узоры – как пчелиные соты цвета крови. Было тепло. И по большей части мягко.

– Ну и бардак, – сказал один из ангелов.

Голос оказался женский и доносился откуда-то из далекого далека, но звучал нежно, музыкально и очень отчетливо.

– Надо было перехватить его еще у Леона, – сказал второй ангел, тоже женщина. – Наверху это не понравится.

– У него, похоже, что-то было в этом большом кармане, видишь? Карман разрезали, чтобы это вытащить.

– И не только карман, сестренка. Господи. Вот.

Узоры качнулись и поплыли, когда кто-то подвинул его голову. Холодная ладонь у него на щеке.

– Не испачкай себе рубашку, – сказала первый ангел.

– Дважды-в-День это не понравится. Как по-твоему, с чего это он так ломанулся?

Его это выводило из себя, потому что хотелось спать. Разумеется, он спит, но почему-то в его мозг просачиваются искусственные сны Марши, и он барахтается в рваной путанице фрагментов из самых разных серий «Важных мира сего». Мыло тянулось беспрерывно еще до его рождения, сюжет – этакий многоголовый солитер повествования, извивающийся, как магнитная лента, – каждые несколько месяцев сворачивался кольцом, чтобы поглотить самое себя, но потом отрачивал новые головы, жадные до напряжения и накала страстей. Наконец Бобби смог увидеть этого корчащегося червяка целиком, во всю его длину, таким, каким Марше его никогда не увидит, – удлиненную спираль «сенсетовской» ДНК, простершую щупальца хрупкой дешевой эктоплазмы к бесчисленным голодным сновидцам. Что до Марши, к ней повествование приходило через органы чувств Мишель Морган Магнум, главной героини, унаследовавшей корпорацию «Магнум АГ». Но сегодняшняя серия странным образом все норовила уклониться от отчаянно запутанных сердечных дел Мишель, за которыми Бобби так и так давно устал следить, и перескакивала на подробные описания социоархитектуры самодостаточных комплексов-ульев типа «Солери». Некоторые детали этих описаний казались подозрительными, даже на взгляд Бобби. Он, например, сомневался, что там действительно целые этажи отведены под продажу только льдисто-голубых вельветовых комбинезонов с алмазными пряжками у колен или что другие этажи там вечно темные и заселены исключительно голодающими детьми. В это последнее, как он вроде бы смутно помнил, Марша верила беззаветно и относилась поэтому к Новостройкам с суеверным ужасом – как к некоему вертикально вздыбленному аду, куда ей придется однажды взойти. Другие фрагменты искусственного сна напомнили Бобби «сенсетовский» канал «Знание», появлявшийся у них в доме в качестве бесплатного приложения к каждой стим-подписке; там тоже были замысловатые мультипликационные диаграммы внутренней структуры Новостроек, на них накладывался монотонный голос, бубнивший лекцию об образе жизни различных их обитателей. Эти обитатели – когда Бобби удавалось на них сосредоточиться – казались еще менее убедительными, нежели вельветовые вспышки цвета голубого льда или беззвучно крадущиеся во тьме младенцы-каннибалы. Веселая молодая мать резала пиццу огромным промышленным водяным ножом на кухоньке безупречно чистой однокомнатной квартиры. Стеклопанельная дверь открывалась на узкий балкон и прямоугольник мультяшно-голубого неба. Женщина была черной, но не негритянкой – Бобби подумал, что она скорее походит на какую-нибудь порнокуклу из модуля в его спальне, только очень-очень

темную, юную и в образе счастливой матери. И у нее были – так казалось на первый взгляд – маленькие, но мультяшно идеальные груди. (В этот момент, как будто чтобы еще больше усилить его тупое замешательство, поразительно громкий и очень не «сенсетовский» голос сказал: «А вот это, Джекки, я определенно назвала бы признаком жизни. Не то чтобы всё пучком, но кое-что точно торчком».) Тут его закружило, и он снова вывалился в гляцевую вселенную Мишель Морган Магнум, отчаянно боровшейся за то, чтобы предотвратить поглощение своей корпорации «Магнум АГ» зловещим промышленным кланом Накамура из Сикоку. В данном случае представителем клана выступал (усложнение сюжета) основной любовник Мишель в этом сезоне, состоятельный (но почему-то жадный до пары лишних миллиардов) красавец-политик из Новой Советии Василий Сулов, который и одеждой, и своим внешним видом удивительно смахивал на готиков из заведения Леона.

Серия, похоже, приближалась к некоей кульминации: антикварный «БМВ», переоборудованный под водородный аккумулятор, был обстрелян на улице близ жилого блока «Ковина-Конкорс-Кортс» с радиоуправляемых западногерманских микровертолетов; Мишель Морган Магнум хлестала никелированным пистолетом «намбу» по щекам вероломного личного секретаря, а Сулов, с которым Бобби все больше начинал идентифицироваться, надумал смыться из города с роскошной феминной-телохранителем, та была японкой, однако почему-то крайне напоминала Бобби еще одну девицу из его голографического порномодуля – но тут кто-то закричал.

Бобби никогда не слышал, чтобы так кричали, и в голосе кричавшего было что-то до ужаса знакомое. Но прежде чем он успел начать переживать из-за этого, перед глазами у него вихрем закружились кроваво-красные соты, и он пропустил конец «Важных мира сего». Мелькнула невнятная мысль – красный вихрь как раз сменился черным, – что он всегда может спросить у Марши, чем же там закончилось.

– Открой глаза, приятель. Вот так. Свет слишком яркий?

«Слишком» еще мягко сказано, но это ничего не меняло. Белый, белый. Белизна. Он вспомнил, как его голова взорвалась, – будто много лет назад. Взрыв гранаты, вспышка сумасшедшего белого света в пронизанной холодными ветрами темноте пустыни. Его глаза открыты, но он ничего не видит. Только белое.

– Ну, в обычной ситуации я дал бы тебе повалиться в отключке еще немного, учитывая, в каком ты, парень, состоянии. Но те, кто мне платит, говорят: «Поставь парня на ноги», так что я тебя бужу, еще не закончив работу. Хочешь спросить, почему ты ничего не видишь, да? Только белый свет – вот и все, что ты видишь, это верно. А дело в том, что у нас тут стоит реле нейропрерывания. Между нами говоря, эта штука взята из секс-шопа, но не вижу причин, почему бы не использовать ее в медицине, если так уж хочется. А нам того хочется, потому что тебе по-прежнему чертовски больно, и уж во всяком случае ты лежишь тихо, пока я работаю. – Голос был спокойным и размеренным. – Ну вот, главная проблема была у тебя со спиной, но я поставил скобы и наложил несколько футов цеплочки. Сам посуди, кто тебе тут сделает пластическую операцию – но милешки, думаю, сочтут эти шрамы весьма привлекательными. А что я делаю теперь? Я вычищаю рану у тебя на груди, а потом мы и ее застегнем кусочком цеплочки, и все будет готово. Правда, ближайшие несколько дней тебе придется двигаться очень осторожно, иначе разойдутся скобы. Я уже налепил на тебя парочку дермов и налеплю еще несколько потом. А тем временем я собираюсь переключить твой сенсориум на аудио и полное видео, чтобы ты постепенно начинал приходить в себя. Не обращай внимания на кровь, она вся – твоя, но больше уже ниоткуда не течет.

Белизна свернулась в серое облако, предметы с медленной неуклонностью, как при ловле глюков под «пылью», стали приобретать очертания. Он распластан по обитому чем-то потолку – смотрит вниз на белую безголовую куклу. На месте головы у куклы – зеленая хирургическая

лампа, которая, похоже, растет у нее из плеч. Негр в залитом кровью зеленом халате распыляет что-то желтое в разверстную рану, которая сбегает наискось от левого соска куклы и кончается почти над тазовой костью. Бобби знает, что мужчина черный, потому что тот с непокрытой головой – непокрытой, бритой и глянцевой от пота. Руки негра скрываются под туго натянутыми зелеными перчатками. Зеленые перчатки и скользкий набалдашник лысины, ничего больше от негра, в сущности, и не видно. По обеим сторонам шеи к коже куклы присосались розовые и голубые дермодиски. Края раны кажутся выкрашенными чем-то вроде шоколадного сиропа, а желтый аэрозоль вылетает из серебристого баллончика с тихим шипением.

Тут Бобби осознал, что перед ним, и вселенная тошнотворно опрокинулась. Лампа свисала с потолка, потолок был зеркальный, а куклой был он сам. Казалось, длинный эластичный шнур снова выдернул его сквозь красные соты назад, в комнату из сна, где черная девушка резала детям пиццу. Водяной нож не издавал ни звука, в игольчатом потоке высокоскоростной воды крутились микроскопические песчинки. Инструмент предназначался для разрезания стекла и стали, а вовсе не для того, чтобы нарезать на ломтики пиццу из микроволновки. Бобби хотелось вопить, он боялся, что женщина отрежет себе палец, даже этого не почувствовав.

Но кричать он не мог, как не мог пошевелиться или вообще издать хоть какой-то звук. Женщина любовно вырезала последний кусок и, нажав ногой на отключающую нож педаль в полу, переложила нарезанную пиццу на белое керамическое блюдо, потом повернулась к прямоугольнику голубизны за балконом, где были ее дети... Нет, сказал Бобби, проваливаясь глубоко в себя, не надо. Потому что существа, которые ворвались в комнату и бросились к женщине, были не пацанами-дельтапланеристами, а страшными монстрами, младенцами-канибалами из снов Марши. У них были крылья, порванные в лохмотья, – мешанина розовых костей, металла, туго натянутых перепонки из пластиковых лоскутов... Он увидел их зубы...

– Уф, – сказал негр, – потерял тебя на секунду. Не надолго, понимаешь, только, быть может, на одну нью-йоркскую минутку...

Его рука в зеркале над головой взяла из кроватной тряпки рядом с ребрами Бобби плоскую катушку из прозрачного синего пластика. Двумя пальцами он осторожно вытянул кусок какого-то коричневого, собравшегося бусинами вещества. По краям бусин вспыхивали крохотные точки света, дрожали и, казалось, раскачивались.

– Цеплочка, – пояснил негр и второй рукой нажал на кнопку – наверное, кнопку встроенного в синюю катушку резака. Теперь отрезок нитки бус свободно качнулся и стал извиваться. – Славная хреновина, – продолжал негр, поворачивая катушку так, чтобы и Бобби тоже было видно. – Новая. Такие сейчас используют в Тибете.

Что-то коричневое, безголовое, каждая бусина – сегмент тела, каждый сегмент окаймлен бледными светящимися ножками. Потом, как фокусник взмахнув руками в зеленых перчатках, негр наложил гадину по всей длине открытой раны и легким движением оторвал последний сегмент – тот, что был ближе всего к лицу Бобби. Отделяясь, этот сегмент втянул в себя блестящую черную нить, служившую многоножке нервной системой, и каждая пара клешней, одна за другой, сомкнулась, крепко стянув края раны, – будто задержала молнию на новой кожаной куртке.

– Ну вот видишь, – сказал негр, промокая остатки шоколадного сиропа влажным белым тампоном, – не так уж было и страшно, правда?

Его вступление в апартаменты Дважды-в-День совсем не походило на то, что так часто рисовало Бобби воображение. Начать с того, что он никогда не думал, что его вкатят на кресле-каталке, позаимствованном в «Роддоме Святой Марии», – название и серийный номер были аккуратно выгравированы лазером на тусклой хромировке левого подлокотника. Катившая его женщина, однако, вполне вписалась бы в какую-нибудь из его фантазий: ее звали Джекки – первая из двух девушек с Новостроек, которых он видел у Леона, и, насколько он понял, одна из

двух его ангелов. Кресло-каталка беззвучно катилось по ворсистому серому паласу, от стены до стены устилающему узкий проход, к жилым помещениям, но золотые побрякушки на федоре весело позвякивали при каждом шаге черного ангела.

И он представить себе не мог, что хата Дважды-в-День окажется такой огромной или что в ней будет полно деревьев.

В своей импровизированной операционной Пай – доктор, не преминувший объяснить, что на самом деле никакой он не врач, а просто тот, кто «иногда помогает выпутаться», – устроившись на драном высоком табурете, стянул окровавленные зеленые перчатки, закурил сигарету с ментолом и посоветовал Бобби недельку-другую не перетруждаться. Через несколько минут Джекки и Реа – второй ангел – с трудом впихнули его в мягкую черную пижаму, которая выглядела как одежда из дешевого фильма про ниндзя, плюхнули в кресло-каталку и двинулись к шахте лифтов в сердцевине улья. Благодаря еще трем дополнительным дермам из Паевых закровов – один из них был заряжен добрыми двумя тысячами миллиграммов аналога эндорфина – в голове у Бобби прояснилось и никакой боли он не испытывал.

– Где мои вещи? – запротестовал он, когда его выкатили из первого коридора в другой, ставший опасно узким из-за десятилетних наслоений водопроводных труб и проводки. – Где моя одежда, дека и все остальное?

– Твоя одежда, дорогуша, в том виде, в каком она была, сейчас в пластиковом мешке у Пая, ждет, когда он спустит ее в мусоропровод. Паю пришлось срезать ее с тебя на столе, и, уж если на то пошло, она была просто окровавленными лохмотьями. И если твоя дека была в куртке, в заднем кармане, думаю, что те, кто тебя порезал, ее и забрали. Едва не прихватив и тебя заодно. И ты, ублюдок, ко всем чертям испортил мне рубашку от «Салли Стэнли». – Ангел Реа казалась не слишком дружелюбной.

– Ну, – протянул Бобби, когда они заворачивали за угол, – хорошо. А вы, случайно, не нашли в карманах отвертку? Или кредитный чип?

– Чипа не было, малыш. Но если ты имеешь в виду отвертку с двумя сотнями и еще десяткой новых иен в рукоятке, то это как раз цена моей новой рубашки...

Вид у Дважды-в-День был такой, как будто толкач не особенно рад видеть Бобби. В самом деле, можно было подумать, что он вообще его не заметил. Смотрел прямо сквозь него на Джекки и Реа и скалил зубы в улыбке, целиком состоявшей из нервов и недосыпания. Бобби подкатили достаточно близко, так что ему было видно, какие желтые у Дважды-в-День белки – почти оранжевые в розовато-пурпурном свечении светодиодных трубок «гроу-лайт», которые, казалось, в полном беспорядке свисали с потолка.

– Что вас, суки, задержало? – спросил толкач, но в голосе его не было ни тени гнева, одна только смертельная усталость и еще что-то такое, что Бобби поначалу не смог определить.

– Пай, – сказала Джекки, качнув бедрами мимо кресла, чтобы взять пачку китайских сигарет с невероятных размеров деревянной конструкции, служившей Дважды-в-День кофейным столиком. – Он виртуоз, наш Пай.

– И научился этому в ветучилище, – ради Бобби добавила Реа, – но обычно он так пьян, что никто не позволит ему попрактиковаться даже на собаке...

– Так, – сказал Дважды-в-День, останавливая наконец взгляд на Бобби, – значит, жить будешь.

Этот взгляд был настолько холодный, настолько усталый и клинически отстраненный, настолько далекий от маски этакого маниакального шустрилы, которому сам черт не брат, принимавшейся Бобби за его истинную личность, что Бобби смог только опустить глаза и уставиться в стол. Лицо у него горело.

Почти трехметровой длины стол был сколочен из бревен, каждое толще ноги Бобби. Должно быть, дерево какое-то время провело в воде; в некоторых местах еще сохранилась

белесая серебристая патина плавуна, как на колоде, возле которой Бобби играл давным-давно в детстве в Атлантик-Сити. Но дерево не видело воды уже довольно давно, и столешницу покрывала плотная мозаика из воска оплывших свечей, винных пятен, странной формы луж матово-черной эмали и темных ожогов от сотен раздавленных сигарет. Стол был так завален едой, мусором и разным компьютерным железом, что казалось, это какой-то уличный торговец собрался было разгружать товар, но потом передумал и решил пообедать. Тут были наполовину съеденные пиццы – от вида катышек криля в кетчупе у Бобби стало сводить желудок – рядом с обваливающимися стопками дискет, грязные стаканы с затушенными в недопитом красном вине окурками, розовый стироновый поднос с ровными рядами заветрившихся канапе, открытые и неоткрытые банки пива. Антикварный герберовский кинжал лежал без ножен на плоском обломке полированного мрамора. Еще на столе оказалось по меньшей мере три пистолета и, быть может, два десятка компонентов загадочного с виду компьютерного оборудования, того самого ковбойского снаряжения, при виде которого в обычных обстоятельствах у Бобби потекли бы слюнки.

Теперь же слюнки текли из-за куска холодной пиццы с крилем, но голод был ничто по сравнению с внезапным унижением, которое он испытал, увидев, что Дважды-в-День на него просто плевать. Нельзя сказать, что Бобби думал о нем именно как о друге, но он, безусловно, немало вложил в надежду, что Дважды-в-День видит в нем равного, человека, у которого хватает таланта и инициативы и у которого есть шанс выбраться из Барритауна. Но взгляд Дважды-в-День сказал ему, что он, в сущности, никто и к тому же вильсон...

– Взгляни-ка на меня, друг мой, – сказал голос, но это был не Дважды-в-День, и Бобби поднял глаза.

По обе стороны от Дважды-в-День на пухлой хромировано-кожаной кушетке оказались еще двое, оба негры. Говорящий был одет в какой-то балахон или халат, на носу у него сидели древние очки в пластмассовой оправе. Очки были ему велики, к тому же в квадратах оправы отсутствовали линзы. Другой был вдвое шире в плечах, чем Дважды-в-День, но на нем оказался строгий костюм, какие носят в кино японские бизнесмены. Безупречно белые манжеты французской рубашки были застегнуты блестящими прямоугольниками золотых микросхем.

– Просто стыд и срам, что мы не можем дать тебе немного времени подлечиться, – сказал первый, – но у нас тут серьезная проблема. – Он помедлил, снял очки и помассировал переносицу. – Нам требуется твоя помощь.

– Черт, – ругнулся Дважды-в-День.

Он наклонился вперед и, взяв из пачки на столе китайскую сигарету, прикурил ее от свинцового черепа размером с крупный лимон, потом потянулся за стаканом вина. Мужчина в очках, протянув худой коричневый палец, постучал им по запястью Дважды-в-День. Дважды-в-День выпустил стакан и откинулся назад. Лицо его оставалось тщательно пустым. Мужчина же улыбнулся Бобби.

– Счет Ноль, – сказал он, – нам сказали, такая у тебя кличка.

– Верно, – выдавил Бобби. Вышло какое-то карканье.

– Мы хотим знать о Деве, Счет. – Негр ждал.

Бобби, прищурившись, посмотрел на него.

– *Вьей Мирак*. – Мужчина снова надел очки. – Наша госпожа, Дева Чудес. Мы знаем ее, – он сделал какой-то странный жест левой рукой, – как Эрзули Фреду.

Бобби осознал, что сидит с открытым ртом, и закрыл его. Три темных лица ждали. Джекки и Реа исчезли, но он не видел, как они ушли. Бобби охватила паника, и он, в отчаянии оглянувшись по сторонам, увидел странные заросли низкорослых деревьев, окружающих стол. Во всех направлениях свисали под различными углами светодиодные трубки. В гуще зеленой листвы проглядывали розовато-пурпурные чучела. Никаких стен. Стен вообще не видно! Кушетка и выдававший виды стол стояли на какой-то прогалине с полом из шершавого бетона.

– Мы знаем, что она приходила к тебе, – сказал гигант, осторожно кладя ногу на ногу. Он поправил безупречную складку на брюках, и Бобби подмигнула золотая запонка. – Мы это знаем, понимаешь?

– Дважды-в-День говорит, это твой первый рейд? – вмешался второй. – Правда?

Бобби кивнул.

– Значит, ты избран Легбой, – сказал мужчина, снова снимая пустую оправу, – чтобы встретиться с Вьей Мирак. – Он улыбнулся.

У Бобби снова отвисла челюсть.

– Легба, – повторил негр. – Хозяин дорог и тропинок, лоя коммуникаций...

Дважды-в-День затушил сигарету о поцарапанное дерево, и тут Бобби увидел, что руки у него дрожат.

10

Ален

Они условились встретиться в брассерии на пятом подземном этаже комплекса «Двор Наполеона» под стеклянной пирамидой Лувра. Это место было знакомо обоим, хотя ни для одного из них не имело особого значения. Предложил его Ален, и Марли подозревала, что он очень тщательно его выбирал. Это была эмоционально нейтральная территория: знакомая обстановка, при этом не отягощенная никакими воспоминаниями. Кафе было стилизовано под прошлый век: гранитные стойки, черные балки от пола до потолка, зеркала во всю стену и итальянская ресторанный мебель из черного сварного железа, какая могла относиться к любому десятилетию за последние сто лет. Столы покрыты серыми льняными скатертями в тонкую черную полосу, этому сочетанию вторят черно-полосатые обложки меню, передники официантов и спичечные коробки.

Для встречи Марли надела кожаную куртку, приобретенную еще в Брюсселе, красную льняную блузку и новые джинсы из черного хлопка. Андреа сделала вид, что не замечает, как старательно подруга подбирает одежду, а потом одолжила простую нитку жемчуга, который отлично оттенял блузку.

Едва успев войти, Марли поняла, что Ален пришел заранее, – стол уже был завален его барахлом. На Алене был его любимый шарф, тот, что они купили вместе год назад на блошином рынке, и, как обычно, выглядел Ален всклокоченным, но совершенно в своей стихии. Потрепанный кожаный атташе-кейс изверг свое содержимое на небольшой квадрат полированного гранита: блокнотики на спирали, нечитанный том самого скандального романа месяца, «голуаз» без фильтра, коробок деревянных спичек, переплетенный в кожу ежедневник, который она приобрела ему в «Браунсе».

– А я уже думал, ты не придешь, – сказал он с улыбкой.

– Почему ты так решил? – спросила Марли.

Вопросом на вопрос – спонтанная реакция (какая жалкая, подумалось ей) в нелепой попытке замаскировать ужас, который она наконец позволила себе испытывать. Страх снова потерять себя, потерять волю и стимул жить, страх перед любовью, которая еще жива. Марли пододвинула второй стул и села. Возле нее тут же возник молодой официант в полосатом переднике – судя по виду, испанец, – чтобы принять заказ. Она заказала воду «Виши».

– Это все? – спросил Ален; официант услужливо наклонился.

– Да, спасибо.

– Я уже несколько недель пытаюсь с тобой связаться, – сказал Ален.

Марли понимала, что это ложь; и все же, как с ней часто случалось и ранее, спросила себя: а осознает ли он сам до конца, что снова лжет? Андреа утверждала, что подобные Алену лгут так постоянно и так искренне, что вскоре перестают различать, где в их словах правда, а где вымысел. Они своего рода артисты, говорила Андреа, они одержимы желанием переиначить реальность. И Новый Иерусалим тогда – воистину прекрасное местечко: свобода и от перерасхода кредитного лимита, и от ворчания домохозяев, и от необходимости искать кого-то, кто оплатил бы счет за вечер.

– Я что-то не заметила, чтобы ты пытался связаться со мной, когда Гнасс привел полицию.

Марли надеялась, что эта фраза заставит его хотя бы поморщиться. Впустую. Мальчишеское лицо под шапкой непослушных русых волос, которые он по привычке зачесывал назад пальтерней, осталось невозмутимо-спокойным.

– Прости, – только и сказал он, давая в пепельнице «голуаз».

Аромат черного французского табака постепенно стал ассоциироваться для Марли с Аленом, и Париж теперь казался ей городом, где на каждом шагу его запах, его призрак, цепочка его следов.

– Я был уверен, что он никогда не обнаружит, гм... происхождение работы... Ты должна понять: как только я признался самому себе, насколько отчаянно мы нуждаемся в деньгах, я решил, что должен что-то предпринять. Я же знаю: сама ты – идеалистка. Галерею в любом случае пришлось бы закрыть. Если бы с Гнассом все прошло по плану и мы получили бы все, что хотели, ты была бы счастлива. Счастлива, – повторил он, вытаскивая очередную сигарету из пачки.

Марли могла лишь ошеломленно смотреть на него, испытывая тошнотворное отвращение к самой себе за желание в это поверить.

– Знаешь, – продолжал он, вынимая спичку из красно-желтого коробка, – у меня ведь и раньше были сложности с полицией. В студенческие годы. Политика, разумеется.

Он чиркнул спичкой, бросил на стол коробок и прикурил.

– Политика, – произнесла она и вдруг поняла, что ей отчаянно хочется рассмеяться. – Я и не подозревала, что существует партия для таких, как ты. Даже представить себе не могу, как она может называться.

– Марли, – сказал он, понизив голос; он всегда так делал, желая подчеркнуть силу своих чувств, – ты же знаешь, не можешь не знать, что я сделал это ради тебя. Ради нас, если хочешь. Но ты, конечно же, это знаешь. Ты же знаешь, *чувствуешь*, Марли, что намеренно я никогда бы тебя не обидел, не подверг бы опасности.

На загроможденном столике не нашлось места для ее сумочки, пришлось поставить ту на колени. Теперь Марли вдруг осознала, что впирается ногтями в мягкую толстую кожу.

– Никогда бы не обидел...

Голос был ее собственным, а в нем – потерянность и ошеломление. Голос ребенка. Внезапно она почувствовала себя свободной, свободной от любви и желания, свободной от страха, и все, что она испытывала к красивому лицу по ту сторону стола, исчерпывалось примитивным отвращением. И она могла только смотреть на него в упор, на этого совсем чужого ей человека, рядом с которым она целый год спала в задней комнатке очень маленькой галереи на рю Мосонсей. Официант поставил перед ней стакан «Виши».

Ален, должно быть, воспринял ее молчание за готовность к примирению, абсолютную пустоту ее лица – за открытость.

– Вот чего ты не понимаешь... – (Насколько она помнила, эта фраза была его излюбленным вступлением.) – Все эти Гнассы существуют в каком-то смысле лишь для того, чтобы поддерживать искусство. Поддерживать нас, Марли. – Тут он улыбнулся, как будто смеясь над самим собой, улыбнулся беспечной, заговорщицкой улыбкой, от которой теперь ее пробрал холод. – Однако, думаю, мне все же следовало признать за ним крупицу здравого смысла, предположить, что у него хватит ума нанять собственного эксперта по Корнеллу. Хотя мой эксперт, уверяю тебя, из них двоих был гораздо компетентнее...

Как ей отсюда сбежать? «Встань, – сказала она самой себе. – Повернись. Спокойно пройди к выходу. Выйди через дверь». Наружу, в приглушенное изобилие «Двора Наполеона», где полированный мрамор сковал рю де Шам Флери, улочку четырнадцатого века, которая, говорят, сначала предназначалась для проституток. Что угодно, все что угодно, только бы уйти. Уйти прямо сейчас – и подальше от него. Уйти куда глаза глядят, чтобы затеряться в Париже, городе туристов, исхоженном ею вдоль и поперек еще в первый свой приезд.

– Но теперь, – говорил Ален, – ты же сама видишь, что все вышло к лучшему. Так часто случается, правда ведь? – И снова эта улыбка, на этот раз мальчишеская, слегка завистливая и – к ее ужасу – гораздо более интимная. – Мы потеряли галерею, но ты нашла место, Марли.

У тебя есть работа, интересная работа, а у меня – связи, которые тебе понадобятся. Я знаю людей, с которыми тебе нужно будет встретиться, чтобы найти своего художника.

– Своего художника? – переспросила она, скрывая внезапную растерянность за глотком «Виши».

Открыв потрепанный кейс, он вынул оттуда нечто плоское – самую обычную эхо-голограмму. Марли взяла ее, благодарная, что хоть чем-то может занять руки, – и, всмотревшись, поняла, что это небрежно сделанный снимок шкатулки, которую она видела в вирековском конструкторе Барселоны. Кто-то протягивал шкатулку вперед к камере. Руки мужские, не Алена, на правой – перстень-печатка из какого-то темного металла. Фон расплывался. Только шкатулка и руки.

– Ален, – с трудом выдавила она, – откуда у тебя это?

Подняв глаза, она встретила взгляд карих глаз, полных пугающего ребяческого триумфа.

– Кое-кому очень дорого придется заплатить, чтобы это выяснить. – Он загасил сигарету. – Извини.

Встав из-за стола, Ален удалился в сторону туалетов. Когда он исчез за зеркалами и черными стальными балками, она уронила голограмму и, потянувшись через стол, откинула крышку кейса. Ничего, только синяя эластичная лента и табачные крошки.

– Принести вам что-нибудь еще? Может быть, еще «Виши»? – Подле нее стоял официант.

Она подняла на него глаза, ее вдруг поразила не мысль, а скорее ощущение, что она знает этого человека. Худое смуглое лицо...

– У него радиопередатчик, – вполголоса проговорил официант. – К тому же он вооружен. Я был тем коридорным в Брюсселе. Соглашайтесь на его условия. Помните, что деньги для вас значения не имеют. – Он взял ее стакан и аккуратно поставил его на поднос. – И очень вероятно, что эта игра для него закончится плохо.

Вернулся Ален. Улыбающийся.

– А теперь, дорогая, – сказал он, потянувшись за сигаретами, – мы можем поговорить о деле.

Марли улыбнулась в ответ и кивнула.

11

На площадке

Он наконец позволил себе поспать часа три. Рухнул на матрас в бункере без окон, где передовая группа обустроила командный пункт. Прежде чем лечь, Тернер познакомился с остальными членами команды. Рамирес оказался худым, нервным, постоянно заиклившимся на собственной сноровке компьютерного жокея. Немудрено: вся команда зависела от его способности – в тандеме с Джейлин Слайд на океанской платформе – следить за киберпространством вокруг того сектора решетки, где располагались основательно обледенелые базы данных «Маас-Биолабс». Если в последний момент «Маас» все же засечет присутствие незваных гостей, Рамиресу, возможно, удастся передать хоть какое-то предупреждение. В его задачу входило также перегонять данные медицинского обследования из нейрохирургического бокса на нефтяную платформу – сложная многоступенчатая процедура, позволяющая удерживать «Маас» в неведении. Линия шла сперва к телефонной будке посреди пустыни. Проскочив через эту будку как в дверь, Рамирес и Джейлин будут действовать в матрице на свой страх и риск. Если они спялятся, «Маас» сможет вычислить их площадку. Был еще Натан, ремонтник, чья подлинная работа заключалась в надзоре за оборудованием в бункере. Если рухнет какая-то часть системы, будет небольшой шанс, что он сумеет все это исправить. Натан принадлежал к той же разновидности рода человеческого, что и Оуки и тысячи ему подобных, с которыми Тернер работал многие годы, – бродячие техи, любившие доплату за риск и доказавшие, что умеют держать рот на замке. Остальные: Комптон, Тедди, Коста и Дэвис – это просто дорогостоящие шестерки, солдаты удачи, в общем, тот тип людей, кого нанимают помахать кулаками. Именно ради них Тернер с особым тщанием прилюдно расспросил Сатклиффа о том, как подготовлено отступление. Сатклиффу пришлось подробно объяснить, где садут вертолеты, каков порядок загрузки и как и когда в точности будет произведена выплата денег.

Потом Тернер попросил всех оставить его в бункере одного и приказал Уэббер разбудить его через три часа.

Сам бункер предполагался то ли как насосная станция, то ли что-то вроде коммутатора электронных сетей. Выступавшие из стен обрубки пластмассовых труб в равной степени могли служить как для телефонных линий, так и для линий канализации. Тернер внимательно осмотрел помещение и не нашел никаких признаков того, что какая-нибудь из этих труб была раньше куда-то подсоединена. Потолок, единый пласт литого бетона, нависал слишком низко, чтобы Тернер мог выпрямиться во весь рост. В бункере стоял сухой, пыльный, но в общем и целом не такой уж неприятный запах. Команда вычистила помещение, прежде чем занести столы и оборудование, но на полу завалилось несколько желтых хлопьев газетной бумаги, которые рассыпались при прикосновении. Кое-где Тернер различал буквы, иногда целое слово.

Вдоль двух стенок буквой «Г» выстроились походные металлические столы, заставленные множеством сверхсложных коммуникационных приборов. Лучшее, что смогла раздобыть «Хосака», подумал он.

Хоть и приходилось пригибаться, он внимательно осмотрел все столы, легонько касаясь каждой консоли, каждого черного ящика. Основательно модифицированная армейская бортовая рация, настроенная на пакетную передачу. Она обеспечит им связь в том случае, если Рамирес и Джейлин напортачат с передачей по телефонному кабелю. Пакеты были записаны заранее – тщательно продуманная техническая белиберда, закодированная лучшими шифровальщиками «Хосаки». Содержание каждого отдельного пакета не имело никакого смысла, но последовательность, в которой они будут передаваться, должна донести довольно примитивное сообщение. Последовательность «Би-Си-Эй» проинформирует «Хосаку» о прибытии Митчелла; «Эф-Ди» – о его отбытии с площадки, «Эф-Джи» даст сигнал о смерти перебежчика

и, соответственно, свертывании операции. Нахмурившись, Тернер побарабанил пальцами по рации. Ему совсем не нравилось, как Сатклифф все это организовал. Если извлечение провалится, маловероятно, что они выберутся отсюда, – не говоря уже о том, чтобы убраться, не оставляя следов. К тому же Уэббер преспокойно сообщила, что ей дан приказ в случае провала операции расстрелять хирургический бокс из ручного противотанкового ракетомета.

– Врачи это знают, – сказала Уэббер. – Готова поспорить, им за это и платят.

Остальные члены команды всецело зависели от вертолетов, базирующихся в окрестностях Тусона. Тернер прикинул, что «Маас», если что-то пронюхает, без труда сможет перехватить их на подлете. Когда он изложил свои возражения Сатклиффу, австралиец только пожал плечами:

– Ну это, конечно, не то, как я сыграл бы при лучшем раскладе, коллега, но всех нас тут время несколько поджимало, да?

Рядом с передатчиком разместился сложный биомонитор «Сони», напрямую соединенный с нейрохирургическим боксом. В его память заранее загрузили медицинскую карту Митчелла, переписанную с биософта. Когда придет их черед, хирурги получат доступ к медкарте перебежчика; процедуры же, производимые в боксе, будут одновременно передаваться назад на «Сони» для архивации. Затем Рамирес, нарастив на архивные блоки ледяную корку, сможет закидывать данные в киберпространство, где для страховки параллельно подключится Джейлин Слайд со своей деки на нефтяной платформе. Если все пройдет гладко, то к тому моменту, когда Тернер на истребителе доставит Митчелла в Мехико, в исследовательском центре «Хосаки» ученого уже будет ждать обновленная медкарта. Тернер никогда не видел ничего подобного этому «Сони», но мог предположить, что у голландца в его сингапурской клинике наверняка было что-то похожее. С этой мыслью он поднял руку к голой груди и провел пальцами по давно исчезнувшему шраму от пересадки ткани.

На втором столе размещалась киберпространственная аппаратура. Дека была идентична той, какую он видел на нефтяной платформе: прототип «Маас-Неотек». Конфигурация деки выглядела стандартной, но Конрой говорил, что она собрана из новых биочипов. На крышку консоли был прилеплен ком бледно-розового пластика величиной с кулак. Кто-то – может быть, и Рамирес – выдавил в нем два глаза и грубо прочертил кривую идиотскую ухмылку. Два провода, голубой и желтый, тянулись из розового лба рожицы к одной из черных труб, выступающих из стены за консолью. Еще одна – спасибо Уэббер – мера предосторожности на случай «маасовской» атаки. Тернер, хмурясь, поглядел на провода: если в таком маленьком, да еще закрытом помещении рванет заряд такой мощности, в бункере с гарантией не выживет никто.

Болели плечи, макушка то и дело чиркала по шершавому бетону потолка, но Тернер продолжал свою инспекцию. Остальную часть стола занимали периферийные устройства – несколько черных коробок, расставленных с маниакальной тщательностью. Тернер подозревал, что каждый модуль находится на строго определенном расстоянии от соседа и что они предельно точно выровнены относительно друг друга. Рамирес, должно быть, расставил их собственноручно, и Тернер не сомневался, что, коснись он какой-нибудь коробочки, сдвинь ее хоть на десятую долю миллиметра, жокей тотчас же узнает об этом. С подобным невротичным подходом Тернер, и ранее имевший дело с компьютерщиками, уже сталкивался, так что о Рамиресе это не говорило ровным счетом ничего. Впрочем, Тернер встречал и других жокеев, которые, бывало, выворачивали этот невроз наизнанку, превращая свои пульта в беспорядочную мешанину кабелей и проводов, напоминающую крысиное гнездо; эти суеверно чурались любого проявления опрятности, оклеивая свои консоли картинками игральные костей и скалящимися черепами. Ничего нельзя предугадать заранее, думал Тернер; или Рамирес и вправду хорош, или все они, что вполне вероятно, скоро станут трупами.

На дальнем конце стола лежали пять клипсовых раций «Телефункен» с самоклеющимися горловыми микрофонами – каждая запаяна в индивидуальную пузырчатую упаковку. Во время

критической фазы побега, которую Тернер оценивал в двадцать минут до и после прибытия Митчелла, он сам, Рамирес, Сатклифф, Уэббер и Линч будут поддерживать связь через эфир, хотя использование передатчиков следовало свести к минимуму.

За «Телефункенами» – немаркированная пластиковая коробка с двадцатью шведскими катализаторными грелками для рук; плоские обтекаемые бруски из нержавеющей стали вложены каждый в свой чехол из рождественской красной фланели, стянутый шнурком.

– Ну, умен, собака, – задумчиво сказал Тернер коробке. – До этого я мог бы додуматься и сам...

Он уснул на рифленой поролоновой подстилке из снаряжения автостопщиков, развернутой на полу командного поста, накинув на себя, как одеяло, парку. Конрой был прав насчет ночного холода в пустыне, но бетон, казалось, еще сохранял дневной жар. Комбинезон и туфли Тернер снимать не стал; Уэббер посоветовала, чтобы, одеваясь, он всякий раз тщательно встряхивал одежду и обувь.

– Скорпионы, – пояснила она. – Они любят пот, любую влагу.

Прежде чем лечь, он вынул из нейлоновой кобуры «смит-и-вессон», аккуратно положил его возле поролона. Оставив включенными два фонаря на батарейках, Тернер смежил веки.

И соскользнул в мелководье сна. Замелькали беспорядочные образы; фрагменты митчелловского досье сливались с кадрами его собственной жизни. Вот они с Митчеллом таранят автобусом стеклянную стену и, не снижая скорости, влетают в вестибюль гостиницы в Марракеше. Ученый радостно улюлюкает, нажимая на кнопку, которая взрывает две дюжины канистр с нитроцеллюлозой, прикрученных по бокам машины, и Оуки тоже тут – предлагает Тернеру виски из бутылки и желтый перуанский кокаин с круглого зеркала в пластиковом ободке, которое он в последний раз видел в сумочке Эллисон. Тернеру кажется, что он видит за окнами автобуса Эллисон, задыхающуюся в клубах газа; он пытается сказать об этом Оуки, указать на нее, но стекла сплошь залеплены голограммами мексиканских святых, почтовыми открытками с изображением Девы Марии, и Оуки протягивает что-то круглое и гладкое, шар из розового хрусталя... И Тернер видит свернувшегося внутри паука, паука из ртути, но Митчелл смеется – с его зубов капает кровь – и протягивает раскрытую ладонь, предлагая Тернеру серый био-софт. Тернер видит, что досье – это на самом деле мозг. Серовато-розовый и живой под влажной прозрачной мембраной, мозг мягко пульсирует в руке Митчелла... И тут Тернер, обрушившись с какого-то подводного уступа сна, плавно погружается в беззвездную ночь.

Его разбудила Уэббер. Ее жесткие черты лица были обрамлены квадратом дверного проема, на плечах складками собралось прибитое к притолоке армейское одеяло.

– Вот твои три часа. Медики проснулись, если хочешь – можешь с ними поговорить, – с этими словами она удалилась. Под тяжелыми ботинками заскрипел гравий.

Врачи «Хосаки» ждали возле автономного нейрохирургического бокса. В свете пустынного заката в своих модно измятых выходных костюмах – последний писк сезона с Гиндзы¹⁴ – они выглядели так, будто только что сошли с платформы какого-нибудь передатчика материи. Один из мужчин кутался в огромный, не по росту, мексиканский жилет ручной вязки, что-то вроде перепоясанного кардигана, такие Тернер видел на туристах в Мехико. Остальные двое спрятались от холода пустыни под дорогими герметичными лыжными куртками. Мужчины были на голову ниже кореянки – эта стройная женщина с резкими архаичными чертами лица и ярко-красным ирокезом на голове напомнила Тернеру хищную птицу. Конрой сказал, что двое – люди компании, и Тернер отчетливо это ощутил. А вот в женщине чувствовалась аура,

¹⁴ Гиндза – торговая улица в центре Токио, средоточие модных магазинов.

присущая его собственному миру. Подпольный врач, человек вне закона. Вот кто нашел бы общий язык с голландцем, подумал он.

– Я Тернер, – представился он. – Я отвечаю за операцию.

– Наши имена вам без надобности, – отрезала женщина, а двое врачей из «Хосаки» машинально поклонились; обменявшись взглядами, они посмотрели на Тернера, потом снова на корейнку.

– Верно, – отозвался Тернер, – необходимости нет.

– Почему нам до сих пор отказывают в доступе к медицинским данным нашего пациента? – спросила корейнка.

– Требования безопасности, – сказал Тернер.

Ответ вышел почти автоматическим. На самом деле он не видел причин препятствовать им в изучении досье Митчелла.

Женщина пожала плечами и отвернулась. Ее лицо скрылось за поднятым воротником гермокуртки.

– Желаете осмотреть бокс? – спросил японец в огромном кардигане. Лицо его выражало настороженную вежливость – маска безупречного служащего корпорации.

– Нет, – ответил Тернер. – Мы перевезем вас на стоянку за двадцать минут до прибытия пациента. Снимем колеса, опустим бокс, для равновесия подставим домкраты. Сливной шланг будет отсоединен. Модуль должен быть в полной готовности через пять минут после того, как мы опустим его на землю.

– Проблем не будет, – улыбнулся японец.

– Теперь расскажите мне, что вы намерены предпринять. Что вы собираетесь сделать с пациентом и как это может на нем отразиться.

– Так вы *не знаете*? – резко спросила женщина, поворачиваясь, чтобы взглянуть ему в лицо.

– Я попросил *вас* рассказать *мне*, – отрезал Тернер.

– Мы немедленно проведем сканирование на предмет смертельных имплантатов, – сказал мужчина в кардигане.

– Это что, какие-нибудь бомбы в коре головного мозга?

– Сомневаюсь, что мы столкнемся с чем-то настолько грубым, – вступил второй. – Однако мы действительно просканируем его на предмет всего спектра устройств, вызывающих летальный исход. Одновременно будет сделан полный анализ крови. Насколько мы понимаем, его нынешние работодатели специализируются на исключительно сложных биохимических системах. Поэтому вполне вероятно, что наибольшую опасность следует ожидать именно с этой стороны.

– В настоящее время довольно модно начинать служащих высших эшелонов подкожными устройствами, которые впрыскивают в кровь препараты, сходные с инсулином, – вмешался его напарник. – Так у субъекта можно вызвать искусственную зависимость от, скажем, синтетического аналога определенного фермента. В том случае, если подкожные капсулы не перезаряжаются через регулярные промежутки времени, удаление от источника – в данном случае от работодателя – может привести к травме.

– Мы готовы справиться и с этим, – вставил второй.

– Ни один из нас даже отдаленно не готов иметь дело с тем, с чем, как я подозреваю, нам придется столкнуться, – сказала подпольный врач.

Голос ее был холоден, подобно ветру, который дул теперь с востока. Тернер слышал, как над головой по ржавым листам металла шипит песок.

– Пойдем со мной, – бросил ей Тернер.

Затем развернулся и, не оглядываясь, зашагал прочь. Вполне возможно, она ослушается его приказа, в таком случае он потеряет лицо перед остальными хирургами, но это казалось

правильным ходом. Отойдя метров на десять от трейлера, он остановился. Услышал ее шаги по гравию.

- Что тебе известно? – не оборачиваясь, спросил он.
- Возможно, не больше, чем тебе, – сказала она, – а может, и больше.
- Очевидно, больше, чем твоим коллегам.
- Они исключительно талантливые люди. Но они также и... слуги.
- А ты нет.

– Как и ты, наемник. На эту операцию меня вызвали из лучшей подпольной клиники Тибы. Чтобы подготовиться к встрече с этим прославленным пациентом, мне передали значительный объем материала. Нелегальные клиники Тибы – передний край медицинской науки. Даже «Хосака» не могла этого знать: мое положение в подпольной медицине позволит мне догадаться, что именно может носить в голове перебежчик. Улица пытается найти применение многим вещам, мистер Тернер. Уже несколько раз меня приглашали, чтобы извлечь эти новые имплантаты. Кое-какие из усовершенствованных микробиосхем «Мааса» уже просочились на рынок. Подобные попытки вживления – шаг вполне логичный. Я подозреваю, что «Маас» преднамеренно допускает утечку своих биосхем.

– Тогда объясни мне.

– Не думаю, что я в состоянии это сделать. – В ее голосе послышался странный оттенок смирения. – Я сказала тебе, что видела это. Я не сказала, что я понимаю. – Внезапно кончики ее пальцев пробежались по коже возле разъема в его черепе. – По сравнению с вживленными биочипами твой имплантат – все равно что деревянная нога рядом с микроэлектронным протезом.

– Но в данном случае это представляет угрозу для жизни?

– Где уж там, – сказала корейка, убирая руку, – только не для его собственной...

А потом он услышал, как она устало побрела назад, к хирургическому трейлеру.

Конрой прислал гонца с микрософтом, призванным помочь Тернеру в пилотировании истребителя, на котором он собирался вывезти Митчелла в исследовательский центр «Хосаки» в Мехико. Гонцом оказался почерневший на солнце человек с безумным взглядом, которого Линч называл Гарри. Это привидение с мускулами как веревки прикатило со стороны Тусона на отполированном песком велосипеде с лысыми полуспущенными шинами и рулем, обмотанным полосками сыромятной кожи, желтой как кость. Пока Линч вел его через автостоянку, Гарри напевал что-то себе под нос – странный звук в напряженной тишине. Его песня, если это можно было назвать песней, звучала, как будто кто-то крутит наугад ручку сломанного радиоприемника, водя стрелкой вверх-вниз по полуночным милям шкалы и вылавливая то госпел, то обрывки международных поп-хитов за последние двадцать лет. Гарри волок велосипед на себе, просунув под раму выжженное, по-птичьи худое плечо.

– Гарри кое-что привез для тебя из Тусона, – сказал Линч.

– Вы знаете друг друга? – спросил Тернер, в упор глядя на Линча. – Может, есть общий знакомец?

– Как это понимать? – вскинулся Линч.

Тернер выдержал взгляд:

– Ты знаешь, как его зовут.

– Он сам мне назвал свое странное имя, Тернер.

– Зовите меня Гарри, – сказал обгоревший человек и забросил велосипед в кусты.

Он безучастно улыбнулся, показав неровные выщербленные зубы. Пленка пота и пыли покрывала его голую грудь, на которой болталось странное ожерелье: на тонкую металлическую цепочку были нанизаны кусочки животного рога и меха, латунные гильзы и медные монеты,

стертые от употребления так, что почти невозможно было различить, где орел, где решка. Среди всего этого барахла висел маленький кисет из мягкой коричневой кожи.

Некоторое время Тернер разглядывал ассортимент вывешенных на узкой груди предметов, а затем протянул руку и щелкнул по кривому хрящу на плетеном шнурке.

– А это что, черт побери, такое, Гарри?

– Енотов хер, – ответил тот. – У енота в шишке есть кость, причем на суставе. Это мало кто знает.

– Ты когда-нибудь встречал моего друга Линча раньше, а, Гарри?

Гарри сморгнул.

– У него были пароли, – подал голос Линч. – Существует иерархия срочности. Он знал самый старший. Он сам назвал мне свое имя. Я тебе еще нужен или я могу вернуться к работе?

– Иди, – отозвался Тернер.

Как только Линч оказался вне пределов слышимости, Гарри стал распутывать завязки кожаного кисета.

– Не стоило так обращаться с мальчиком, – заметил он. – Он и вправду очень хорош. Честное слово, я не заметил его, пока он не приставил игольник к моей шее. – Открыв мешочек, он осторожно запустил в него руку.

– Скажи Конрою, что я раскусил его шестерку.

– Прости, – сказал Гарри, извлекая сложенный пополам желтый блокнотный листок, – кого ты раскусил? – Он протянул листок Тернеру. Внутри было что-то еще.

– Линча. Он – шестерка Конроя здесь. Так ему и передай.

Тернер развернул листок и вынул толстый армейский микрософт. На бумаге синими крупными буквами было накорябано: «НИ ПУХА НИ ПЕРА, ЗАДНИЦА. УВИДИМСЯ В КОНСУЛЬСТВЕ».

– Ты действительно хочешь, чтобы я ему это передал?

– Да.

– Ты – босс.

– Вот именно, мать твою, – сказал Тернер и, скомкав бумагу, засунул ее Гарри под мышку.

Гарри улыбнулся – мило и безучастно. Ненадолго всплывший в нем разум вновь ушел на дно, как некое водяное животное, нырнувшее в гладкое, скучное, протухшее на солнце море. Тернер заглянул в глаза, похожие на потрескавшийся желтый опал, и не увидел там ничего, кроме солнца и заброшенной трассы. Рука с отсутствующими последними фалангами на двух пальцах поднялась и рассеянно почесала недельную щетину.

– Вали отсюда, – сказал Тернер.

Гарри повернулся, вытащил из зарослей свой велосипед, хрюкнув, забросил его на плечо и побрел назад через полуразрушенную автостоянку. Огромные драные шорты цвета хаки полоскались у его коленей, коллекция цепочек тихонько позвякивала на каждом шаге.

С холма метрах в двадцати левее донесся свист. Обернувшись, Тернер увидел, что Сатклифф машет ему рулоном оранжевой геодезической ленты. Пора было начинать выкладывать посадочную полосу для Митчелла. Работать придется быстро, пока солнце еще не слишком поднялось. И все равно будет очень жарко.

– Значит, – сказала Уэббер, – он прибывает по воздуху.

Повесив коричневый плевок на желтый кактус, она запихнула за щеку новую порцию копенгагенского табака.

– Вот именно, – ответил Тернер.

Он сидел рядом с ней на выступе сланцевой породы. Оба наблюдали за тем, как Линч и Натан расчищают посадочную полосу, которую Тернер с Сатклиффом огородили оранжевой лентой. Лента маркировала прямоугольник размером четыре на двадцать метров. Линч подво-

лок к ленте отрезок проржавевшего рельса, с натугой перевалил через нее. Когда рельс загремел о бетон, что-то метнулось прочь через кусты.

– А они ведь могут увидеть эту ленту, если захотят, – сказала Уэббер, вытирая рот тыльной стороной ладони. – Даже заголовки в утреннем факсе могут прочесть, если им того захочется.

– Знаю, – отозвался Тернер. – Но если они еще не знают, что мы здесь, сомневаюсь, что они вообще об этом узнают. А с трассы нас не видно. – Он поправил черную нейлоновую каскетку, которую дал ему Рамирес, опустив длинный козырек так, что тот уперся в солнечные очки. – Во всяком случае, мы пока просто таскаем тяжести, рискуя при этом переломать себе ноги. Едва ли в этом есть что-то странное, особенно если смотреть с орбиты.

– Пожалуй, – согласилась Уэббер.

Ее испещренное шрамами лицо под черными очками оставалось совершенно бесстрастным. Со своего места Тернер чуял запах ее пота, резкий и звериный.

– Что ты, черт побери, делаешь между контрактами, Уэббер? Когда ты не в деле? – спросил он, посмотрев на нее.

– Да побольше тебя, черт побери, – сказала она. – Часть года выращиваю собак. – Она вытащила из сапога нож и начала терпеливо править его о подметку, плавно поворачивая с каждым проходом, как мексиканский брадобрей, натачивающий свою бритву. – Ужу рыбу. Форель.

– У тебя там есть родня? В смысле, в Нью-Мексико?

– Да побольше, наверно, чем у тебя, – ровным голосом проговорила она. – Думаю, такие, как ты или Сатклифф, вы вообще ниоткуда. Живете только в деле, ведь так, Тернер? Только здесь, только сегодняшним днем, тем днем, когда прибудет ваш мальчик. Я права? – Она попробовала заточку на ногте большого пальца, потом убрала нож обратно в ножны.

– Но у тебя есть семья? Мужчина, к которому ты вернешься?

– Женщина, если хочешь знать, – сказала она. – Ты хоть что-то понимаешь в собаководстве?

– Нет, – ответил он.

– Так я и думала. – Она искоса взглянула на него. – У нас есть и ребенок. Наш собственный. Она его выносила.

– Срастили ДНК?

Она кивнула.

– Дорогое удовольствие.

– Вот именно. Если бы не надо было выплачивать кредит, меня бы здесь не было. Но она прекрасна.

– Твоя женщина?

– Наша малышка.

12

Кафе «Блан»

Идя прочь от Лувра, Марли словно кожей чувствовала, как беззвучно смещаются блоки некоего сложного шарнирного механизма, подстраиваясь к каждому ее шагу. Официант – всего лишь часть огромного целого: робкое касание, пальпация. Целое должно быть больше, гораздо больше. Как она только вообразила, что можно жить, передвигаться в противоестественном силовом поле Вирекова богатства, не подвергаясь искажению? Выбрав очередной объект – жалкую тряпицу с ярлычком «Марли Крушкова», – Вирек провернул его через чудовищные невидимые жернова своих денег. И объект изменился. Конечно, думала Марли, конечно: они постоянно вертятся вокруг меня – бдительные и незримые колесики необъятного и тонкого механизма, с помощью которого и наблюдает герр Вирек.

Некоторое время спустя она обнаружила, что стоит на тротуаре под террасой с вывеской «Блан». Кафе показалось ничем не хуже любого другого. Месяц назад она обошла бы его стороной – слишком много вечеров они провели здесь вместе с Аленом. Теперь же, осознавая, что это и есть свобода, Марли решила, что начнет заново открывать свой собственный Париж с выбора столика в кафе «Блан». Она села возле боковой ширмы. Заказала официанту коньяк и, зябко ежась, стала смотреть на текущий мимо поток транспорта, на бесконечную реку из стекла и стали. А вокруг нее за соседними столиками незнакомые парижане ели и улыбались, пили и ссорились, с горечью прощались или клялись в вассальной верности полуденному чувству.

Но – тут Марли улыбнулась – ведь и она принадлежит к этой жизни. Что-то просыпалось в ней после долгого оцепенелого сна, что-то возвращенное ей в тот миг, когда полностью открылись глаза на жестокость Алена и на то, что она по-прежнему желает любить его. Теперь же, сидя в ожидании коньяка, Марли чувствовала, как это желание растворяется само собой. Жалкая ложь Алена странным образом разорвала путы ее депрессии. Марли не видела в этом логики: в глубине души – и задолго до истории с Гнассом – она знала, чем именно в этом мире занимается Ален. Впрочем, какая разница – для любящего-то человека? Наслаждаясь давно забытым чувством свободы, она решила, что плевать ей на логику. Достаточно того, что она жива, сидит за столиком в «Блан» и придумывает вокруг себя сложнейший механизм, который – как она теперь знает – запустил герр Вирек.

Парадокс, думала она, глядя, как на террасу поднимается молодой официант из «Двора Наполеона». Он был все в тех же темных брюках, однако передник сменил на синюю ветровку. Темные волосы мягким крылом падали на чистый лоб. Улыбаясь, он направился к ней, твердо уверенный, что никуда она не убежит. И тут какой-то внутренний голос шепнул вдруг Марли, что надо бежать, бежать куда глаза глядят, но она знала, что даже не стронется с места. Парадокс, повторила она сама себе, наслаждаться открытием, что ты не вместилище вселенских горестей и сожалений, а всего лишь еще одно не застрахованное от ошибок животное в каменном лабиринте огромного города, – и в то же время понимать, что отныне ты – ось вращения огромного устройства, работающего на топливе чьего-то тайного желания.

– Меня зовут Пако, – сказал молодой человек, отодвигая стоящий напротив нее крашеный белым железный стул.

– Это вы были ребенком, мальчиком в парке?...

– Да, очень давно. – Он сел. – Сеньор сохранил образ моего детства.

– Я как раз сидела и думала о вашем сеньоре. – Она смотрела не на него, а на проезжавшие мимо машины; взгляд отдыхал на потоке уличного движения, на многоцветье полимеров и раскрашенной стали. – Человек, подобный Виреку, не способен абстрагироваться от собственного состояния. А его деньги давно уже живут собственной жизнью. Может быть, даже обрели собственную волю. Он почти так и сказал при нашей встрече.

– А вы философ.

– Я инструмент, Пако. Я самая новая деталь в очень старой машине в руках очень старого человека, который желает пробраться куда-то или добиться чего-то, но до сих пор терпел неудачу. Ваш хозяин перебрал тысячи инструментов и почему-то предпочел меня...

– Да вы еще и поэт!

Она рассмеялась, отведя взгляд от машин. Пако улыбался, вокруг рта запали глубокие вертикальные складки.

– По дороге сюда я представляла себе некую конструкцию, механизм – настолько огромный, что я не способна его увидеть. Механизм, который окружает меня, предугадывая каждое мое движение.

– Так вы еще и эгоцентрист?

– Неужели?

– Пожалуй, нет. Естественно, вы под наблюдением. Наблюдают наши люди, и это к лучшему. Далее, ваш друг в баре – мы следим также и за ним. К несчастью, нам пока не удалось установить, где он приобрел ту голограмму, которую показывал вам. Вполне вероятно, она уже была у него, когда он начал названивать вашей подруге. Кто-то вышел на него, понимаете? Вам его специально подставили. Вы не находите это интригующим? Разве это не задевает притаившегося в вас философа?

– Да, наверное. В баре я воспользовалась вашим советом и согласилась на его цену.

– Тогда он ее удвоит, – улыбнулся Пако.

– Что, как вы заметили, не имеет для меня значения. Он согласился связаться со мной завтра. Полагаю, вы сможете устроить выплату денег. Он требует наличные.

– Наличные, – он закатил глаза, – как рискованно! Да, могу. Подробности мне известны. Мы следили за ходом вашей беседы. Особого труда это не составило, поскольку он был настолько любезен, что сам вещал через капельный микрофон. Нас весьма интересует, кому именно предназначалась передача, но боюсь, он и сам этого не знает.

– Это так не похоже на него, – нахмурилась Марли. – Извиниться, оборвать разговор, не выставив прежде своих требований. Он воображает, что у него исключительное чутье на драматичность момента.

– У него не было выбора, – спокойно отозвался Пако. – Мы спровоцировали помехи, которые он принял за сбой батареи в передатчике. Что потребовало прогулки к туалетам. Он говорил очень мерзкие вещи о вас, сидя один в кабинке.

Марли жестом указала на свой стакан проходившему мимо официанту.

– Мне все еще довольно сложно определить, какую роль во всем этом играю я. В чем моя ценность. Для Вирека, я имею в виду.

– Не спрашивайте меня. Это вы тут философ. Я же просто по мере сил исполняю приказание сеньора.

– Выпьете бренди, Пако? Или, быть может, чашку кофе?

– Французы, – с глубокой убежденностью заявил он, – ничего не понимают в кофе.

13

Обеими руками

– Можно еще раз повторить? – спросил Бобби с полным ртом, набитым рисом с яйцом. – По-моему, ты только что сказал, что это не религия.

Сняв пустую оправу, Бовуар сощурился вдоль одной из дужек.

– Этого я не говорил. Я сказал, что тебя не должно заботить, религия это или нет, – вот и все. Это просто структура. Давай лучше обсудим происходящее, иначе мы можем не найти для этого слов, концепций...

– Но ты говоришь, что эти, как ты их там назвал, лоя...

– Лоа, – поправил Бовуар, бросая очки на стол. Он вздохнул, выудил из пачки Дважды-в-День китайскую сигарету и прикурил от оловянного черепа. – Что во множественном числе, что в единственном. – Он глубоко затянулся, потом, раздув ноздри, выпустил двойную струю дыма. – Когда ты говоришь «религия», что именно приходит тебе в голову?

– Ну, сестра моей матери, она сайентистка, причем твердокаменная, понимаешь? Есть еще одна тетка, в другом конце коридора, та – католичка. А моя старуха... – Он помедлил, еда внезапно стала безвкусной. – Она иногда вешала в моей комнате всякие голограммы. Иисус, или Хаббард, или еще какое дерьмо. Вот, пожалуй, что я имею в виду.

– С вуду все немного иначе, – сказал Бовуар. – Вуду не интересуют категории спасения или трансцендентальности. Скорее, речь идет о том, как улаживать дела. Поспеваешь за мной? В нашей системе *много* богов и духов. Все они – часть одной большой семьи, со всеми добродетелями, со всеми пороками. Есть традиционный ритуал явления всей общине, понимаешь? Вуду говорит: «Бог, конечно, есть – Гран Ме, – но Он велик, слишком велик и слишком далек, чтобы беспокоиться о том, что кто-то разгуливает с голой задницей, а кто-то не может кончить». Да брось ты, сам ведь знаешь, как это работает. Это – религия улицы, вышедшая с помоек миллионы лет назад. Вуду – как улица. Ты же не идешь походом на якудза, если какой-нибудь торчок покоцал твою сестру, правда? Никоим образом. Однако ты идешь к тому, кто может это уладить. Так?

Не переставая жевать, Бобби задумчиво кивнул. Еще один дерм и пара стаканов красного немало помогли, плюс крутой пиджак увел Дважды-в-День погулять среди деревьев и флюоресцентных чучел, оставив Бобби с Бовуаром. Потом объявилась веселая Джекки с большой миской этого самого риса с яйцом – кормежка оказалась не так уж плоха – и, ставя миску перед ним на стол, прижалась грудью к его плечу.

– Так вот, – продолжал Бовуар, – мы занимаемся улаживанием всяких дел. Если хочешь, работаем с системами. Тебя они тоже занимают, или, по крайней мере, ты хочешь ими заниматься, иначе не стремился бы в ковбой и у тебя не было бы такого прозвища, да? – Он загасил бычок в захватанном пальцами стеклянном стакане с остатками красного вина. – Судя по всему, Дважды-в-День намеревался повеселиться всерьез – и как раз в тот момент, когда дерьмо попало в вентилятор.

– И что это было за дерьмо? – полюбопытствовал Бобби, тылом кисти вытирая рот.

– Ты, – нахмурился Бовуар. – Впрочем, все это – не твоя вина. Как бы ни пытался Дважды-в-День перевести стрелки на тебя.

– А он пытается? То-то он показался мне таким дерганым. И злобствует не по делу.

– Вот именно. Я бы скорее сказал, он в штаны наложил от страха.

– С чего бы это?

– Ну, видишь ли, с Дважды-в-День все не совсем так, как кажется. Я хочу сказать, он и в самом деле занимается этой фигней, о которой ты знаешь, впаривает свежетынутый софт барритаунским простофилям... прошу прощения... – Он хмыкнул. – Но основной его прицел,

то есть, я хочу сказать, настоящие амбиции этого парня лежат в другой области... – Бовуар взял с подноса чахлое канапе и, осмотрев его с явным подозрением, швырнул через стол в гущу деревьев. – Его основное дело, видишь ли, – обслуживать парочку больших хунганов из Муравейника.

Бобби тупо кивнул.

– Людей, которые служат обеими руками.

– Тут я что-то совсем запутался.

– Мы с тобой говорим сейчас о профессиональных жрецах, можешь так это называть. Другими словами, просто представь себе пару больших людей – они же, кстати, помимо прочего, еще и компьютерные ковбои, – которые делают свой бизнес на том, что устраивают чужие дела. «Служить обеими руками» – есть у нас такое выражение, это значит, что они работают в обе стороны. И в белую и в черную, понимаешь?

Бобби проглотил рис, затем мотнул головой.

– Колдуны, – сказал Бовуар. – Впрочем, не важно. Люди они сердитые, а деньги у них большие, вот и все, что тебе требуется знать. Дважды-в-День работает для этих парней мальчиком на побегушках, шестеркой. Иногда он находит что-то, что может их заинтересовать, тогда он скидывает это им, а в качестве платы рассчитывает на одолжение в будущем. Случается, таких одолжений набегает, скажем, лишний десяток, и тогда уже *они* что-то скидывают *ему*. Только их «что-то» уже совсем иного калибра, поспеваешь за мной? Скажем, они получили нечто, что, на их взгляд, обладает определенным потенциалом, но их самих пугает. Видишь ли, люди наверху склонны к некоторому консерватизму. Не понимаешь? Ну ладно, потом поймешь.

Бобби снова кивнул.

– Тот софт, который кто-нибудь вроде тебя берет напрокат у Дважды-в-День, – это ничто. Я хочу сказать, он, конечно, работает, но никто из серьезных людей не стал бы с ним возиться. Ты ведь смотришь ковбойские киношки, да? Так вот, то, что выдумывают для этих фильмов, – это детские игры по сравнению с той дрянью, с которой может столкнуться по-настоящему серьезный оператор. Особенно когда речь идет о ледорубах. Тяжелые ледорубы, бывает, выкидывают разные фортели, даже у больших мальчиков. И знаешь почему? Потому что лед, весь по-настоящему прочный лед – стены вокруг любого крупного склада данных в матрице, – это всегда продукция ИскИна, искусственного интеллекта. Ни у кого больше нет такой сноровки, чтобы нарастить хороший лед, а потом постоянно его изменять и апгрейдить. Это значит, что всякий раз, когда на черном рынке всплывает по-настоящему мощный ледоруб, игру заранее определяют несколько факторов риска. Для начала: откуда взялся этот продукт? В девяти случаях из десяти он пришел от ИскИнов, а их же постоянно пасут, в основном Тьюринг-полиция, – просто для гарантии, что они не станут слишком умничать. Значит, тебе на голову могут в любой момент свалиться «тьюринги»: а вдруг где-нибудь какой-нибудь ИскИн захотел потихому срубить бабла в свой личный карман. У некоторых ИскИнов еще ведь и гражданство есть, так? Есть и еще кое-что, чего надо остерегаться: а вдруг это военный ледоруб, за ними тоже лихие ребята следят. Или, может, его попятчили у какого-нибудь дзайбацу, из отдела промышленного шпионажа, а встречаться с этими ребятами – тоже никакой радости. Сечешь, в чем загвоздка, Бобби?

Бобби кивнул. Он чувствовал себя так, будто всю свою предыдущую жизнь ждал этого момента: сидеть и слушать, как Бовуар объясняет ему механику мира, о существовании которой он мог ранее только догадываться.

– И все же ледоруб, который действительно пробивает лед, стоит дорого, я имею в виду – очень дорого. Итак, скажем, ты на рынке – мистер Крутой, и кто-то предлагает тебе такую штуковину, и ты не хочешь говорить им, мол, идите гуляйте. Следовательно, ты ее покупаешь. Покупаешь втихую, но не запускаешь сам, нет. Что ты с ней делаешь? Ты привозишь ее домой,

даешь в работу своим техам, так чтобы она выглядела как что-нибудь средненькое. Скажем, вгоняешь вот в такой вот формат, – он постучал пальцем по стопке софтов на столе, – и, как обычно, скидываешь своей шестерке, перед которой у тебя должок...

– Погоди-ка, – вмешался Бобби, – что-то мне это не нравится...

– Это хорошо. Значит, ты умнеешь на глазах или, во всяком случае, становишься чуть умнее. Потому что так они и сделали. Привезли программу сюда твоему приятелю-толкачу, мистеру Дважды-в-День, и поделились своей печалью. «Туз, – сказали они, – нам нужно проверить эту хрень, испытать в деле, но мы никоим образом не намерены делать этого сами. Дело за тобой, мальчик». И что же Дважды-в-День? Вставляет кассетку? Никоим образом. Он просто делает то же самое, что сделали с ним большие мальчики, разве что даже не дает себе труда шепнуть словцо тому, кто поработает за него. А делает он следующее: находит базу на Среднем Западе, базу, под завязку напигованную программами по уклонению от налогов и блок-схемами отмывки иен для какого-нибудь борделя в Канзас-Сити. Каждый, кто не вчера родился, знает, что эта дрянь по уши во льду, в черном льду, абсолютно смертельных программах обратной связи. И нет ни одного ковбоя в Муравейнике или за его пределами, кто полез бы в эту базу. Во-первых, потому, что она прямо-таки сочится защитой; во-вторых, потому, что складированная в ней мура не интересна никому, кроме налоговых инспекторов, а те, скорее всего, и так уже у владельца на содержании.

– Эй, – вскинулся Бобби, – а нельзя ли пояснее...

– По-моему, я растолковываю тебе яснее некуда, белый мальчик! Короче, он нашел такую базу, потом пробежался по своему списку хотдоггеров, честолубивых панков из Барритауна, вильсонов, среди которых может найтись тупой настолько, чтобы со впервые увиденной программой пойти в рейд на базу, в которую шутник вроде Дважды-в-День ткнул пальцем и сказал, что это, мол, легкая пожива. И кого же он выберет? Он выберет новичка, того, кто не знает, где Дважды-в-День живет, того, у которого нет даже его номера. Он говорит ему: «Слушай, мужик, возьми это домой и заработай себе немножко денег. Если найдешь что-то стоящее, я помогу тебе это толкнуть!» – Бовуар округлил глаза, он больше не улыбался. – Ну что, похоже на кого-то из твоих знакомых или, может, ты не якшаешься с неудачниками?

– Ты хочешь сказать, он знал, что меня могут прикончить, если я вломлюсь в эту базу?

– Нет, Бобби. Но он знал, что такая возможность существует, если пакет не сработает. Он, в сущности, просто хотел понаблюдать за твоей попыткой – ничего больше. Однако он не потрудился сделать это сам, просто поставил за себя пару ковбоев. А дальше все могло идти двумя различными путями. Вариант первый: ледоруб пробивает черный лед, ты попадаешь внутрь, находишь кучу цифр, в которых ты ни уха ни рыла, выбираешься назад, возможно даже не оставив следов. Ну, ты тогда пошел бы к Леону и сказал Дважды-в-День, что он ошибся с базой. А тот бы жутко извинялся, конечно, – и ты получил бы новую цель и новый ледоруб, а он повез бы этот в Муравейник и сказал, что с ним все в порядке. А тем временем не спускал бы с тебя глаз, просто чтобы последить за твоим здоровьем. Чтобы убедиться, что никто не пришел искать ледоруб, который, как они могли прослышать, ты использовал. Или могло случиться иначе, так, как это едва не случилось: ледоруб оказался бы не того, лед сжег бы тебя насмерть, и тогда одному из ковбоев пришлось бы вломиться в квартиру твоей мамочки и забрать софт прежде, чем найдут твое тело.

– Не знаю... Бовуар, это чертовски жест...

– Задница моя жесткая. *Жизнь* жестока. Я хочу сказать, мы же говорим о *бизнесе*, не забыл?

Бовуар рассматривал его с полной безмятежностью. Пластмассовая оправа сползла почти на кончик изящного носа. Он был светлее, чем Дважды-в-День или гигант в костюме, – с кожей цвета слегка разбавленного кофе, и к черному мху коротко стриженных волос уходил высокий

гладкий лоб. В балахоне из серой плащовки он выглядел худощавым, и Бобби не находил в нем ничего угрожающего.

– Но нам надо выяснить – и вот зачем ты здесь, – что же произошло на самом деле. А это уже нечто другое.

– Но ты же сказал, что он меня подставил, что Дважды-в-День подставил меня так, чтобы меня пришили? – Бобби все еще сидел в кресле-каталке «Роддома Святой Марии», хотя теперь ему казалось, что кресло ему больше не нужно. – И что теперь эти парни, ну, эти крутые из Муравейника, они его с говном сожрут?

– Теперь ты понял.

– Так вот почему он ведет себя так странно, то ли будто ему уже все по хрену, то ли он меня ненавидит до самых потрохов, да? И он действительно перепуган?

Бовуар кивнул.

– И это все потому, – продолжал Бобби, понимая наконец, почему Дважды-в-День не в своей тарелке, почему он так испугался, – что на меня напали там, на Большой Площадке, и сволочи долики обули меня на деку! И этот софт, он ведь оставался у меня в деке! – Он подался вперед, возбужденный оттого, что сложил все вместе. – А эти парни могут, скажем, убить его, если он не вернет дискету, так?

– Должен тебе сказать, что ты слишком много смотрел кино, – сказал Бовуар, – хотя в общем и целом определенно так.

– Хорошо. – Бобби откинулся на спинку кресла-каталки, закинув голые ноги на край стола. – Ну, Бовуар, кто же эти парни? Как ты их там назвал, хуянганы? Колдуны? Что, черт побери, это должно означать?

– Видишь ли, Бобби, – сказал Бовуар, – я один из них, а тот большой мужик – можешь называть его Лукасом – второй.

– Ты, наверное, видел такие раньше, – сказал Бовуар, когда означенный Лукас поставил на стол трехмерный проектор, перед этим методично расчистив для него место.

– В школе, – покорно ответил Бобби.

– Ты ходил в школу, парень? – огрызнулся Дважды-в-День. – Почему ты там, черт побери, не остался?

Он прикуривал одну сигарету от другой с тех самых пор, как они с Лукасом вернулись, и, казалось, был в еще худшем настроении, чем прежде.

– Заткнись, Дважды-в-День, – предложил Бовуар, – немного образования и тебе бы не повредило.

– С их помощью нас учили, как отыскивать дорогу в матрице, как получать доступ ко всякому барахлу из печатных библиотек, все такое...

– Тем лучше. – Лукас выпрямился, отряхивая несуществующую пыль с огромных розовых ладоней. – Ты когда-нибудь пользовался им, чтобы получать доступ к печатным книгам?

Он снял черный, без единой морщинки, пиджак; на крахмальной рубашке под ним ярко выделялась пара изящных темно-бордовых подтяжек. Лукас ослабил узел строгого черного галстука.

– Я не слишком-то хорошо читаю, – сказал Бобби. – То есть могу, но это работа. Ну да, я входил. Смотрел совсем старые книги о матрице и о всем таком.

– Так я и думал, – отозвался Лукас, подключая к консоли в основании проектора что-то вроде маленькой деки. – Счет Ноль. *Прерывание на счет ноль*. Древний программистский жаргон. – Он передал деку Бовуару, который стал вводить в нее команды.

Внезапно в экранном объеме проектора начали возникать сложные геометрические фигуры, выравниваясь вдоль почти невидимых плоскостей трехмерной решетки. Бобби догадался, что Бовуар набрасывает в киберпространстве координаты Барритауна.

– Будем считать, что синяя пирамидка – это ты, Бобби. Вот она. – (В самом центре объема мягко запульсировала синяя пирамида.) – Теперь мы покажем тебе, что увидели ковбои, которым Дважды-в-День поручил наблюдать за тобой. Включаю запись.

Из пирамиды выросла синяя пунктирная линия и побежала по линиям решетки. Бобби смотрел в экраный объем, видя себя, одинокого, в гостиной своей матери с «Оно-Сэндай» на коленях. Занавески задернуты, пальцы бегают по клавишам.

– Пошел ледоруб, – прокомментировал Бовуар.

Синий пунктир достиг стенки экрана. Бовуар нажал пару клавиш, и координаты изменились. Исходную декорацию сменил новый набор геометрических фигур. Бобби узнал нагромождение оранжевых кубов в центре решетки.

– Вот оно, – сказал он.

Из-за стенки экрана возникла синяя линия и потянулась к оранжевой базе. Вокруг кубов мерцали смутные плоскости оранжевого света, которые, когда пунктир подполз ближе, начали вдруг смещаться и пульсировать.

– Сам видишь, здесь что-то не так, – сказал Лукас. – Вон он, их лед, и он уже о тебе знает. Вычислил тебя еще до того, как ты за него зацепился.

Когда синий пунктир коснулся скользнувшей навстречу оранжевой плоскости, вокруг него тут же образовалась оранжевая трубка чуть большего диаметра. Трубка начала удлиняться, двигаясь назад вдоль пунктира, пока не уперлась в стенку экрана...

– А тем временем, – сказал Бовуар, – дома, в Барритауне...

Он снова пробежал пальцами по клавишам, и теперь в центре оказалась синяя пирамидка Бобби. На глазах у Бобби оранжевая трубка выросла из стенки экранного объема и по синему пунктиру вкрадчиво подобралась к пирамидке.

– А вот с этого момента, ковбой, ты должен был начать умирать всерьез.

Трубка коснулась пирамидки, оранжевые треугольники сомкнулись, как будто закрывая ее стеной. Бовуар остановил запись.

– Когда няньки Дважды-в-День, – сказал Лукас, – жокеи, в общем-то бывалые и закаленные, увидели то, что сейчас увидишь ты, друг мой, они решили, что их деке пора на большой небесный капремонт. Как и у любых профи, у них была вторая дека, для подстраховки. Подключив ее, они увидели то же самое. Именно тогда они решили позвонить своему работодателю, мистеру Дважды-в-День, который, как можно заключить из окружающего нас бардака, собирался устроить вечеринку...

– Мужик, – сказал Дважды-в-День сдавленным от истерики голосом, – я же тебе говорил. У меня тут были клиенты, которых требовалось развлечь. Я заплатил своим мальчишкам, чтобы они присмотрели за ледорубом, они и смотрели, а потом позвонили мне. Я позвонил вам. Ну что тебе, черт побери, от меня надо?

– Нашу собственность, – мягко отозвался Бовуар. – А теперь смотри внимательно, – обратился он к Бобби, – такую штуку, кроме как аномальным явлением, не назовешь, без дураков...

Он ввел команду, снова пуская запись.

На нижней плоскости экрана расцвели жидкие цветы, белые как молоко. Подавшись вперед, Бобби увидел, что состоят они словно из тысяч мельчайших сфер или пузырьков. Цветы подстроились к кубической решетке, срослись с ней, образовав асимметричную структуру с широким верхом, нечто вроде многогранного гриба. Грани были белыми и совершенно пустыми. Фигура в экранном объеме была размером не больше ладони Бобби, но всякому вошедшему в матрицу она показалась бы непомерной. «Гриб» развернул пару «рожек»; «рожки» вытянулись, изогнулись, превратившись в пинцет, который метнулся, чтобы схватить пирамидку. Бобби увидел, как кончики щипцов беспрепятственно прошли сквозь посверкивающие оранжевые плоскости враждебного льда.

– Она сказала: «Что ты делаешь?» – услышал Бобби собственный голос. – Потом она спросила меня, почему они это делают, делают это со мной, убивают меня...

– Ага, – негромко произнес Бовуар, – вот теперь мы хоть как-то продвинулись.

Бобби не знал, куда они идут, но был рад возможности выбраться из кресла. Бовуар пригнулся, чтобы не задеть косо висящую светодиодную лампу, которая покачивалась на двух отрезках крученой веревки; Бобби последовал за ним, едва не поскользнувшись в луже воды с зеленоватой пленкой. Чем дальше от гостиной-поляны Дважды-в-День, тем гуще становился воздух. Стоял тепличный запах перегноя и растущей зелени.

– Вот так это было, – задумчиво произнес Бовуар. – Дважды-в-День послал пару ребят на «Ковина-Конкорс-Кортс», но ты уже ушел. И деки тоже не было.

– Ну, это не совсем его вина, – сказал Бобби, – то есть я хочу сказать, что если бы я не рванул к Леону – а я и правда искал Дважды-в-День, даже подумывал о том, как бы мне попасть сюда, наверх, – то он нашел бы меня, верно?

Бовуар помедлил, чтобы полюбоваться роскошными листьями цветущей конопли, и, протянув худой коричневый палец, тронул бледный бесцветный цветок.

– Верно, – отозвался он, – но бизнес есть бизнес. Ему надо было поставить кого-нибудь следить за твоей квартирой в течение всего рейда, убедиться, что ни ты, ни софт не отправитесь ни на какую незапланированную прогулку.

– Но послал же он Реа и Джекки к Леону, раз я их там видел.

Бобби запустил руку за ворот черной пижамы и почесал заклеенную рану, пересекавшую его грудь и живот. Тут он вспомнил о многоножке, которую Пай использовал как стягивающий рану пластырь, и быстро убрал руку. Шрам отчаянно зудел, превратился в сплошную линию зуда, но многоножки касаться не хотелось.

– Нет, Джекки и Реа – наши. Джекки – мамбо, жрица, лошадь Данбалы.

Бовуар продолжал свой путь, придерживаясь, как решил Бобби, какой-то известной ему тропинки в этом беспорядочном гидропонном лесу, хотя тропинка эта, похоже, петляла без всякого смысла. Кусты покрупнее пустили корни в огромных грушевидно бугрящихся пластиковых мешках для мусора, наполненных темным гумусом. Мешки местами лопнули, и бледные корни искали себе пропитание в тених, куда не доставали светодиодные лампы и где общими усилиями времени и постепенно опадающих листьев вырос тонкий слой компоста. На Бобби были черные нейлоновые тапки, которые подобрала для него Джекки, но в них уже набилась сырая земля.

– Лошадь? – переспросил он, уклоняясь от чего-то шипастого, наводившего на мысль о вывернутой наизнанку пальме.

– Данбала оседлывает ее. Данбала Ведо, змей. А в другое время она – лошадь Айды Ведо, его жены.

Бобби решил не углубляться и сменил тему:

– А как вышло, что у Дважды-в-День такая огромная хата? Зачем тут деревья и все такое?

Насколько он понял, Джекки и Реа вкатили его в кресле от «Святой Марии» через какой-то дверной проем, но с тех пор он не видел ни одной стены. При этом он знал, что здание-улей покрывает энное число гектаров, так что вполне возможно, что обиталище Дважды-в-День и в самом деле очень велико. Правда, представлялось маловероятным, чтобы толкачу, пусть даже очень крутому, было по карману столько пространства. Никто не может позволить себе столько места – да и кому захочется жить в вечно сыром гидропонном лесу?

Последний дерм снашивался, грудь и спину начинало жечь острой болью.

– Фикусовые деревья, деревья мапоу... весь этот этаж – *лье сан*, святое место. – Тронув Бобби за плечо, Бовуар указал на перевитые двухцветные ленточки, свисающие с веток ближайшего дерева. – Все деревья здесь посвящены различным лоа. Вот это посвящено Огу, Огу

Фераю, богу войны. Тут растет еще много всего: есть растения, необходимые докторам-травникам, а другие – просто для удовольствия. Но это место принадлежит не Дважды-в-День – оно принадлежит всей общине.

– Ты хочешь сказать, вся Новостройка этим повязана? Тут все вудуисты и всякое такое...

Это было хуже самой страшной фантазии Марши.

– Нет, друг мой! – рассмеялся Бовуар. – На крыше у нас мечеть стоит, еще здесь живут тысяч двадцать, если не тридцать праведных баптистов, разбросаны по всей Новостройке. Есть последователи Церкви сайентологии... Каждой твари по паре, обычное дело. И все же, – он ухмыльнулся, – если надо уладить какие-то дела, этим традиционно занимаемся мы... Но история этого этажа уходит довольно далеко в прошлое. Проектировщики – а строили эти «ульи», может, восемьдесят, а то и все сто лет назад – пытались добиться максимальной автономии. Чтобы люди могли тут сами выращивать пищу. Чтобы могли сами обогреваться, генерировать электроэнергию и так далее. Взять конкретно эту Новостройку: если пробурить достаточно глубокую скважину, достанешь до резервуара геотермальных вод. Там и вправду очень жарко, но недостаточно, чтобы запустить турбину, так что никакого тока не будет. Поэтому на крыше поставили сотню роторов Дарье¹⁵ – их тут еще называют миксерами. Сделали себе ветряные мельницы, понимаешь? Правда, сегодня большую часть своих ватт Новостройка получает от «Ядерной комиссии», как и все прочие. Но эти геотермальные воды накачивают наверх, в теплообменник. Для питья вода слишком соленая, так что в обменнике она просто греет обычную воду из системы водоснабжения вашего Джерси. Впрочем, кое-кто полагает, что и эту воду тоже пить нельзя...

Наконец они вышли к какой-то стене. Бобби оглянулся назад. В мелких озерцах на грязном бетонном полу отражались сучья и ветки карликовых деревьев. Голые бледные корни переплетались в импровизированных баках с гидропонной жидкостью.

– Потом вода поступает в цистерны с креветками, их там выращивают в промышленных объемах. В теплой воде креветки растут действительно быстро. Потом по трубам в бетоне воду качают сюда наверх, чтобы обогревать этот этаж. Вот для чего на самом деле этот уровень – чтобы выращивать гидропонный амарант, салат и тому подобное. Дальше вода снова уходит вниз, в резервуары с сомами, а креветочье дерьмо доедают сине-зеленые водоросли. Сомы питаются водорослями – и все идет по новой. Или, во всяком случае, так было задумано. Готов поспорить, никому из проектировщиков и в голову не могло прийти, что кто-то заберется на крышу и скинет роторы Дарье, чтобы освободить место для мечети. И многие другие перемены они тоже не предусмотрели. Нынешние жители основательно переоборудовали «улей». Но тут еще можно достать чертовски хороших креветок... Да и сома тоже...

Они достигли стены. Стена, целиком стеклянная, была сплошь усеяна бусинами конденсировавшейся влаги. За стеклом в нескольких сантиметрах виднелась вторая стена – что-то вроде ржавого стального листа. Выудив откуда-то из блестящего балахона ключ, Бовуар вставил его в отверстие в голой стальной раме, разделявшей две створки окна. Неподалеку со стоном ожил мотор; широкий стальной ставень сложился, рывками уходя наверх, чтобы открыть панораму, которую так часто воображал себе Бобби.

Они были, наверное, почти у самой крыши, высоко-высоко, потому что Большая Площадка казалась пятном, которое он мог бы накрыть ладонями. Кондо Барритауна выглядели отсюда как простирающийся до горизонта ковер серо-белой плесени. Уже стемнело, и за последней волной кондо Бобби смог различить далекое розовое свечение.

– Там ведь Муравейник, правда? Этот розовый свет?

¹⁵ *Ротор Дарье* – турбина низкого давления, ось вращения которой перпендикулярна потоку жидкости или газа; спроектирована в 1931 г. французским авиаконструктором Жоржем Дарье (1888–1979).

– Верно, но чем ближе к нему, тем он непригляднее. Хочешь поехать туда, Бобби? Счет Ноль готов завоевать Муравейник?

– Господи, да... – Бобби прижал ладони к запотевшему стеклу. – Если б ты только знал... Действие дерма закончилось, грудь и спину стало жечь огнем.

14

Ночной полет

С наступлением ночи Тернер вновь ощутил себя на рубеже.

Казалось, слишком много времени прошло с тех пор, когда он в последний раз испытывал подобное ощущение. Но теперь он чувствовал себя так, словно никуда с рубежа и не уходил. Он будто стал сверхчеловеческой ячейкой в синхрочепи – ощущение, которое стимуляторы могут лишь имитировать. Такое возможно только на площадке, когда все готово для извлечения по-настоящему крупной дичи и когда ты один в ответе за всё – да и то лишь в самые последние часы перед рывком.

Но сколько времени с тех пор утекло! В Нью-Дели он только проверял возможные пути отступления для топ-менеджера, который даже не был до конца уверен, хочет ли он перейти под другую крышу. Ощущай Тернер передовой рубеж тем вечером на Чандни-Чоук, он, быть может, и смог бы увернуться от «собаки». Скорее всего – нет, но рубеж приказал бы ему попытаться.

Теперь же ощущение рубежа позволило ему свести в единый рисунок все факторы, какие следовало учесть на данной площадке, – и целые гроздья мелких проблем, и крупные проблемы-одиночки. Мелких было до черта, но никаких по-настоящему серьезных обломов. Линч и Уэббер начинали потихоньку вцепляться друг другу в волосы, а поэтому он устроил так, чтобы держать их подальше друг от друга. Уверенность в том, что Линч – подсадка Конроя, инстинктивная с самого начала, теперь усилилась. Когда ты на рубеже, инстинкты обостряются, понемногу становишься телепатом. У Натана возникли проблемы со шведскими грелками для рук – все, что было проще компьютерной платы, сбивало мастера с толку. Тернер приставил к грелкам Линча – их требовалось зарядить топливом, а Натану приказал выносить грелки наружу по две зараз и неглубоко прикапывать на расстоянии метра друг от друга вдоль двух длинных полос оранжевой ленты.

Присланный Конроем микрософт наполнял голову целой вселенной других постоянно меняющихся факторов: скорость воздушных потоков, авиагоризонт, угол атаки, ускорение и сила тяжести, азимут цели. Неумолчной литанией всплывали из подсознания данные о вооружении машины: приборы наведения, траектории сброса бомб, дальности и коды запуска, круги поиска, счетчики боеприпасов. Конрой дописал к микрософту простое сообщение – время прибытия самолета и подтверждение установки дополнительной противоускорительной сетки для пассажира.

Тернер спрашивал себя: что делает, что испытывает сейчас Митчелл? Предприятие «Маас-Биолабс, Северная Америка» было встроено в изрезанное туннелями плато, гигантский обрубок скальной породы, вздыбившийся над песчаной пустыней. Досье с биософта показало Тернеру фасад этого плато с его горящими вечерним светом окнами. Плато возвышалось над морем сагуарий, как рубка гигантского корабля. Для Митчелла оно было и тюрьмой и крепостью – его домом на протяжении девяти последних лет. Где-то в сердцевине плато он совершенствовал синтез гибридом, уже более века не дававшийся другим ученым. Работая с человеческими раковыми клетками и отвергнутой, почти забытой моделью синтеза ДНК, он создавал бессмертные гибридные клетки, ставшие для этой технологии базовыми средствами производства, крохотными биохимическими заводиками, бесконечно воспроизводящими искусственно сконструированные молекулы, которые потом собирали в цепи и встраивали в биочипы. Где-то там, в научном городке, Митчелл доживает сейчас свои последние часы в качестве самой яркой звезды среди «маасовских» исследователей.

Тернер пытался представить Митчелла, которому предстоит совершенно иная жизнь – его теперешняя кончится с переходом в «Хосаку», – но представлялось с трудом. Да и так ли уж отличается закрытый исследовательский центр в Аризоне от аналогичного на Хонсю?

В течение всего этого длинного дня в Тернере то и дело темной волной поднимались закодированные воспоминания Митчелла, наполняя его странным ужасом, который, казалось, не имел ничего общего с предстоящей операцией.

Тревожила узнаваемость, почти интимность образов, возможно, именно эта тревога и порождала страх. Некоторые фрагменты как будто обладали гораздо большей эмоциональной насыщенностью, чем можно было предположить по их содержанию. Почему воспоминание о пустом коридоре какого-то обшарпанного общежития в Кембридже должно наполнять его чувством вины и отвращением к самому себе? Другим же картинам, которым по логике вещей полагалось нести определенную эмоциональную нагрузку, эмоций-то странным образом не хватало. Вот Митчелл играет с грудной дочкой на четырехугольнике пушистого паласа в доме, который он снимал в Женеве. Ребенок смеется, тянет отца за палец. Ничего. Жизнь этого человека, с точки зрения Тернера, была отмечена именно отсутствием событий. Ученый был талантлив – это стало ясно довольно рано, – честолюбив, наделен способностью к расчетливым интригам и манипуляциям – подобный дар требуется любому, кто мечтает стать ведущим исследователем. Если кому-то и было суждено подняться по иерархической лестнице корпоративной науки, то именно Митчеллу.

Сам Тернер оказался не способен прижиться среди людей дзайбацу, в этом мире, разделенном на племена с их бесконечной борьбой за выживание. Он оставался вечным аутсайдером, непредсказуемым фактором, носимым по тайным морям межкорпоративной политики. Ни один служащий ни одной компании не был способен на ту инициативу, какая требовалась от Тернера в ходе извлечения. Откуда взяться у служащего, взращенного корпорацией, профессионально небрежному умению Тернера менять свою лояльность при смене работодателей. Или, может быть, его нестигаемому упорству с того момента, как согласованы условия контракта. Когда ему еще не исполнилось и двадцати, его занесло в охранную контору; это были времена, когда мрачная хандра в послевоенной экономике только-только уступала дорогу импульсам новых технологий. Он неплохо продвинулся в охране, учитывая отсутствие у него всяческих амбиций. Он обладал осанкой пластичного мускулистого зверя, которая производила впечатление на клиентов его работодателей, и он оказался сметлив и весьма расторопен. Умел носить одежду. Ладил с техникой.

Конрой разыскал его в Мексике, где работодатель Тернера заключил контракт на обеспечение безопасности для съемочной группы «Сенснета» – те записывали получасовые эпизоды бесконечного сериала о приключениях в джунглях. Когда появился Конрой, Тернер как раз заканчивал последние приготовления. Он разработал контакты и посадил связника между «Сенснетом» и местным правительством. Подкупил главного полицейского чина в городе, проанализировал систему безопасности гостиницы, познакомился с местными проводниками и водителями, перепроверил их биографии, установил цифровую голосовую защиту на передатчиках съемочной группы, подобрал команду на случай возникновения кризисной ситуации и разместил сейсмические сенсоры вокруг скопления коттеджей «Сенснета».

Он вошел в бар гостиницы – продолжение вестибюля, выдвинутое в заросший тропический сад, – и нашел себе место за одним из стеклянных столиков. Бледный мужчина с копной белых, вытравленных волос пересек бар, держа по стакану в каждой руке. Одет он был в тщательно выглаженную армейскую рубашку, выпущенную поверх джинсов, и кожаные сандалии. Мучнисто-белая кожа казалась туго натянутой на угловатый череп.

– Ты отвечаешь за безопасность этих детишек из симстима, – утвердительно тоном произнес бледный мужчина, ставя один из стаканов на стол перед Тернером. – Мне сказал Альфредо.

Так звали одного из гостиничных барменов.

Тернер поднял глаза на человека, который, судя по всему, был совершенно трезв и, казалось, олицетворял собой всю самоуверенность в мире.

– Кажется, мы не представлены, – сказал Тернер, не делая ни малейшего движения, чтобы принять предложенную выпивку.

– Не важно, – ответил Конрой, отодвигая стул. – Мы играем на одном поле. – Он сел.

Тернер посмотрел на него в упор. Тогда Тернер выглядел как настоящий телохранитель. В его осанке, в каждом движении жилистого тела читались беспокойство и настороженность, и очень редкие из незнакомых людей решились бы так небрежно вторгнуться на его территорию.

– Видишь ли, – сказал мужчина, – сеймики, которые ты расставил, на самом деле ни хрена не стоят. – Он сказал это так, будто комментировал действия бейсбольной команды, не особо отличившейся в этом сезоне. – Я знаю людей, которые войдут внутрь, съедят твоих детишек на завтрак, потом засунут их кости в душ и насвистывая удалятся. А сеймики скажут, что ничего не случилось. – Он отпил из стакана. – Хотя, конечно, за старание тебе можно поставить пятерку. Ты свое дело знаешь.

Выражения «засунут кости в душ» было вполне достаточно – Тернер решил вынести бледного.

– Смотри-ка, Тернер, а вот твоя примадонна. – И мужчина улыбнулся Джейн Гамильтон.

Актриса ответила ему улыбкой и широко раскрыла голубые глаза, такие ясные и совершенные. Каждый зрачок был окаймлен крохотными золотыми буквами логотипа «Цейс-Айкон». Тернер замер, на долю секунды пойманный в западню нерешительности. Звезда была близко, слишком близко, а бледный человек вставал...

– Рад был познакомиться, Тернер, – сказал он. – Рано или поздно мы еще встретимся. Последуй моему совету, я о сеймиках. Я бы подстраховал их периметром «кричалок».

Тут он повернулся и пошел прочь, под хрусткой тканью рыжевато-коричневой рубашки плавно перекачивались мускулы.

– Как мило, Тернер, – сказала Гамильтон, устраиваясь на стуле, где только что сидел незнакомец.

– Да? – Тернер не отрываясь смотрел, как тот ныряет в толпу розовощеких туристов и исчезает в суете переполненного вестибюля.

– Я думала, что ты и не разговариваешь ни с кем. У тебя всегда такой вид, будто ты обыскиваешь собеседника, заполняя на него рапорт. Приятно видеть, как ради разнообразия ты заводишь друзей.

Тернер перевел взгляд на актрису. Гамильтон было двадцать, на четыре года меньше, чем ему, и в неделю она зарабатывала, грубо говоря, в девять раз больше его годового оклада. Загорелая блондинка с коротко подстриженными, как требовалось по сценарию, волосами. Девушка выглядела так, будто изнутри ее освещали лампы дневного света. Голубые глаза были нечеловечески совершенными оптическими приборами, выращенными в автоклавах в Японии. Она была одновременно и актрисой, и камерой, глаза ее стоили несколько миллионов новых иен, а в иерархии звезд «Сенснета» ее рейтинг был почти что никаким.

Он посидел с ней, пока она не прикончила оба коктейля, потом проводил назад к коттеджам.

– Не хочешь зайти выпить еще, а, Тернер?

– Нет, – ответил он.

Это был уже второй вечер, когда она делала подобное предложение, и, насколько он догадывался, последний.

– Мне нужно проверить сейсмики.

Тем же вечером он позвонил в Нью-Йорк, чтобы получить телефон фирмы в Мехико, которая могла бы поставить ему «кричалки».

Но неделю спустя Джейн и трое других – половина актерского состава сериала – были мертвы.

– Мы готовы перекатить врачей, – сказала Уэббер.

Тернер заметил, что у нее на руках коричневые кожаные перчатки с обрезанными пальцами. Она сменила противосолнечные очки на прозрачные охотничьи, а на бедре у нее висел пистолет.

– Сатклифф наблюдает за периметром через камеры. Нам понадобятся все остальные, чтобы протащить эту срань через кусты.

– Я нужен?

– Рамирес говорит, что не может напрягаться за какой-то час до включения. Если хочешь знать мое мнение, он просто маленький ленивый засранец из Лос-Анджелеса.

– Нет, – отозвался Тернер, вставая со своего наместа на каменной ограде, – он прав. Если он перенапряжет кисть, нам крышка. Любая мелочь, даже если сам он этого и не почувствует, может сказаться на его скорости...

Уэббер пожала плечами.

– Ладно. Значит, он в бункере. Раз он полощет руки в последней нашей воде и напевает себе под нос, то мы выкрутимся.

Когда они дошли до бокса, Тернер автоматически пересчитал головы. Семь. Рамирес – в бункере; Сатклифф – где-то в лабиринте шлакоблоков, следит за экранами дозорных видеокамер. У Линча за правым плечом висит лазер «стайнер-оптик». Компактная модель со складным прикладом из легкого сплава, встроенные батареи образуют толстую рукоять под серым титановым стволом. Натан одет в черный комбинезон и черные же десантные ботинки с налетом светлой пыли. Под подбородком на головной повязке болтаются защитные очки с выпуклыми, будто муравьиные глаза, линзами фотоумножителей. Сняв свои мексиканские противосолнечные очки, Тернер убрал их в нагрудный карман синей спецовки и застегнул клапан.

– Как дела, Тедди? – спросил он двухметрового верзилу с коротко стриженными русыми волосами.

– Ништяк, – улыбнулся тот всеми своими зубами.

Тернер оглядел остальных членов команды, кивая по очереди каждому: Комптон, Коста, Дэвис.

– Что, беремся за дело, а? – спросил Коста.

У него было круглое влажное лицо с редкой, тщательно подстриженной бородкой. Как Натан и все остальные, он тоже был в черном.

– Через пару минут, – отозвался Тернер. – Пока все гладко.

Коста кивнул.

– У нас примерно полчаса до прибытия, – сказал Тернер.

– Натан, Дэвис, – приказала Уэббер, – отсоедините сливной шланг.

Она протянула Тернеру один из наборов клипсовых передатчиков, который уже успела вынуть из пузырчатой упаковки. Потом сама сорвала пластиковую заглушку с самоклеющегося горлового микрофона и разгладила его на сожженной солнцем шее.

Натан и Дэвис копошились в тени позади фургона. Тернер услышал, как Дэвис тихонько чертыхнулся.

– Вот черт, – бросил Натан, – нет затычки для раструба шланга.

Остальные засмеялись.

– Оставь как есть, – бросила Уэббер, – беритесь за колеса. Линч и Комптон, снимайте домкраты.

Вытащив из-за пояса шуруповерт, Линч полез под фургон. Фургон закачался, тихонько скрипнула подвеска; внутри ходили врачи. До Тернера донесся короткий высокий вой какого-то прибора, затем дребезжание шуруповерта. Линч откручивал домкраты.

Он нацепил клипсу и прижал горловой передатчик возле гортани.

– Сатклифф! Как слышно?

– Нормально, – сказал австралиец. Казалось, что слабый голос исходит из основания черепа Тернера.

– Рамирес?

– Ясно и четко...

Восемь минут. Они выкатывали трейлер на его десяти толстых шинах. Тернер и Натан взялись за переднюю пару, тянули, направляя бокс в нужную сторону. Натан надвинул на глаза защитные очки. Митчеллу предстояло лететь в новолуние, в крошечной тьме. Бокс был тяжелым, абсурдно тяжелым, – казалось, его просто невозможно сдвинуть с места.

– Будто катишь грузовик на паре продуктовых тележек, – пробормотал себе под нос Натан.

У Тернера болела поясница. С самого Нью-Дели с ней что-то было не в порядке.

– Всем стоп, – скомандовала Уэббер от третьего колеса слева. – У меня застряло на каком-то долбаном камне...

Отпустив свое колесо, Тернер выпрямился. И откуда сегодня ночью столько летучих мышей? Трепещущие черточки в чаше звездного неба пустыни. В Мексике их тоже было полно. В джунглях это были фруктовые мыши, которые спали в кронах деревьев, нависавших над палаточным городком, где ночевала съемочная группа «Сенснета». Тернер облазил деревья, опутывая нависающие сучья мономолекулярной нитью, – любого незваного гостя ждали метры невидимого лезвия. Но Джейн и другие погибли все равно – во время взрыва на пологом горном склоне недалеко от Акапулько. Неприятности с профсоюзами, как сказал кто-то потом, но на деле так ничего и не выяснили, кроме самого факта примитивного заряда в керамической оболочке, места, где он был установлен, и точки, откуда был взорван. Тернер сам лазил на склон, даже не сняв окровавленной одежды, и видел пятачок среди поломанного кустарника, где ждали убийцы, взрывную машинку и автомобильный аккумулятор в ржавом корпусе. Он даже нашел бычки самокруток и крышку от бутылки пива «Богемия» – новую и яркую.

Сериал пришлось прикрыть, команда по устранению кризисных ситуаций сработала безупречно, организовав перевозку тел и эвакуацию выживших актеров и съемочной группы. Тернер улетал последним самолетом. После восьми скотчей в баре аэропорта Акапулько он слепо выбрал в центральный регистрационный зал и столкнулся там с Бушелом, старшим техом из лос-анджелесского комплекса «Сенснета». Несмотря на лос-анджелесский загар, Бушел был смертельно бледен. Его индийский льняной костюм пошел пятнами от пота. В руке администратор держал алюминиевый кейс, похожий на футляр кинокамеры, стенки кейса были тусклыми от сконденсировавшейся влаги. Тернер глядел на человека, глядел на потеющий кейс с красными и белыми предупредительными надписями и длинными наклейками, поясняющими, какие меры предосторожности требуются при транспортировке материалов в криогенном хранилище.

– Господи, Тернер, – выдавил, завидев его, Бушел. – Слушай, парень, мне очень жаль. Приехал только сегодня утром. Кошмарная история. – Он вытащил из кармана пиджака сырой носовой платок и вытер лицо. – Кошмарная работа. Мне никогда не приходилось делать такого раньше...

– Что в этом чемодане, Бушел? – Теперь Тернер был гораздо ближе, хотя и не помнил, как шагнул вперед. Он мог разглядеть поры на загорелом лице.

– С тобой все в порядке, приятель? – Бушел отступил на шаг назад. – Ты как-то скверно выглядишь.

– Что в этом чемодане, Бушел? – Льяной лацкан смят в кулаке, костяшки побелели от напряжения.

– Черт побери, Тернер! – Человечек вырвался на свободу, сжимая ручку чемодана уже обеими руками. – Они же не были повреждены. Только какая-то мелкая потертость на одной из роговиц. Глаза принадлежат «Сенсету». Это один из пунктов ее контракта.

И Тернер отвернулся, его желудок завязался узлом вокруг восьми неразбавленных скотчей, а он все пытался побороть тошноту. И продолжал бороться с ней, держал ее под контролем в течение девяти лет, пока – на полпути от голландца – все эти воспоминания не вернулись, не обрушились на него в Лондоне, в Хитроу, и он скрючился, даже не замедляя шага, посреди очередного коридора – и сбил в синюю пластмассовую урну.

– Давай же, Тернер, – подстегнула его Уэббер, – толкай. Покажи нам, как это делается. Трейлер снова пополз вперед сквозь деготный запах пустынных растений.

– Мы готовы, – прозвучал отдаленный и спокойный голос Рамиреса.

Тернер коснулся горлового микрофона:

– Посылаю тебе кой-кого для компании. – Он убрал палец с микрофона. – Натан, пора. Вы с Дэвисом – назад в бункер.

Дэвис отвечал за переоборудованную рацию – их единственную вне матрицы связь с «Хосакой». Натан играл роль мастера на все руки. Линч откатывал последнее мотоциклетное колесо в кустарник за автостоянкой. Уэббер и Комптон, стоя на коленях возле бокса, подсоединяли кабель, который свяжет хирургов «Хосаки» с биомонитором «Сони» в командном пункте. С убранными колесами, опущенный и установленный на четырех домкратах, хирургический бокс опять напомнил Тернеру французский прогулочный модуль. Путешествовать он отправился гораздо позже, года через четыре после того, как Конрой завербовал его в Лос-Анджелесе.

– Как дела? – спросил в микронаушнике Сатклифф.

– Прекрасно, – отозвался Тернер, касаясь микрофона.

– Тут скучновато, – сказал Сатклифф.

– Комптон, – окликнул Тернер, – Сатклиффу нужна твоя помощь следить за периметром. И твоя тоже, Линч.

– Вот так всегда, – донесся из темноты голос Линча, – только я настроился посмотреть спектакль...

Рука Тернера легла на рукоять «смит-и-вессона» под отогнутой полкой парки.

– Пошевеливайся, Линч.

Если Линч – посадка Конни, он пожелает остаться здесь. Или в бункере.

– А пошел ты! – взвился Линч. – Никого там нет, сам прекрасно знаешь. Если не хочешь видеть меня здесь, пойду внутрь – присмотрю за Рамиресом...

– Хорошо, – сказал Тернер и, вытащив револьвер, вдавил клавишу, включавшую подствольный фонарь.

Первая вспышка полуденно-яркого ксенонового луча выхватила из темноты искривленную сагуарию – серым мехом ошетинились в безжалостном свете колючки. Вторая – нашла шипастый череп на пряжке ремня, поймала его в пятно резкого света. Выстрел и хлопок разрывной пули слились в один звук, ударная волна покатила как гром – невидимыми, расширяющимися кругами над темной плоской землей.

В первые несколько секунд после выстрела не было слышно ни единого звука, даже летучие мыши и жучки смолкли, выжидая. Уэббер упала в кусты, и почему-то Тернер чувствовал, что она здесь, знал, что пистолет уже у нее в руках – в этих умелых коричневых руках, нацелен ровно, не дрожит и в любую секунду готов выплюнуть смерть. Он понятия не имел, где сейчас Комптон. Тут в клипсе передатчика, процарапавшись сквозь черепную кость, раздался голос Сатклиффа:

– Тернер, что это было?

Света звезд было теперь достаточно, чтобы различить силуэт Уэббер. Женщина скорчилась за камнем, дуло пистолета смотрит ему в лицо, локти уперты в колени.

– Он был подсадкой Конроя, – сказал Тернер, опуская «смит-и-вессон».

– Боже милосердный, – выдохнула она. – Я, я подсадка Конроя.

– У него была внешняя связь. Я такое уже видел.

Пришлось ей повторить уже сказанное дважды.

В голове – голос Сатклиффа, затем – Рамиреса:

– Мы засекли ваш транспорт. Восемьдесят километров, приближается... В остальном, похоже, все чисто. В двадцати километрах на юго-юго-восток – малый дирижабль. Джейлин говорит, это беспилотный грузовик, идет точно по расписанию. Больше ничего. Чего это Сат орет, будто его насилуют? Натан говорит, он слышал выстрел. – Рамирес был подключен к матрице, и большая часть его сенсориума была занята информацией, поступающей с деки «Маас-Неотек». – Натан готов слить первый пакет...

Тернер и сам теперь слышал, как снижается истребитель, заходя на посадку на шоссе. Уэббер, выпрямившись во весь рост, шла к нему с пушкой в руке. Сатклифф раз за разом задавал все тот же вопрос. Тернер коснулся горлового микрофона:

– Это был Линч. Он мертв. Самолет прибыл. Вот он.

И тут машина оказалась прямо над ними. Черная тень. Невероятно низко. С погашенными огнями. Тормозит – вспышки из сопел; пилота-человека при такой посадке убило бы перегрузкой. Потом – жуткий скрип: телескопическая посадочная рама из углеродного волокна гасит удар о землю. Тернер смог различить зеленоватый отсвет приборной доски в пластиковой кривизне кабины.

– Вот же мать твою, – сказала Уэббер.

В стенке хирургического бокса за ее спиной распахнулся люк, в проеме обрисовалась фигура в маске и защитном костюме из жесткой зеленой ткани. Отбросив в тонкое облачко пыли, зависшее над местом посадки самолета, перекошенную тень врача, из трейлера хлынул поток сине-белого, очень резкого света.

– Закрой! – крикнула Уэббер. – Рано!

Когда дверь, обрезав на пороге свет, захлопнулась, они оба слышали мотодельтаплан. После рева истребителя звук малолитражного мотора казался гудением стрекозы. Но вот гудение начало затихать, а потом и вовсе исчезло.

– У него кончилось топливо, – проговорила Уэббер. – Но он близко.

– Прибыл, – коснулся Тернер микрофона. – Первый пакет.

Над ними прошелестел крохотный дельтаплан, черный треугольник, на миг затмивший звезды. Ни звука больше – лишь что-то полощется на ветру. Должно быть, одна из штанин Митчелла. Вот ты и здесь, над нами, подумал Тернер, совсем один, в самой теплой одежде, какая только у тебя была, в инфракрасных очках, которые ты сам же и смастерил, и теперь ищешь пару пунктирных линий, обозначенных дурацкими грелками для рук...

– Сумасшедший засранец, – пробормотал он, чувствуя, как его переполняет странное восхищение. – Видно, и вправду тебе приспичило удрать.

Затем с негромким праздничным хлопком взлетела вдруг откуда-то осветительная ракета; магниевый огонь под белым парашютиком начал медленно опускаться в пустыню.

Почти сразу же полыхнули еще две, а с запада донесся треск длинной автоматной очереди. Боковым зрением Тернер заметил, что Уэббер, спотыкаясь, бежит через кусты к бункеру, однако взгляд его был прикован к описывающему круги дельтаплану – к веселеньким оранжево-голубым матерчатым крыльям, к фигуре, скорчившейся на сиденье среди растяжек над хрупким треножником шасси. Лицо человека скрывали очки ночного видения.

Митчелл.

Плывущие в поднебесье огни заливали стоянку ярким светом – как футбольное поле. Дельтаплан заходил на посадку – грациозным и таким ленивым разворотом, что Тернеру хотелось закричать. Где-то за периметром площадки белой аркой повисла в воздухе линия трассиров. Мимо.

Приземляйся. Приземляйся. Тернер бежал, перепрыгивая через кочки, через какие-то кусты, которые цеплялись за брюки, за полы расстегнутой парки.

Осветительные ракеты. Зарево. Свет. От инфракрасных очков Митчеллу теперь никакого проку, он не видит теплового излучения грелок. Он промахнулся мимо полосы. Носовое колесо за что-то зацепилось. Дельтаплан зарылся носом, как смятая, порванная бабочка, и наконец застыл в поднятом им облаке белой пыли.

Вспышка взрыва, казалось, достигла Тернера за мгновение до звука, отбросив на бледный кустарник перед ним его собственную тень. Взрывная волна подхватила его и повалила на землю – откатившись в сторону, он увидел желтый огненный шар на месте расколотого надвое хирургического бокса и понял, что Уэббер выпустила-таки свою противотанковую ракету. Потом он вновь оказался на ногах, вновь побежал, сжимая револьвер.

Он достиг покореженного дельтаплана Митчелла как раз в тот момент, когда погасла первая осветительная ракета. Но сразу же, словно из ниоткуда, взлетела еще одна и распустилась над головой. Звук стрельбы стал теперь непрерывным. Перепрыгнув через смятый лист ржавой жести, Тернер обнаружил скорчившегося на земле пилота; голова его и лицо были скрыты под самодельным шлемом, из которого выступали уродливые линзы. Прибор ночного видения был примотан к шлему тускло серебрившейся изолянткой. Свернувшееся в клубок тело – укутано в несколько слоев темной одежды. Словно со стороны Тернер увидел, как его руки терзают ленту, сдергивают инфракрасные очки. Руки превратились в два самостоятельных существа, два бледных подводных создания, живущие своей жизнью на дне какой-нибудь глубоководной тихоокеанской впадины. Ему оставалось лишь смотреть, как они отчаянно срывают ленту, шлем, очки. А когда все это улетело, отброшенное, прочь, он уставился на белое девичье лицо под волной длинных, липких от пота каштановых волос, которые, выплеснувшись из-под шлема, смазали темную струйку крови, бегущую из носа. Глаза девушки открылись, показав пустые белки, и тогда Тернер по-пожарному закинул ее за спину и неуклюже метнулся, надеясь, что бежит правильно, в сторону реактивного самолета.

Второй взрыв он почувствовал через подошвы теннисных туфель и будто наяву увидел перед собой идиотскую улыбку пластикового комка взрывчатки, наклепленного на киберпространственную деку Рамиреса. Вспышки не последовало – только звук и отдача взрывной волны по всему бетону автостоянки.

А потом он очутился в кабине, где, как в новеньком автомобиле, пахло длинными мономерными цепочками – привычный аромат техники новейшей чеканки. Позади него – девушка, безвольная кукла, спеленутая в коконе противоперегрузочной сетки. Конрою пришлось заплатить дополнительные бабки торговцу оружием в Сан-Диего, чтобы тот установил эту сетку позади пилотской. Самолет дрогнул, оживая, когда Тернер заворочался, устраиваясь поудобнее в своей сетке. Он пошарил в поисках кабеля, нашел его, вырвал из разъема микрософт и воткнул на его место коннектор интерфейса.

Знание вспыхнуло в голове, как заставка компьютерной игры, и Тернер подался вперед, ощущая себя самолетом, да и, по сути, став им – чувствуя, как перестраивается под ним в

стартовую позицию гибкая посадочная рама, как мягко гудят сервоприводы, закрывая фонарь кабины. Противоперегрузочная сетка вздулась вокруг него, жестко фиксируя конечности; в правой руке все еще был зажат револьвер.

– Вперед, мать твою!

Но самолет и так все понял. На Тернера навалилось ускорение, и он погрузился во тьму.

– Вы были без сознания, – сказал самолет.

Смоделированный чипом голос смутно напоминал голос Конроя.

– И сколько же?

– Тридцать восемь секунд.

– Где мы?

– Над Нагосом.

Зажегся верхний дисплей, высветив дюжину постоянно изменяющихся фигур, а поверх них – упрощенную карту района «Аризона – Сонора».

Небо побелело.

– Что это?

Молчание.

– Что это?

– Сенсоры определяют взрыв, – сказал самолет. – Мощность как у тактической ядерной боеголовки, но электромагнитное излучение отсутствует. Эпицентром разрушения является точка нашего взлета.

Белое сияние поблекло и исчезло.

– Отменить курс, – приказал Тернер.

– Курс отменен. Прошу дать новые координаты.

– Хороший вопрос, – протянул Тернер.

Он не мог повернуть голову, чтобы взглянуть на девушку у себя за спиной. Как она там, жива ли?

15

Шкатулка

Марли снился Ален... сумерки над лужайкой полевых цветов. Он баюкал ее голову на сгибе локтя, потом нежно погладил по волосам и сломал ей шею. Лежа неподвижно в траве, она прекрасно сознавала, что он делает. Он целовал ей лицо и плечи. Он забрал у нее деньги и ключи от комнаты. Звезды стали огромными, будто приклеенными над сочной яркостью полей, а она все чувствовала его руки у себя на шее...

И проснулась. Утренний аромат кофе, квадраты солнечного света, разбросанные по книгам на столе Андреа, успокаивающе знакомый утренний кашель подруги – это Андреа прикуривает от конфорки свою первую утреннюю сигарету. Страхнув темные краски сна, Марли села на кушетке в гостиной подруги, обхватив руками колени поверх темно-красного стеганого одеяла. После Гнасса, после полиции и репортеров ей никогда не снился Ален. Или, если и снился, пришло ей в голову, она подсознательно отфильтровывала эти сны, стирала их, прежде чем проснуться. Она поежилась, хотя утро было теплое, а затем отправилась в ванную. Вот уж чего она не хотела бы – чтобы ей еще когда-нибудь приснился Ален.

– Пако сказал, что Ален пришел на нашу встречу с оружием, – сказала она, когда Андреа протянула ей голубую эмалированную кружку с кофе.

– Ален был вооружен? – Разрезав омлет, Андреа сдвинула половину на тарелку Марли. – Что за дурацкая мысль. Это все равно как... как вооружить пингвина. – (Подруги рассмеялись.) – Ален не из таких, – сказала Андреа. – Он отстрелил бы себе ногу посреди очередной страстной тирады о ситуации в искусстве или о сумме ресторанного счета. Он, конечно, тот еще мерзавец, этот твой Ален, но это ни для кого не новость. На твоём месте я больше бы беспокоилась из-за этого Пако. Какие у тебя основания верить ему на слово, что он работает на Вирека? – Она проглотила кусочек омлета и потянулась за солью.

– Я его видела. Он там был, в конструкторе Вирека.

– Ты видела картинку, просто изображение – изображение ребенка, который был слегка похож на этого парня.

Марли смотрела, как Андреа ест, а ее завтрак остывал на тарелке. Как описать чувство, охватившее ее, когда она уходила от Лувра? Эту уверенность в том, что теперь ее окружает нечто, с расслабленной точностью отслеживающее каждое ее движение, что она стала центром внимания со стороны по крайней мере одной из частей вирековской империи?

– Он очень богатый человек, – начала она.

– Вирек? – Положив нож и вилку на тарелку, Андреа принялась за кофе. – Я бы сказала, да. Если верить журналистам, он самый богатый индивидуум на планете. Точка. Богат, как какое-нибудь дзайбацу. Но индивидуум ли он – вот в чем загвоздка. В том же смысле, что ты или я? Ответом будет «нет». Ты разве не собираешься есть?

Марли начала механически отрезать и подносить ко рту куски омлета, а Андреа продолжала:

– Тебе стоит глянуть рукопись, над которой мы работаем в этом месяце.

Не переставая жевать, Марли вопросительно подняла брови.

– Это история орбитальных промышленных кланов. Монография какого-то профессора из университета Ниццы. Кстати, там даже этот твой Вирек есть. Он приводится в качестве противопоставления, или, скорее, варианта параллельной эволюции. Этот книжный червь из Ниццы изучает парадокс личных финансовых состояний в эпоху корпораций, пытается разобраться, почему они вообще до сих пор еще существуют. Я имею в виду огромные состояния, сосредоточенные в руках отдельных личностей. Он рассматривает орбитальные кланы вроде Тессье-Эшпулов как самый распоследний вариант традиционной модели аристократии. Соб-

ственно говоря, это анахронизм – поскольку корпорация как вид не допускает возникновения элиты. – Поставив чашку на тарелку, Андреа отнесла посуду в раковину. – Правда, уже начав рассказывать, сама понимаю, что не так уж это и интересно. Целые страницы весьма серой прозы о природе «Массового Человека». Именно так, с большой буквы. Этот профессор обожает заглавные буквы. Стилист еще тот. – Она нажала рычажок, и в фильтрационном блоке зашипела вода.

– А что он говорит о Виреке?

– Он пишет, если правильно помню, а в этом я совсем не уверена, что Вирек даже еще большее отклонение, чем эти промышленные кланы с орбиты. Клан обычно охватывает несколько поколений, причем, как правило, там все замешано на медицине: криогеника, генетические манипуляции, различные методы борьбы со старением. Смерть одного члена клана, пусть даже его основателя, обычно не ведет к кризису всего клана как экономической единицы. Всегда находится кто-нибудь, кто готов занять освободившееся место, всегда кто-то ждет своей очереди. Различие между кланом и корпорацией, однако, в том, что за корпорацию не нужно выходить замуж в буквальном смысле этого слова.

– Но ведь служащие подписывают пожизненный контракт...

Андреа пожала плечами:

– Это скорее договор о найме, что не одно и то же. На самом деле речь идет о гарантии трудоустройства. Но когда умрет твой герр Вирек, когда медтехи не найдут, куда еще расширить его резервуар, или что там у него, его деловые интересы лишатся логического стержня. Согласно теории нашего профессора из Ниццы, на этой стадии «Вирек и компания» или распадется на части, или мутирует. В последнем случае – превратится в «Компанию Такую-то», настоящую транснациональную корпорацию, еще одно прибежище для Массового Человека с большой буквы. – Она вымыла тарелку, сполоснула, вытерла ее и поставила в основную стойку возле раковины. – Профессор полагает, что это очень скверно, поскольку слишком мало осталось тех, кто способен хотя бы увидеть рубеж.

– Рубеж чего?

– Рубеж толпы. Мы затеряны в середине, ты и я. Вернее, это я там – во всяком случае, пока. – Она пересекла кухню и положила руки на плечи Марли. – Ты побереги себя. В чем-то ты уже намного счастливее, но теперь я понимаю, что и сама могла бы этого добиться, просто устроив тебе небольшой ланч с этой свиньей, твоим бывшим любовником. В остальном же я не совсем уверена... На мой взгляд, всю красивую теорию нашего академика перечеркивает тот очевидный факт, что Вирек и ему подобные уже далеко не люди. Пожалуйста, будь осторожней...

На этом, поцеловав Марли в щеку, Андреа убежала на работу – в свой кабинет заместителя редактора такого модно архаичного предприятия, как книжное издательство.

Все утро Марли провела в квартире Андреа с проектором «Браун», изучая голограммы семи работ. Каждая из них была по-своему необычна, но Марли все время возвращалась к той шкатулке, которую Вирек показал ей первой. Что останется, думала она, если, имея оригинал, убрать стекло и один за другим вынуть разложенные внутри предметы? Беспольный хлам, обрамленное пространство, быть может, запах пыли.

Лежа на кушетке – «Браун» покоился у нее на животе, – Марли в который раз стала всматриваться в шкатулку. Та будто излучала волны боли или какого-то мучительного томления. Марли почудилось, что конструкция с идеальной точностью пробуждает в ней нечто совершенно определенное, но для этой эмоции не находилось названия. Марли запустила руку внутрь яркой иллюзии, провела пальцами как бы вдоль полой птичьей кости. Она была уверена, что Вирек уже посадил орнитологов определить, из крыла какой именно птицы попала сюда эта косточка. И вполне возможно – с доскональной точностью определить возраст каж-

дого предмета. К каждому квадратику голофиши прилагался подробный отчет о происхождении каждого предмета в отдельности, но что-то заставляло ее намеренно избегать подобной информации. Сталкиваясь с тайной, именуемой искусством, иногда лучше всего подходить к ней как ребенок. Ребенок замечает то, что натренированному взгляду представляется само собой разумеющимся, слишком очевидным.

Поставив «Браун» на низкий столик возле кушетки, Марли подошла к телефону, чтобы узнать, который час. В час дня ей предстояло встретиться с Пако и обсудить, как именно будут переданы Алену деньги. Ален сказал, что он сам позвонит в три на квартиру Андреа. Пока она набирала номер службы времени, по экрану автоматически бежали сообщения спутниковой сводки новостей: над Индийским океаном при входе в атмосферу рассыпался шаттл компании «Джей-Эй-Эль»; из Столичной Оси Бостон – Атланта вызваны специальные следователи для осмотра остатков квартиры в спальном пригороде в Нью-Джерси, которая была взорвана, жестоко и, вероятно, без мотива; военизированные отряды добровольцев надзирают за эвакуацией южного сектора Нового Бонна, последовавшей за обнаружением строительными рабочими двух неразорвавшихся ракет, оставшихся со времен войны, предположительно с биологическими боеголовками; официальные источники в Аризоне отвергают обвинение Мексики во взрыве атомного или термоядерного устройства малой мощности близ границы с Сонорой... Пока она смотрела, сводка пошла по второму кругу, и изображение шаттла вновь устремилось к своей огненной смерти. Покачивая головой, Марли нажала кнопку. Полдень.

Лето пришло. Небо над Парижем – жаркое и синее, и она улыбалась запаху свежего хлеба и черного табака. Пока она шла от метро по данному Пако адресу, ощущение, что за ней наблюдают, несколько ослабло. Улица Фобур-Сент-Оноре. Адрес казался смутно знакомым. Галерея, подумала она.

Действительно, галерея. «Робертс». Принадлежала она американцу, который содержал одновременно еще и три галереи в Нью-Йорке. Дорого, но не последний шик. Пако ждал возле невероятных размеров витрины, в которой под толстым и неровным слоем лака раскинулись сотни маленьких квадратных фотографий. Такие выплевывает на вокзалах и конечных станциях автобусов только один тип очень старомодных автоматов. Похоже, все это были снимки молодых девушек. Марли автоматически обратила внимание на имя художника и название работы: «Прочти нам „Книгу имен мертвых“»¹⁶.

– Полагаю, вы разбираетесь в таких вещах, – угрюмо приветствовал ее испанец.

На нем был дорогого вида синий костюм в парижском деловом стиле, белая в шелковистый рубчик рубашка и очень английский галстук, вероятно от «Шарве». Сейчас никто не принял бы его за официанта. Через плечо у Пако висела итальянская сумка из черного ребристого каучука.

– Что вы имеете в виду? – спросила она.

– Имена мертвых, – кивнул он в сторону витрины. – Вы же выставляли подобные работы.

– И чего же вы не понимаете?

– У меня иногда возникает такое чувство, будто все это, вся эта *культура* – чистойшей воды надувательство. Уловка. В том или ином обличье я всю мою жизнь служил сеньору, понимаете? И в моей работе, как и во всякой другой, есть свои радости, свои моменты триумфа. Но ни разу с тех пор, как сеньор подключил меня к этому делу по современному искусству, я не испытывал ни малейшего удовлетворения. Сеньор – воплощенное богатство. Мир полон объектов величайшей красоты. И тем не менее он гоняется за... – Пако пожал плечами.

¹⁶ Аллюзия на «Некрономикон» – вымышленную книгу из произведений Г. Ф. Лавкрафта, название которой можно перевести с греческого как «Книга имен мертвых».

– Значит, вы знаете, что вам нравится, – улыбнулась в ответ Марли. – Почему вы выбрали для нашей встречи именно эту галерею?

– Здесь агент сеньора приобрел одну из шкатулок. Разве вы не читали предоставленные вам в Брюсселе досье?

– Нет, это может меня сбить. Герр Вирек платит мне за интуицию.

В ответ испанец только поднял брови:

– Я познакомлю вас с Пикаром, это управляющий галереей. Возможно, он чем-то сможет помочь этой вашей интуиции.

Он провел ее через комнату, потом открыл какую-то дверь. Седеющий коренастый француз в помятом вельветовом костюме говорил в трубку радиотелефона. По экрану бежали колонки букв и цифр. Дневные котировки нью-йоркского рынка.

– А, это вы, Эстевес, – извиняясь, улыбнулся француз. – Прошу прощения. Одну минутку.

И Пикар вернулся к своему разговору. Пока он говорил, Марли изучала котировки. Поллок снова упал. Это была как раз та сторона арт-бизнеса, в которой Марли разбиралась хуже всего. Пикар, если так звали этого человека, наставлял брокера в Нью-Йорке, обговаривая приобретение некоторого числа «пунктов» работы определенного художника. «Пункты» высчитываются самыми разными способами в зависимости от того, какие средства использует художник. Впрочем, с почти полной уверенностью можно было утверждать, что сам Пикар никогда не увидит приобретаемых работ. Если художник имеет достаточно высокий рейтинг, оригиналы, скорее всего, надежно спрятаны в каком-нибудь сейфе, где их вообще никто не видит. Дни или годы спустя Пикар, возможно, наберет тот же самый телефонный номер и прикажет брокеру продавать.

Галерея Марли продавала оригиналы. Это приносило сравнительно немного денег, но зато и своего рода нутряное, непосредственное удовлетворение. И разумеется, всегда оставался шанс, что тебе повезет. Она, помнится, убедила себя, что ей действительно очень повезло, когда Алэн устроил так, чтобы «случайно» всплыл поддельный Корнелл. Корнелл высоко котиrowался у брокеров, и его «пункты» стоили очень дорого.

– Пикар, – будто обращаясь к слуге, произнес Пако, – познакомьтесь, это Марли Крушкова. Сеньор подключил ее к делу об анонимных шкатулках. Ей, возможно, захочется задать нам несколько вопросов.

– Очарован, – сказал Пикар и тепло улыбнулся, но Марли показалось, что она уловила в кариx глазах галерейщика некий проблеск: скорее всего, он пытался связать имя с каким-то скандалом, причем сравнительно недавним.

– Насколько я понимаю, именно в вашей галерее была оформлена эта сделка?

– Да, – подтвердил Пикар. – Мы выставили работу в нашем нью-йоркском зале и получили ряд предложений. Однако мы решили дать ей шанс также и в Париже... – он весь светился от радости, – и благодаря вашему работодателю это решение оказалось весьма прибыльным. Как поживает герр Вирек, Эстевес? Мы не видели его уже несколько недель...

Марли украдкой бросила взгляд на Пако, но смуглое лицо испанца осталось совершенно невозмутимым.

– Я бы сказал, сеньор прекрасно себя чувствует, – ответил он.

– Великолепно, – сказал Пикар с чуть излишним энтузиазмом. Он повернулся к Марли. – Чудесный человек. Легенда. Великий меценат. Великий ученый.

Марли показалось, что она услышала, как Пако вздохнул.

– Не могли бы вы мне сказать, где именно ваше нью-йоркское отделение приобрело данную работу?

Лицо Пикара вытянулось. Он взглянул на Пако, потом снова на Марли:

– Вы не знаете? Вам не рассказали?

– Не могли бы вы сказать мне сами?

– Нет, – сказал Пикар. – Очень жаль, но не могу. Видите ли, мы не знаем.

Марли уставилась на него в полном недоумении:

– Прошу прощения, но я не совсем понимаю, как такое возможно...

– Она не читала отчетов, Пикар. Расскажите ей все. Услышать историю из первых уст – это может подстегнуть ее интуицию.

Пикар бросил на Пако странный взгляд, потом взял себя в руки.

– Конечно, – сказал он, – с удовольствием.

– Вы думаете, это правда? – спросила она Пако, когда они вышли на залитую солнцем улицу; в толпе тут и там мелькали японские туристы.

– Я сам ездил в Муравейник, – ответил Пако, – и опросил всех, кто имел хоть какое-то отношение к этому делу. Робертс не оставил никаких записей о покупке, хотя обычно он скрывает не больше, чем любой арт-дилер.

– И его смерть была случайной?

Испанец надел зеркальные очки «порше».

– Столь же случайной, какой бывает любая подобная смерть, – ответил он. – У нас нет никакой возможности узнать, как или где он приобрел шкатулку. Мы обнаружили ее здесь восемь месяцев назад, и все наши попытки проследить ее путь оканчивались на Робертсе, а тот уже год как мертв. Пикар выпустил из своего рассказа то, что мы едва не потеряли шкатулку. Робертс хранил ее в своем загородном доме вместе с целым рядом прочих предметов, которые его наследники сочли просто набором курьезов. Весь лот едва не продали на публичном аукционе. Иногда мне хочется, чтобы так и произошло.

– А остальные предметы, – спросила Марли, примеряясь к его шагу, – что представляют собой они?

Он улыбнулся:

– Вы думаете, мы их не отследили, каждый в отдельности? Отследили, проверили. Все они, – тут он нахмурился, делая вид, что напрягает память, – «ряд малопримечательных образчиков современного народного искусства»...

– А что, известно, что Робертс интересовался чем-то подобным?

– Нет, – отозвался он, – но мы знаем, что приблизительно за год до смерти он подал заявку на членство в институте «Арт-Брют», здесь, в Париже, и добился того, чтобы стать попечителем «Собрания Эшман» в Гамбурге.

Марли кивнула. «Собрание Эшман» состояло в основном из работ психопатов.

– Мы питаем разумную уверенность, – продолжал Пако, беря ее под локоть и направляя за угол, в боковую улочку, – что он не делал никаких попыток использовать ресурсы того или другого учреждения. Может быть, прибег к услугам посредников, хотя это маловероятно. Сеньор, конечно, нанял несколько десятков специалистов, чтобы проверить архивы обоих заведений. Без всякого результата...

– Скажите, – поинтересовалась Марли, – почему Пикар думает, что недавно видел герра Вирека? Как это возможно?

– Сеньор богат. Сеньор любит являть себя по-всякому.

Он завел ее в какое-то кафе – несмотря на поблескивающие зеркала, ряды бутылок и игральные автоматы, оно напоминало отделанный хромировкой коровник. Зеркала лгали о размерах помещения, в глубине зала Марли увидела отраженный тротуар, ноги пешеходов, солнечный зайчик на втулке колеса. Пако кивнул сонного вида мужчине за стойкой бара и, взяв ее за руку, повел через мелководье круглых пластмассовых столиков.

– На звонок Алена вы можете ответить и отсюда, – сказал он. – Мы устроили так, чтобы его переадресовали из квартиры вашей подруги.

Он выдвинул ей стул – автоматический жест профессиональной вежливости, и она подумала, не был ли он и в самом деле некогда официантом, – и поставил на стол сумку.

– Но он же поймет, что я не у Андреа, – возразила Марли. – А если я отключу видео, у него тут же возникнут какие-нибудь подозрения.

– Ничего этого он не увидит. Мы сгенерировали цифровой образ вашего лица и требуемый фон. Осталось только ввести программу в этот аппарат.

Вынув из сумки элегантный телефон, он поставил его на стол перед Марли. На крышке устройства бесшумно развернулся и тут же приобрел жесткость тонкий, как бумага, полимерный экран. Марли однажды случилось наблюдать, как выходит на свет бабочка, и этот экран напомнил ей чем-то трансформацию подсыхающих крыльев насекомого.

– Как это сделано? – спросила она, осторожно касаясь экрана. На ощупь тот напоминал тонкую сталь.

– Новый поликарбон, – сказал он, – разработка «Мааса»...

Телефон тихонько замурлыкал. Поправив аппарат так, чтобы экран оказался точно перед Марли, Пако обошел столик.

– Ваш звонок. Помните, что вы дома! – сказал он и, потянувшись через стол, коснулся клавиши с титановым покрытием.

Маленький экран заполнили лицо и плечи Алена. Будто задымленное, с плохой подсветкой изображение значило, что звонит он из телефонной будки.

– Доброе утро, дорогая, – сказал Ален.

– Привет, Ален.

– Как дела, Марли? Полагаю, ты достала деньги, о которых мы договорились? – (Ей было видно, что одет он в какую-то темную куртку, но разрешение не позволяло разобрать детали.) – Твоей приятельнице стоило бы взять несколько уроков по уборке дома, – сказал он и, казалось, попытался заглянуть ей за спину.

– За всю свою жизнь ты ни разу не убрал комнату сам, – отозвалась она.

Ален с улыбкой пожал плечами:

– У каждого свои таланты. Мои деньги у тебя, Марли?

Она взглянула на Пако, тот кивнул.

– Да, – сказала она. – Конечно.

– Чудесно, Марли. Великолепно. Есть только одна крохотная загвоздка. – Он все так же улыбался.

– И какая же?

– Мои информаторы удвоили цену. Соответственно, и я должен удвоить свою.

Пако кивнул. Он тоже улыбался.

– Хорошо. Мне, конечно, придется спросить... – Теперь ее от него просто тошнило. Захотелось выключить телефон.

– И они, естественно, согласятся.

– Так где мы встретимся?

– Я позвоню еще раз. В пять, – сказал он.

Изображение съежилось до единственной сине-зеленой точки, как на экране радара, потом и она исчезла.

– У вас усталый вид, – сказал Пако, складывая экран и убирая телефон в сумку. – Вы выглядели старше, когда говорили с ним.

– Правда?

Перед ее внутренним взором вдруг почему-то возникла витрина в галерее «Робертс», все эти лица. «Прочти нам „Книгу имен мертвых“». Все они – Марли, подумала она, все эти девушки – это я, какой была в долгую пору юности.

16

Легба

– Вставай, придурок. – Реа не слишком нежно пихнула его под ребра. – Поднимай задницу.

Бобби очнулся, сражаясь с вышитым крестиком покрывалом и полуоформившимися силуэтами неизвестных врагов. С убийцами матери. Он лежит в незнакомой комнате, в комнате, которая может быть где угодно. Многочисленные зеркала в рамах из позолоченного пластика. Ворсистые алые обои. Так декорировали свои комнаты готики, если могли это себе позволить, но он видел, как их родители оформляли в таком же стиле целые кондо. Швырнув на темперлон узел каких-то шмоток, Реа засунула руки в карманы черной кожаной куртки.

Покрывало в розово-черную клетку сбилося складками вокруг талии. Бобби глянул вниз и увидел, что членистое тело многоножки почти полностью утонуло в колее свежего розового шрама в палец шириной. Бовуар говорил, что эта штука ускорит заживление. Бобби недоверчиво потрогал новенькую ткань – болезненно, но, в общем, переносимо. Затем перевел взгляд на Реа, выставил средний палец и сказал:

– Сама поднимай задницу на *это*.

Несколько секунд они в упор смотрели друг на друга поверх поднятого пальца Бобби. Наконец Реа рассмеялась.

– Ладно, – сказала она, – один-ноль в твою пользу. Я перестану тебя доставать. А сейчас подбери вещички и одевайся. Тут должно найтись что-нибудь, что тебе подойдет. Скоро за тобой явится Лукас, а он не любит, когда его заставляют ждать.

– Да? А мне он вроде показался спокойным мужиком.

Бобби стал рыться в куче одежды: отбросил в сторону черную рубашку с пейслийскими узорами из состирывающегося золота, красную атласную куртку с оторочкой из белой искусственной кожи по рукавам, черное трико с вставками какого-то прозрачного материала...

– Где ты это взяла? – спросил он. – Я не могу носить такую дрянь...

– Это моего младшего братца, – ответила Реа. – Осталось с прошлого сезона – и лучше бы тебе натянуть что-нибудь на свою белую задницу, пока не появился Лукас. Эге, а это мое. – Она вырвала трико, как будто Бобби собирался его украсть.

Бобби натянул черную с золотом рубашку, еще пришлось повозиться с кнопками из стекляшек под черный жемчуг. Нашел наконец пару черных джинсов, но мало того что они оказались обвисшими и плиссированными, так в них еще и не было карманов.

– Это все штаны, какие у тебя есть?

– Господи, – вздохнула она, – я видела одежду, которую срезал с тебя Пай. Тоже мне, блин, модник. Просто оденься, ладно? Мне не нужны неприятности с Лукасом. С тобой он, может, и миндальничает, – значит, просто у тебя есть что-то очень ему нужное, вот он и не выделяется. У меня, уж конечно, ничего такого нет. Так что из-за меня Лукас угрызений совести испытывать не будет.

Бобби нетвердо встал на ноги возле топчана и попытался застегнуть черные джинсы.

– Молнии нет, – сказал он, поднимая глаза на Реа.

– Поищи пуговицы. Должны быть где-то внутри. Такой стиль, знаешь ли.

Бобби нашел пуговицы. Хитрая конструкция. Он подумал, что будет, если ему понадобится отлить по-быстрому. Увидев возле кровати черные тапки из нейлоновых ремешков, он сунул в них ноги.

– А Джекки? – спросил он, ковыляя туда, где мог бы взглянуть на себя в зеркало в золоченой раме. – Из-за нее Лукас станет испытывать муки совести? – Он следил за Реа в зеркале и увидел, что на ее лице промелькнула какая-то тень.

– А это еще что должно означать?

– Бовуар... он сказал, что она лошадь...

– Тише ты, – оборвала его Реа тихим и настойчивым голосом. – Если Бовуар упоминает при тебе о чем-то таком, это его дело. В остальных случаях это не то, о чем можно говорить, понял? Есть вещи настолько скверные, что ты сам предпочел бы вернуться на Большую Площадку к этим гопникам, которые тебя покоцали, уж поверь.

Бобби следил в зеркале за отражением ее черных глаз в тени полей мягкой фетровой шляпы. Теперь в них, казалось, появилось чуть больше белизны, чем раньше.

– Ладно, – сказал он после паузы, а потом добавил: – Спасибо.

Он поиграл воротом рубашки: поднял его сзади, снова опустил, пробуя разные варианты.

– Знаешь, – Реа склонила голову набок, – если тебя одеть, ты не такой уж урод. Правда, глаза у тебя как два окурка в сугробе...

– Лукас, – начал Бобби, когда они спускались в лифте, – ты не знаешь, кто это был? Кто разделался с моей старухой? – Он намеревался спросить совсем другое, но вопрос выскочил сам собой, как пузырек болотного газа.

Лукас доброжелательно оглядел его с головы до ног. Черное длинное лицо негра осталось совершенно невозмутимым. Его великолепно сшитый черный костюм выглядел так, как будто его только что выгладили. В руке Лукас держал тяжелую трость из блестящего полированного дерева в красных и черных завитках прожилок, с массивным латунным набалдашником. Вниз от набалдашника сбегали латунные накладки в палец длиной, утопленные в дерево трости.

– Мы этого не знаем, – широкий рот сжался в прямую и очень серьезную складку, – но нам очень хотелось бы знать...

Бобби неуверенно переступил с ноги на ногу – ему было очень не по себе. Уже сам лифт заставлял его робеть и чувствовать себя неловким. Размерами тот напоминал небольшой автобус – и, хотя кабина не была переполнена, Бобби оставался в ней единственным белым. Черные, заметил он, когда его взгляд беспокойно скользнул по кабине, во флюоресцентном свете вовсе не выглядят полутрусами, как это происходит с белыми.

Трижды за время их спуска лифт останавливался на каком-нибудь этаже и подолгу застревал там, однажды – минут на пятнадцать. Когда такое случилось в первый раз, Бобби вопросительно глянул на Лукаса.

– Что-то в шахте, – ответил тот на невысказанный вопрос.

– Что?

– Другой лифт.

Лифты располагались в сердцевине «улья», шахты были оплетены трубами водоснабжения и канализации, толстыми кабелями электропроводки и еще какими-то коммуникациями в теплоизоляционной обмотке. Бобби решил, что это часть геотермальной системы, о которой рассказывал Бовуар. «Внутренности» Проекта вылезали наружу, стоило только раздвинуться дверям кабины: все грубо, оголено, как будто те, кто строил «улей», хотели, чтобы последующие жильцы точно знали, как именно работает вся эта механика и что куда ведет. И все вокруг, каждую видимую поверхность покрывала вязь наползающих друг на друга граффити, настолько плотная, что почти невозможно было различить хоть какую-нибудь отдельную надпись или символ.

– Ты ведь никогда раньше не бывал тут, Бобби? – спросил Лукас, когда двери в очередной раз захлопнулись и кабина опять стала опускаться.

Бобби покачал головой.

– А жаль, – продолжал Лукас. – Конечно, это вполне понятно, но все равно – стыд и срам. Дважды-в-День говорил мне, что ты не испытываешь особого желания засиживаться в Барритауне. Это правда?

– Разумеется, – согласился Бобби.

– Ну, на мой взгляд, это вполне понятно. Ты кажешься мне молодым человеком с богатым воображением и, что еще важнее, достаточно инициативным. Согласен? – Уткнув латунный набалдашник в широкую ладонь, Лукас пригвоздил Бобби испытующим взглядом.

– Наверное, да. Терпеть не могу это захоlustье. В последнее время я стал замечать, что... ну... здесь никогда ничего не происходит, понимаешь? Я хочу сказать, что-то случается, но это всегда чертов раз за чертовым разом одно и то же, как повторный показ, каждое лето похоже на предыдущее. – Бобби смешался, гадая, что Лукас о нем подумает.

– Да, – отозвался тот. – Знакомое чувство. В отношении Барритауна это, быть может, чуть более верно, чем в отношении прочих мест. Но с тем же успехом такое можно сказать и про Нью-Йорк, и про Токио.

Не может этого быть, подумал Бобби, но все равно кивнул. Предостережение Реа крепко засело у него в голове. Лукас, казалось, таил в себе не больше угрозы, чем Бовуар, но уже одни его габариты служили предостережением. Бобби в последнее время всерьез обдумывал новую теорию о том, как держат себя некоторые представители рода человеческого, он еще не додумал ее до конца, но отчасти она основывалась на следующем постулате: тем, кто может быть по-настоящему опасен, вовсе не обязательно выставлять это напоказ, а способность скрывать угрозу делает их еще опаснее. Это шло вразрез с правилами Большой Площадки, где малыши-шестерки безо всякого веса из кожи вон лезли, чтобы, обвешавшись хромированными шипами и прочей дребеденью, проканать за буйных. Что, вероятно, шло им на пользу, по крайней мере в глазах местной тусовки. Однако Лукас явно был не из тех, кого хоть сколько-нибудь интересовало мнение местной тусовки.

– Ты, я вижу, сомневаешься, – продолжал Лукас. – Ну, в этом ты, вероятно, и сам довольно скоро убедишься. Впрочем, не в ближайшем будущем. Учитывая, какой оборот приняла твоя жизнь, скучать тебе еще долго не придется.

Двери лифта, содрогаясь, разъехались в стороны, и Лукас шагнул из кабины, легонько, как ребенка, подталкивая Бобби перед собой. Они вышли в гулкий вестибюль, который, казалось, тянулся в бесконечность. Повсюду – киоски и занавешенные тряпками прилавки, и люди, сидящие возле одеял с разложенной на них всякой всячиной.

– Не задерживайся. – Лукас слегка подтолкнул Бобби огромной ладонью, когда тот остановился перед лотками с подержанным софтом. – Ты на пути в Муравейник, друг мой, и ты отправляешься туда так, как подобает Графу.

– То есть?

– В лимузине.

Машина Лукаса ошеломляла – поразительно длинный, черный в золотых проблесках корпус, натертая до зеркального блеска латунь и целая коллекция чудных приспособлений, о назначении которых Бобби мог только гадать. Он решил, что одно из них – явно спутниковая антенна, хотя по форме она напоминала скорее не блюдце, а какое-нибудь календарное колесо ацтеков. Но тут он оказался внутри, и широкая дверца, мягко щелкнув, закрылась за ними. Окна были затемнены – пожалуй, даже слишком: изнутри казалось, что на улице ночь, причем довольно суетливая, поскольку обитатели Новостроек спешили по своим утренним делам. Внутри автомобиль представлял собой одно большое купе, заваленное пестрыми ковриками и светлыми кожаными подушками. Никаких сидений здесь, похоже, не наблюдалось. Равно как и рулевого колеса; на месте приборной доски – мягкая кожаная обивка без какого-либо следа приборов. Бобби посмотрел на Лукаса, который уже успел распустить черный галстук.

– Как ты его водишь?

– Садись где-нибудь. А водят его так: Ахмед, отвези наши задницы в Нью-Йорк, в Нижний Ист-Сайд¹⁷.

Машина плавно скользнула от обочины, а Бобби упал на колени в мягкую горку ковриков.

– Ланч будет подан через полчаса, сэр, если только вы не пожелаете чего-нибудь раньше. – Мягкий мелодичный голос, исходящий, казалось, из ниоткуда.

Лукас рассмеялся.

– Да уж, в Дамаске знали, как делать подобные вещи, – сказал он.

– Где?

– В Дамаске, – повторил Лукас, расстегивая пиджак и устраиваясь на горке палевых подушек. – Это «роллс». Из старых. В те времена, когда у них еще водились деньги, арабы делали неплохие машины.

– Лукас, – спросил Бобби с полным ртом (ел холодного жареного цыпленка), – как так выходит, что нам до Нью-Йорка ехать еще полтора часа? Ведь нельзя сказать, что мы ползем...

– Потому что, – сказал Лукас, сделав паузу ради еще одного глотка охлажденного белого вина, – дорога займет у нас ровно столько, сколько нужно. Ахмеда на заводе оснастили всеми необходимыми приспособами, включая первоклассную систему блокировки наблюдения. На трассе, пока он в движении, Ахмед обеспечивает изрядную степень секретности, намного большую, чем та, за которую я при обычных обстоятельствах готов платить в Нью-Йорке. Ахмед, как ты полагаешь, кто-нибудь пытается достать нас – подслушать или еще чего?

– Нет, сэр, – ответил голос. – Восемь минут назад наша идентификационная панель была инфрасканирована с вертолета тактических сил. Номер вертолета – «Эм-Икс тире три тире восемьсот сорок восемь», пилот – капрал Роберто...

– Ладно, ладно, – прервал Лукас. – Прекрасно. Это не имеет значения. Видишь? Ахмед вытащил из тактиков больше информации, чем они получили от нас. – Вытерев руки о толстую белую льняную салфетку, он выудил из кармана пиджака золотую зубочистку.

– Лукас, – снова начал Бобби, пока негр осторожно ковырялся ею в щелях между большими квадратными зубами, – что произойдет, если я, скажем, попрошу тебя отвезти меня на Таймс-Сквер и там высадить?

– Ага, – отозвался Лукас, опуская зубочистку, – самый деловой район города. В чем дело, Бобби, наркотики нужны?

– Да нет, просто интересно.

– Интересно что? Тебе нужно на Таймс-Сквер?

– Нет, просто это первое место, какое пришло мне в голову. Я имел в виду, ты меня отпустишь?

– По правде сказать, нет, – сказал Лукас. – Но тебе не следует думать, что ты заключенный. Скорее – гость. Ценный гость.

Бобби бледно улыбнулся:

– А-а. Ладно. Как это называется? «Содержание под стражей в целях безопасности»?

– Верно, – сказал Лукас, снова принимаясь за зубочистку. – И пока мы тут надежно экранированы славным Ахмедом, пора бы нам, Бобби, поговорить. Думаю, брат Бовуар уже рассказал тебе кое-что о нас. Что ты думаешь о том, что он тебе рассказал?

– Ну, – протянул Бобби, – это действительно очень интересно, но я не уверен, что все понял.

– Чего ты не понял?

– Ну, я, например, ничего не понимаю в этих ваших вудуистских штучках...

Лукас поднял брови.

¹⁷ *Нижний Ист-Сайд* – район на юго-востоке Манхэттена.

– Это не мое дело, кто что готов проглотить, я хочу сказать – во что *поверить*, так? Но то Бовуар дело говорит, причем на уличном техе, да таком, что закачаешься, а через минуту – о каких-то мамбо и привидениях, о духах и змеях. И, и...

– И о чем?

– О лошадях, – выдавил Бобби, горло у него перехватило.

– Бобби, ты знаешь, что такое метафора?

– Железо какое-то? Вроде конденсатора?

– Нет. Ладно, оставим метафоры в покое. Когда Бовуар или я говорим с тобой о лоа и их лошадях, как мы называем тех немногих, которых избирают лоа, чтобы ездить на них, просто сделай вид, что мы говорим на двух языках разом. Один из них тебе понятен. Это уличный тех, как ты его называешь. Мы можем использовать другие слова, но говорим все же на техе. Скажем, мы называем что-то Огу Ферай, а ты то же самое мог бы назвать ледорубом, понимаешь? Но при этом теми же словами мы говорим и о других вещах, и вот их-то ты и не понимаешь. Тебе это и не нужно. – Он убрал зубочистку.

Бобби сделал глубокий вдох.

– Бовуар сказал, что Джекки – лошадь для змея, змея по имени Данбала. Можешь повторить то же самое на уличном техе?

– Естественно. Думай о Джекки как о деке – киберпространственной деке, очень хорошенькой и с красивыми коленками. – Лукас хмыкнул, а Бобби покраснел. – Думай о Данбале, которого некоторые называют змеем, как о программе. Скажем, о ледорубе. Данбала входит в деку Джекки, Джекки рубит лед. Вот и все.

– Ладно, – сказал Бобби, решив, что уже несколько освоился, – тогда что такое матрица? Если Джекки дека, а Данбала программа, что тогда киберпространство?

– Весь мир, – услышал он в ответ.

– Отсюда нам лучше пойти пешком, – сказал Лукас.

«Роллс» беззвучно и плавно остановился, негр встал, застегивая на две пуговицы пиджак.

– Ахмед привлекает слишком много внимания.

Он подобрал свою трость – дверь, открываясь, издала мягкий чмокающий звук.

Бобби выбрался вслед за Лукасом в безошибочно узнаваемый запах, ставший визитной карточкой Муравейника, – богатая амальгама затхлых выхлопов подземки, древней копоти и едкого канцерогенного духа от свежей пластмассы, все это замешано на углекислом привкусе запрещенного ископаемого топлива для автомобилей. Высоко над головой в отраженном ослепительном свечении дуговых ламп один из недостроенных фуллеровских куполов¹⁸ закрывает две трети вечернего неба цвета лососины. Рваный край купола напоминает разломанные серые соты. Лоскутное одеяло куполов Муравейника порождало непредсказуемые смены микроклимата: были, например, области на несколько кварталов, где с закопченных геодезиков непрерывно сыпалась тонкая водяная пыль сконденсировавшейся влаги; в кварталах же под самыми высокими секциями купола часто били статические разряды – такая специфическая городская разновидность молний.

На улице, по которой Бобби шагал вслед за Лукасом, сильно дуло. Теплый ветер бросал в лицо песок, – вероятно, это было как-то связано с перепадами давления в системе подземных коммуникаций, опутавшей весь Муравейник.

– Помни, что я тебе говорил, – сказал Лукас, шурясь от ветра с песком. – Этот человек представляет собой гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. И даже если это не так, ты

¹⁸ По имени американского архитектора и дизайнера Бакминстера Фуллера (1895–1983), пропагандировавшего строительство так называемых геодезических куполов – сетчатой оболочки из прямых стержней, обладающей минимальной массой при большом внутреннем объеме, причем чем больше купол, тем выше его несущая способность, поскольку нагрузка распределяется на большее количество элементов конструкции.

все равно обязан выказать ему некую толику уважения. Если хочешь стать ковбоем, раскрой глаза пошире – сейчас ты увидишь, так сказать, живого классика нашего ремесла.

– Ага, – протянул Бобби. – Ладно. – Он подпрыгнул, чтобы отделаться от посеревшей ленты распечатки, которой вздумалось обвиться вокруг его колена. – Так, значит, это у него вы с Бовуаром купили...

– Ха! Нет! Я же тебе сказал. Говорить посреди улицы – все равно что ньюсфаксу диктовать...

Бобби поморщился, потом кивнул. Блин! Он все время попадает впросак! Вот он с крупным дельцом по уши в каком-то потрясающем деле, а продолжает вести себя как вильсон. Делец. Вот самое подходящее слово для Лукаса и для Бовуара тоже. А эти разговорчики о вуду – просто игра, чтобы запудрить мозги окружающим, думал Бобби. В «роллсе» Лукас выдал какую-то пространную тираду о Легбе, который, по его словам, был лоа коммуникаций, «хозяин дорог и тропинок», а все это к тому, что человек, к которому он ведет Бобби, – избранник Легбы. Когда Бобби спросил, хунган ли этот человек, Лукас сказал, что нет. Он сказал, что этот человек шел бок о бок с Легбой всю свою жизнь, был к нему предельно близко и даже не подозревал, что лоа всегда рядом с ним, как будто лоа всегда был частью его самого, его тенью. И вот этот человек, сказал Лукас, продал им софт, который Бобби арендовал у Дважды-в-День...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.